

МЫ ДОЛЖНЫ
И МОЖЕМ
ДОБИТЬСЯ ТОГО,
ЧТОВЫ
СОЕДИНЕНИЕ НАШЕ
ВОШЛО
В ГЕРОЙЧЕСКУЮ
ЛЕТОПИСЬ
СВЯЩЕННОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
НЕУСТРАШИМЫМ,
ОВЕЯННЫМ
СЛАВОЙ ПОДВИГОВ
И ГЕРОЙСТВА,
ОРДENOНОСНЫМ
СОЕДИНЕНИЕМ.

Генерал
ПАНФИЛОВ

ИХ ИМЕНА
В ИСТОРИИ КРАЯ

Генерал
Г. А. Малинин ПАНФИЛОВ

*Героями не рождаются,
а становятся в результате самовоспитания...*

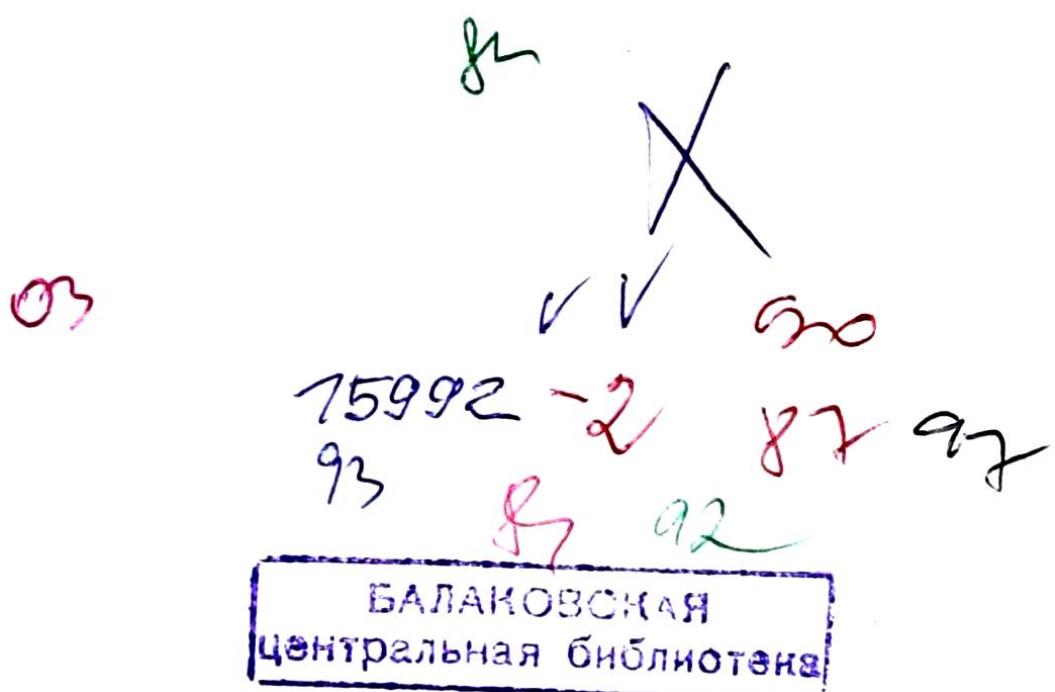
*Героем может стать каждый,
если глубоко осознает
свой долг перед Родиной
и выполнит его
во что бы то ни стало.*

И. В. Панфилов

Г. А. Малинин

Генерал ПАНФИЛОВ

Саратов
Приволжское
книжное издательство
1981

63.3(2)722.78
M19

Малинин Г. А.
M19 Генерал Панфилов: Ист.-докум. очерк.— Саратов:
Приволж. кн. изд-во, 1981.— 112 с.

В историко-документальном очерке автор рассказывает о жизни и боевом пути героя Великой Отечественной войны уроженца города Петровска Саратовской области прославленного комдива И. В. Панфилова.

Книга предназначена широкому кругу читателей.

11301
65-81

63.3(2)722.78

Предисловие

Более трех с половиной десятилетий минуло с тех пор, как умолк грохот сражений Великой Отечественной войны. Но память вновь и вновь возвращает нас к тем историческим дням, в огне которых родился мир. Эта война прошла через сердце каждого советского человека. О ней невозможно забыть.

Радостное чувство вызывает тот факт, что все новые и новые авторы обращаются к военной теме, актуальность которой очевидна: мы живем в условиях неутихающей идеологической войны, развязанной против нас идеологиями империализма. Достижение нашей главной цели — добиться мира во всем мире — во многом будет зависеть от того, насколько бережно мы будем хранить и чтить память о людях, без колебаний отдавших свои жизни за освобождение Родины.

Мы, старшее поколение, обязаны привить молодым беззаветную преданность Отечеству, должны воспитать в наших детях и внуках готовность к самоотречению, чтобы каждый из них в трудный для страны час мог сказать: «В любое мгновение возьми меня, Родина! Все мое — тебе...»

На мой взгляд, очерк Г. А. Малинина «Генерал Панфилов», предлагаемый читателю,— документ большого исторического и воспитательного значения. О легендарном генерале Иване Васильевиче Панфилове многое уже написано. Однако до сих пор не было подобного емкого и цельного произведения о нем. В очерке Г. А. Малинина жизнь и боевые дела Панфилова показаны наиболее глубоко, подробно и достоверно.

Автор поставил перед собой очень непростую задачу — написать документальный очерк. Им собран богатый фактический материал, он опирается на многие исторические документы и «живые источники» — воспоминания соратников Панфилова, его родных и близких, что делает книгу более достоверной и интересной.

Я считаю великим счастьем то, что мне довелось под командованием генерала Панфилова участвовать в героической обороне Москвы и воевать в дивизии имени Панфилова до разгрома фашистов в битве под Москвой — этой исторической битве, в результате которой был сорван гитлеровский план «молниеносной войны», развеян миф о непобедимости фашистской армии.

Малинин пишет: «...танки шли прямо на огневые позиции 2-й артиллерийской батареи Бабаяна, оборонявшей совхоз Болычево». В этой батарее

мне довелось быть командиром орудия. Войну я закончил командиром артиллерийского полка. За это время у меня сменилось много командиров, но образ Панфилова был незабываемым.

Миллионы людей испытывают неугасающий интерес к личности Панфилова, воинам-панфиловцам и их боевым делам. Нам, ветеранам-панфиловцам, часто приходится выступать перед самой различной аудиторией. Это и школьники, и студенты, и рабочие, и творческая интеллигенция, офицеры и солдаты, иностранные экскурсанты... И бывает очень приятно узнавать, что о панфиловцах многие знают и интерес к их боевым подвигам не ослабевает.

Малинин принял правильное решение — писать о генерале Панфилове документальное произведение. Биография Панфилова типична для советских военачальников его времени. Он всю свою сознательную жизнь посвятил благородному делу — делу защиты нашей Родины от врагов — и отдал во имя ее благополучия самое дорогое — жизнь.

Ратный труд сделал его выносливым, закалил характер, научил переносить невзгоды. Ему было присуще высокое чувство долга перед своим народом.

Ветераны-панфиловцы хорошо помнят такие крылатые слова своего генерала: «Героями не рождаются, а становятся в результате самовоспитания... Героем может стать каждый, если глубоко осознает свой долг перед Родиной и выполнит его во что бы то ни стало».

Автор очерка справедливо замечает, что уверенность командира дивизии передавалась всем его подчиненным, и они умело и мужественно сражались. К. К. Рокоссовский говорил: «Панфилов управлял войсками уверенно, твердо, с умом».

Панфилов всеми имеющимися у него средствами воспитывал в подчиненных ему войсках чувство личной ответственности каждого за судьбу Москвы и страны в целом. Многим панфиловцам, в том числе и автору этих строк, приходилось из его уст слышать: «Все мы должны гордиться тем, что страна нам доверила оборонять Москву».

Наверное, уместно заметить, что за весь период Московской битвы, в которой участвовало свыше миллиона советских воинов, 110 человек были удостоены звания Героя Советского Союза, и среди них было 30 панфиловцев. Слово «панфиловец» стало символом чести, воинской доблести и геройства, беззаветного служения своей Родине.

В военных кругах хорошо известно, что каждый командир свое подразделение или часть создает по образу и подобию своему. Вот что я имею в виду: в продолжение долгой службы в армии мне не приходилось сталкиваться с тем, чтобы, например, у командира-спортсмена была плохая физическая подготовка его подчиненных или у командира-отличного стрелка его бойцы плохо стреляли и т. д. Так и Панфилов, сам обладая в полной мере такими качествами военачальника, как отличное политическое образование, большая эрудиция, блестящее знание военной тактики, замечательная физическая подготовка, совершенное владение стрельбой из всех видов оружия, умело и настойчиво передавал все свои знания и умение офицерам и солдатам. Именно

поэтому его войска были образцовыми. Пламенный патриот своей Родины, Панфилов прославил свое имя, и его войска также прославились на весь мир своим беспримерным подвигом.

Предлагаемая читателю книга поможет ему глубоко осознать то, что мы, живущие, обязаны всем, что имеем, тем героям, кто не дожил до светлого Дня Победы, кто славно пал на поле боя, обеспечив народам мир и счастье на земле. Они всегда с нами. Они будут вечно жить в наших сердцах, в нашей памяти.

Надеюсь, что эта книга будет с удовольствием и интересом прочитана миллионами читателей и займет почетное место на книжной полке каждого советского патриота.

А. А. УШАКОВ,
ветеран-панфиловец, председатель
совета ветеранов-панфиловцев,
гвардии подполковник

От автора

Осенью 1981 года советский народ отметит 40-ю годовщину великой битвы под Москвой. Эта битва явилась первой золотой страницей в героической летописи Великой Отечественной войны. Разгром немецко-фашистских войск под Москвой положил начало коренному повороту в ходе войны, оказал огромное влияние на весь дальнейший ход Отечественной, а вместе с тем и всей второй мировой войны.

Одним из героев этой грандиозной битвы был наш земляк, уроженец города Петровска, генерал-майор Иван Васильевич Панфилов. Сражение под Москвой стало главным событием в его биографии. Он командовал легендарной 316-й (8-й гвардейской) стрелковой дивизией — самым популярным пехотным соединением того времени.

О жизни и боевом пути Героя Советского Союза И. В. Панфилова, об этапах его службы в Красной Армии и рассказывается в настоящем очерке. Прежде всего очерк имеет краеведческую направленность. В отличие от ранее опубликованных статей и воспоминаний о И. В. Панфилове в настоящем очерке уточнены время и места работы Ивана Васильевича в Саратове, его службы в 25-й Чапаевской стрелковой дивизии. Впервые подробно описывается пребывание И. В. Панфилова на Юго-Западном фронте в 1917 году, его участие в боях под Царицыном (Волгоград) и Сальском, против панской Польши в 1919—1920 годах.

При написании очерка автором использованы официальные источники: «История второй мировой войны 1939—1945» (том четвертый, «Битва за Москву»), воспоминания военачальников Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского, В. И. Казакова, А. А. Лобачева; записки жены генерала М. И. Панфиловой «Иван Васильевич Панфилов» и его дочери В. И. Панфиловой «Мой отец»; воспоминания соратников генерала: И. В. Капрала, Г. Ф. Курганова, З. С. Шехтмана, М. Габдуллина, П. Н. Кузнецова, Л. Макеева и других, опубликованные в сборнике «Народный генерал» («Казахстан», 1967), а также художественные произведения А. Бека «Волоколамское шоссе», «Несколько дней» и «Панфиловцы на первом рубеже», М. Габдуллина «Будни войны», А. Кривицкого «Красное число в календаре», «Разъезд Дубосеково», «Подмосковный караул», Б. Момыш-улы «За нами Москва» и «Генерал Панфилов», В. Осипова «Жизнь и смерть Василия Клочкива», Ф. Селиванова «Панфиловцы», Д. Снегина «На дальних подступах», Вл. Ставского «Фронтовые записки» и ряд других.

О смелый Сокол!
В бою с врагами истек
ты кровью.

М. Горький

Встреча с командармом

Попросив разрешения, Панфилов и комиссар Егоров вошли в большую и светлую комнату. Из-за широкого стола, на котором лежала развернутая топографическая карта, поднялся высокий, стройный военный с тремя золотистыми звездочками в петлицах. В его взгляде, в скрученных и неторопливых движениях угадывалась внутренняя собранность. Это был генерал-лейтенант Константин Константинович Рокоссовский, командующий 16-й армией.

Представившись командарму, командир 316-й стрелковой дивизии генерал-майор И. В. Панфилов коротко рассказал о своей дивизии и о себе.

— В район Рузы,— добавил он,— дивизия прибыла четыре дня назад. И здесь «села на колышки».

Командарм взглянул на говорившего вопросительно. Оказалось, что вместо оборонительных сооружений на этой полосе в действительности были вбиты только разметочные колышки, их обозначавшие.

— Воевали? — сдержанно улыбаясь, мягко спросил Рокоссовский.

— Нет, в боях дивизия еще не была, если не считать отдельных вылазок небольших групп на Северо-Западном фронте,— быстро освоившись с обстановкой, ответил Панфилов.

— Плохо, что дивизия не имеет опыта боевых действий,— задумчиво заметил командарм.

— Да, воевать еще не пришлось,— подтвердил комдив.— Но дивизия крепкая, полнокровная, необходимые навыки бойцы приобрели во время обучения. Возлагаемые на нее задачи выполнит.

— Чем занимались эти дни?

— Обживали район, знакомились с местностью,— доложил комдив.— Строили укрепления полевого типа. На дальнейшее жду ваших указаний.

— Думаю, вы правильно, генерал, поступили, начав с изучения местности,— сказал командующий армией.— Совершенно

правильно. Без этого воевать нельзя.— Рокоссовский помедлил, о чем-то задумался, затем, оживляясь, начал говорить о задачах дивизии.

— Я полагаю, товарищ Панфилов, вы и ваши бойцы хорошо понимаете, что на нас возложена чрезвычайно ответственная задача: остановить врага на дальних подступах к Москве. Повторяю: не пропустить врага к столице, остановить любой ценой. Дальше отступать некуда. К встрече с противником надо подготовиться как можно тщательнее, использовать оставшееся время. На особо опасных направлениях, и прежде всего на дорогах, немедленно приступить к созданию противотанковых узлов обороны. Не теряйте локтевую связь со своими соседями — 5-й армией. И наконец, проявите больше упорства и стойкости в обороне. Бейтесь до последнего снаряда, до последнего патрона. Так требует партия.

— Есть биться до последнего патрона, товарищ командующий,— ответил Панфилов.

— Ну а как вы полагаете, генерал,— задал вопрос Панфилову Рокоссовский,— в каком месте противник может начать наступление в полосе вашей дивизии?

— Все эти дни думаю об этом,— с застенчивой улыбкой ответил комдив. Он медленно подошел к лежавшей на столе топографической карте, внимательно осмотрел ее, затем начал показывать, аргументируя свою точку зрения.

— Противник рвется к Москве кратчайшим путем. Сейчас он попытается прорваться к шоссе южнее Волоколамска — здесь и вот примерно здесь.— Панфилов наклонился еще ниже и показал на карте. Рокоссовский, следя за карандашом командира дивизии, внимательно слушал. Подумав минуту, Панфилов так же тихо продолжал:

— Появления противника нужно скорее всего ожидать на левом фланге дивизии, на участке река Руза — совхоз Болычево, на стыке с 5-й армией.— Говоривший оторвался от карты, вскинул глаза на командарма и закончил:

— Сообразуясь с этим, дивизия перехватила дороги и безлесные участки. Сейчас прошли дожди, земля раскисла, и немцы со своей техникой, естественно, окажутся прикованными к дорогам. Здесь мы и думаем встретить их.

Рокоссовский перевел взгляд с карты на Панфилова и доброжелательно улыбнулся. Командир 316-й явно нравился ему своей неторопливой, продуманной манерой доклада, ясностью мысли и правильным пониманием своих задач.

— Пожалуй, правильно вы решили, генерал,— задумавшись, проговорил он.— Враг, по-видимому, главный удар нанесет

именно здесь. А каково настроение в ваших частях? — поинтересовался командарм.

— Боевое. Люди хотят драться! — уверенно ответил командир дивизии.

— Учтите, генерал, — заканчивая знакомство с командиром 316-й, проговорил Рокоссовский, — ваша дивизия — основная. Других крупных частей на этом участке пока нет. Так что держитесь!

Выслушав напутствие командарма, Панфилов высказал свою тревогу:

— Товарищ командующий, прошу помочь противотанковой артиллерией. У противника, как вы знаете, много техники, и одной пехоте своими средствами будет трудно сдержать его.

— Вы правы, генерал. Постараюсь помочь, — горячо откликнулся Рокоссовский.

Направляя через несколько дней два полка противотанковой артиллерии в распоряжение Панфилова, командующий армией был уверен, что отдает их в надежные руки.

Вспоминая эту встречу, К. К. Рокоссовский впоследствии писал: «Беседа с Иваном Васильевичем оставила глубокое впечатление. Я увидел, что имею дело с командиром разумным, обладающим серьезными знаниями и богатым практическим опытом. Его предложения были хорошо обоснованы».

Прежде чем стать умелым и опытным военачальником, Панфилов прошел нелегкий путь, полный опасностей и многих жизненных испытаний.

В Саратове

Родился Иван Васильевич Панфилов 1 (13) января 1893 года в Петровске — небольшом уездном городке Саратовской губернии. Отец его был мелким служащим местной земской управы. Мальчик рос бойким и веселым; смуглый цвет лица и цыганские глаза выделяли его из среды сверстников.

Когда Ване исполнилось восемь лет, его отдали учиться в двухклассное городское начальное училище (ныне средняя школа № 3). Он был старательным, любознательным учеником, отличался хорошими способностями и учился прилежно. Учителя и товарищи ценили в нем честность и правдивость.

— Ваня Панфилов, — вспоминал бывший учитель начального училища Н. М. Власов, — отлично учился по арифметике, русскому языку и истории. Учебник по истории России профессора

Богословского для начальных школ он знал наизусть. Когда вызывалась его, бывало, к доске и спрашивала, он, помню, всегда бойко, уверенно отвечал.

Отец и мать надеялись: подрастет сын, получит образование, станет легче жить, вдвоем с сыном будут зарабатывать на кусок хлеба. Но это так и осталось несбыточной мечтой. Получить образование Ване Панфилову было не суждено. Безрадостная, полная лишений и нужды жизнь рано свела в могилу его родителей. В 1904 году, когда Ване исполнилось всего 11 лет, а младшим — братишке Мите и сестренке Ульяне — было и того меньше, умерла мать, Александра Степановна.

Ваня долго помнил этот глубоко несчастный день. Когда он пришел из училища и увидел мертвую мать, лежащую со сложенными на груди руками, он страшно закричал, забился в истерике, затем бросился из дома к речке, где и проплакал в кустах дотемна. После похорон он заболел и поправлялся медленно. Мечты о гимназии или реальном училище пришлось забыть. За обучение в них надо было платить, а денег и так всегда не хватало.

— Не выбраться нам из нужды, Иван, при такой жизни,— кладя руку ему на голову, проговорил печально отец.— Видно, дети бедняков рождаются не для науки.

В дом к ним переехала двоюродная сестра отца — тетя Нюша, она и стала вести хозяйство.

А потом для Панфиловых настали совсем тяжелые времена: истощенный от постоянной нужды отец — Василий Захарович — начал часто болеть. Дети голодали.

— Поступай, Ваня, куда-нибудь на работу,— говорил он.— Глядишь, потихоньку и делу выучишься.

Митю и Улю взяли к себе родственники, а Ване, как старшему, пришлось самому думать о куске хлеба, идти «в люди».

В ноябре 1905 года, как только раскисшую дорогу сковало морозцем, Ваня с провожавшим его дядей Мишой отправился на подводе в Саратов. Близкие проводили их до конца улицы и долго смотрели на удаляющуюся повозку, пока Ванины глаза не затуманили слезы.

Прощай, родной дом! Прощай, Петровск!

В Саратове Ваню приютила тетка Олимпиада Степановна. Она жила недалеко от центра города, в Глебучевом овраге, возле узенького моста. По дну оврага протекал грязный ручей. На его склонах в тесных и сколоченных на скорую руку мазанках ютилась городская беднота, ремесленники, бурлаки. Здесь вечно стояла грязь, свирепствовали эпидемии холеры и дизентерии, часто возникали пьяные драки и поножовщина. В каких-то ста

метрах от дома тетки Олимпиады катила свои темные воды Волга. Неподалеку отливали золотом кресты и купола пяти церквей, слышался колокольный звон женского монастыря.

После долгих хлопот и низких поклонов тетка устроила Ваню «мальчиком» в лавку москательных товаров купца Короткова, что помещалась на Никольской (ныне Радищева) улице против Театральной площади (теперь площадь Революции). Два с половиной года прослужил у него Иван, претерпев массу унижений и побоев.

— Обычно мой день начинался рано, до рассвета,— вспоминал И. В. Панфилов.— С утра надо было спешить в дом купца, что находился на Гимназической улице (ныне Некрасова.— ред.), наносить дров, растопить плиту, натаскать с улицы воды, поставить самовар. Когда все домашние работы были выполнены, я должен был бежать в магазин и приниматься за уборку помещения, чистку витрин, подносить к прилавку товар, тару. Потом снова бежать домой, помогать прислуге готовить обед для хозяев. После того как поедят хозяева, обедал на кухне вместе с приказчиками, кухаркой и дворником. И снова помогал кухарке мыть посуду, снова бежал в магазин. К вечеру так уставал, что едва добирался до своего угла. Хорошо, что тетка жила неподалеку.

Тетка Олимпиада жалела Ванюшку, плакала, глядя на него, но помочь ничем не могла. У нее была своя семья, и она с большим трудом сводила концы с концами.

Дел и по дому, и в лавке всегда оказывалось по горло, и казалось Ване, что они никогда не кончатся. Жалованья же ему первое время не полагалось, он должен был трудиться за харч да за «науку».

И так день за днем, месяц за месяцем. Как-то угром Ваня по обычаю подавал на стол кипящий самовар. Вдруг откуда ни возьмись на него налетели игравшие купеческие дети. Самовар с грохотом упал на пол, обжег Ване кипятком ноги. Ребятишки в страхе мгновенно исчезли, а Ваня от растерянности остался стоять на месте, не зная, что делать. На шум в комнату прибежал сам хозяин, увидел лежащий на полу самовар, облитые кипятком половики. Ни слова не говоря, разъяренный купец набросился на мальчика, ударил чем-то тяжелым по голове. Ваня упал, потерял сознание. А купец продолжал избивать его лежачего.

В наказание Ване в течение трех дней из пищи не давали ничего, только воду и хлеб.

Это было для него, как и для многих обездоленных людей, «университетом». «С двенадцатилетнего возраста,— говорил

Панфилов своим избирателям во время выборов во Фрунзенский областной Совет депутатов трудящихся в 1939 году,— я стал жить своим собственным трудом по найму в городе Саратове, вкушая все сладости капиталистической эксплуатации».

Спустя полтора года Коротков разрешил Ване съездить на пасху домой, наградив его за усердие тремя рублями. Накупив родным подарков и гостинцев — вязанку баранок и коробку ландрона, он на попутной подводе приехал в Петровск. Родные были очень рады его приезду.

Всего три дня и удалось погостить дома. Но какие это были дни: радостные, светлые, ласковые.

На службе же продолжалось все по-прежнему — дрова, вода, уборка до изнеможения. И побои. Не выдержав издевательств, Ваня сбежал. Вскоре (это было лето 1908 года) ему удалось устроиться в «обойно-художественный магазин» купца второй гильдии Петра Соколова, находящийся на Никольской улице в так называемом «архиерейском корпусе» (ныне улица Радищева, 24, магазин «Бакалея-гастрономия»). Каждый день читал теперь Ваня красиво исполненные вывески, что висели по обеим сторонам магазинной двери. На одной из них вязью было выведено: «Богатый и изящный выбор обоев, kleenki всевозможных сортов, гуттаперчевые скатерти, ковры бархатные, джутовые и другие, половая дорожка, багеты, шторы, карнизы и всевозможные щетки». Другая была поменьше и гласила: «Принимаются заказы на отделку картин в рамы».

Но пожалуй, кроме вывески да имен хозяина с хозяйствкой, все остальное чем-то напоминало прежнюю жизнь. В лавке шла бойкая торговля, особенно по воскресным дням. Ивану приходилось много ходить по городу, разносить в богатые дома покупки — рулоны дорогих обоев, багеты, золоченые рамы, а иногда и тяжелые ковры. Выполнял и многие другие поручения по дому. И все надо было делать спешно, все бегом.

— Только, бывало, выполнишь один заказ, вернешься в лавку, — рассказывал впоследствии Иван Васильевич своим детям, — а уж тебе новое поручение готово. Так до поздней ночи. Часто за весь день не присядешь.

Не раз получал он и здесь подзатыльники и пинки от хозяина или хозяйки за «нерасторопность», неосторожное слово или просто за недостаточно почтительный поклон.

Хозяин, низенький толстяк с круглой головой и заплывшими маленькими подстерегающими глазками, имел крутой характер. Унижать людей ему доставляло удовольствие. Бывало, что и плакал Иван после незаслуженных побоев и издевательств.

— Не тебя одного бьют, — разражался купец бранью. — Без

этого науки не бывает. Ты ведь не с отцом-матерью живешь, понимать должен. Значит, терпи.

А купец любил не только покуряжиться, порой пытался излагать свою жизненную философию.

— Человек что волк, — злорадно усмехаясь, цедил он. — Если ты не съешь кого-то, то тебя самого слопают со всеми потрохами. Вон мукомолы Шмидты скольких справных мужиков — владельцев мельниц — по миру пустили. В нашем деле только так — кто кого. Любой способ хорош, если он ведет к обогащению. Хотя деньги, что ж, они, как говорится, сами счастья не дают, но оному способствуют,— заключал Соколов свои мудрые изречения, упиваясь и гордясь своей эрудицией.

Еще в школе Иван пристрастился к чтению. Это увлечение не прошло с годами. Когда выпадали свободные минуты, он читал книги без разбора. Выпросив у товарищей или купив за копейку рядом на толкучке какую-нибудь книжку, Иван забирался в укромный угол и читал до ночи. Особенно любил он повести о героических событиях, военных походах, о жизни великих полководцев.

А когда наступал праздник и магазин закрывался, Иван гулял по городу, бывал в цирке. Летом любил ходить на Волгу, купался, нежился на теплом песке, потом забирался на кручи Соколовой горы. Здесь всегда было торжественно, тихо и как-то особенно спокойно после чадной кухни и бестолковой суety по дому. С высокого обрывистого берега открывался чудесный вид на могучий разлив красавицы реки, на убегающие во все стороны волнистые степи Заволжья. Когда река была спокойной, в ней, словно в зеркале, отражалось и жаркое южное солнце, и кудрявые громады пухлых медлительных облаков. Где-то далеко, у самого края земли, за пеленой легчайшего голубого тумана, степь незаметно сливалась с прозрачной линией горизонта. Только рыбакские лодки да редкие пароходы, плывущие внизу по волжской глади, нарушали эту торжественность. Особенно привлекали внимание белоснежные, похожие на огромных сказочных птиц пассажирские суда.

Но свободные дни выпадали так редко. Когда Иван подрос, хозяин перевел его в младшие приказчики.

В 1912 году на Ивана обрушилось новое несчастье: умер отец. Он и его младшие братишка с сестренкой остались круглыми сиротами. Жить стало совсем трудно. Сиротство лишило братьев детства и радости, познакомило с тяжелой нуждой. Пришлось братишку к себе и униженно просить своего «благодетеля» купца Соколова принять в услужение и Митю. Купец открыл на углу Московской и Никольской улиц еще одну лавку.

Только рубль деньгами да харч — такова была плата младшему Панфилову.

С юных лет узнали Панфиловы, что такое бедность и жестокость. Рано возникла у них обостренная чувствительность к любому проявлению несправедливости. «Мы вместе служили у Соколова,— писал Дмитрий Васильевич Панфилов впоследствии на страницах саратовской газеты «Коммунист».— Не стану описывать жизнь мальчиков у псеволжского купца. Кто читал Горького, тот знает правду об этом».

Иван Панфилов к тому времени превратился в стройного, подтянутого юношу, среднего роста, с черными, как у цыгана, вьющимися волосами и аккуратно подстриженными усиками, которые он носил всю жизнь.

Однако и от Соколова пришлось уйти. Напившись как-то, купец в кровь избил его, а когда Иван упал, пинал сапогами.

Иvana взял к себе приказчиком Василий Боголюбов. Его лавка на Ильинской (ныне Чапаева) улице была завалена красками, лаками, обоями, обувью, различными инструментами. Опять надо было тянуть опостылевшую лямку — все-таки лучше, чем не иметь никакого места. Тысячи людей ходили по городу в поисках работы. Иван слишком хорошо знал, что такое голод.

Так и прошла бы вся юность Ивана, если бы не события, столь резко изменившие судьбу страны, судьбы простых людей. Россия — нищая, разутая, раздетая — вступила в первую мировую войну. Когда она началась, черносотенцы устроили шумную патриотическую манифестацию, до хрипоты орали «Боже, царя храни». Захмелевший хозяин шлялся по улицам города с толпой таких же верноподданных, таскал иконы и принимал активное участие в разгроме принадлежавших купцам-немцам лавок и магазинов. Трамвайные вагоны на Немецкой (проспект Кирова) улице стояли полдня, вожатые даже и не пытались провести их через озверевшую пьяную толпу. А вскоре улицы Саратова захлестнул поток беженцев из западных губерний, потянулись поезда с ранеными. После патриотического угара начались безрадостные военные будни.

Десять лет прожил Иван Панфилов в Саратове. Это были годы отрочества и юности, годы становления будущего героя Великой Отечественной войны. Осенью 1915 года Панфилова мобилизовали в царскую армию и направили в город Инсар Пензенской губернии в 168-й запасной батальон. После многолюдного и шумного Саратова Инсар показался маленьким и сонным городком. В этом городе началась его сложная и многотрудная военная служба, которой потом он отдал более четверти века.

Впредь до отправления на фронт здесь обучали пехотному

строю. Начались бесконечные строевые занятия, муштра. Уставали отчаянно. Дни тянулись однообразные, похожие один на другой. Воинская дисциплина строилась на жестокости, широко применялись телесные наказания.

Втягиваться в службу многим новобранцам было очень трудно. Но жизнь не баловала Панфилова и до этого, и потому он скоро привык к строгим армейским порядкам, к тяготам военной жизни. За год с небольшим он хорошо научился владеть оружием, освоил боевую подготовку и методику обучения бойца. Это в дальнейшем ему очень пригодилось.

После сдачи соответствующих экзаменов Панфилову присвоили звание унтер-офицера. «Основным фундаментом,— писал в своих воспоминаниях Маршал Советского Союза Г. К. Жуков,— на котором держалась старая армия, был унтер-офицерский состав, который обучал, воспитывал и цементировал солдатскую массу... Будущие унтер-офицеры по выходе из учебной команды имели хорошую боевую подготовку и в то же время владели «практикой» по воздействию на подчиненных в духе требований царского воинского режима».

Окончив в Инсаре учебную команду и получив звание, Иван Панфилов был зачислен в 638-й Ольгинский пехотный полк. В конце зимы 1917 года полк в составе 160-й пехотной дивизии прибыл на Юго-Западный фронт, в 7-ю армию, что находилась в районе Бучача, за рекой Збруч.

На фронте зтишье, лишь редкая ружейная да пулеметная перестрелка напоминала, что идет война. Офицеры устраивали кутежи, играли в карты, беззлобно рассказывали анекдоты о своих начальниках. Но неспокойно в окопах, в полках всей русской армии. В заношенных, замызганных шинелях, в заляпаных грязью ботинках с обмотками, познавшие все прелести окопной жизни, солдаты не проявляли никакого интереса к ходу и исходу войны.

— Однажды,— вспоминал Панфилов,— мы вдруг узнали, что восставшие рабочие в Петербурге свергли царя. Радости нашей не было конца. Все решили, что война кончилась, и сразу стали собираться по домам. Многие нацепили на грудь кумачовые банты. Ждали больших перемен.

Однако радость первых дней революции скоро начала тускнеть и сменяться недовольством и разочарованием. Пришедшее к власти Временное правительство не спешило заключить мир, передать землю крестьянам. Шел месяц за месяцем, а конца войны не было видно. В полку начала падать дисциплина, рос ропот. Солдаты все чаще поминали недобрым словом новое правительство и его министров, стали требовать прекращения затя-

иувшейся войны. Резко усилилось влияние большевиков и их лозунгов.

Суровая фронтовая жизнь превратила Ивана Панфилова в выносливого и смелого воина. Природная смекалка и отвага, умение найти выход из всякого положения создали унтер-офицеру большой авторитет среди солдат. Ему присвоили звание фельдфебеля, назначили командиром взвода. Солдаты полюбили его за справедливость и хорошее отношение к ним. К тому же Панфилов был веселым, общительным человеком, всегда находился среди солдат. Нередко читал неграмотным присланные из дома письма.

Эти вчерашние забитые крестьяне все больше начинали убеждаться в том, что дерутся они за чужие им интересы. На фронте Иван Панфилов под влиянием большевистской агитации скоро понял, что страдать и умирать солдатам приходится ради прибылей капиталистов и помещиков. Ни рабочим, ни крестьянам эта кровавая бойня была не нужна. Многое передумал он, сидя в грязных окопах.

— Граждане солдаты,— надрывался очередной оратор из офицеров на митинге.— Наш долг оставаться верными союзникам, мы должны довести войну до победного конца. И о проливах вопрос не решен.

— Скажи, какой завоеватель нашелся,— выкрикивали громко солдаты, стоя по команде вольно.— Ему, видите ли, жалко союзников, а нас ему ни черта не жалко, ему давай Дарданеллы. Ну, иди воюй, завоевывай эти самые проливы. А нам они ни к чему. Ты лучше скажи, господин хороший, когда нам, селянам, землю дадут.

Панфилов слушал всех. Генералов и солдат, большевиков и эсеров, со многими соглашался, других отвергал. В грохоте войны медленно нарастали в нем, как и в миллионах других солдат, те возмущение и ненависть, которые в конце концов привели к развалу фронта.

— В семнадцатом году я был еще совсем зеленым, метался, колебался. В руках винтовка! А что с ней делать? Куда стрелять, в кого? — говорил Панфилов впоследствии.

Чтобы отвлечь солдат от революционных выступлений и поддержать свой пошатнувшийся престиж, Временное правительство задумало новое наступление. Оно началось 18 июня на рассвете. Русские войска, возглавляемые воинственным генералом Корниловым, наносили удар в направлении Галича-Калуша.

С трудом преодолев проволочные заграждения, густые русские цепи навалились на баварские дивизии, погнали их на запад. Кругом свистят пули, рвутся вражеские снаряды, слышат-

ся стоны раненых, кое-где крики «ура». Панфилов видел, как то там, то здесь, словно подкошенные невидимой рукой, падали сраженные неприятелем солдаты его взвода, роты. Своя артиллериya из-за нехватки снарядов поддерживала пехоту слабо.

Заняв Галич и Калуш, войска вскоре вышли на реку Ломницу. Но форсировать ее уже не смогли. Искусственно созданный наступательный порыв русской армии на этом иссяк. А через неделю, воспользовавшись тем, что русские войска сильно поредели, а артиллерия и тылы и вовсе отстали, австро-германская армия нанесла ответный удар. Русские солдаты, силой и обманом погнанные в наступление, сперва попятились, потом бросились обратно в тыл. Этот отход запомнился Панфилову больше, чем наступление. До самого Збруча откатилась русская армия. Преступная политика Временного правительства привела к бессмысленной гибели десятков тысяч человек. Такова была цена кровавой авантюре Керенского.

А потом на фронте ввели смертную казнь. «Вот тебе и свобода», — вздыхали «граждане солдаты», почесывая затылки.

Буржуазия искала новые пути и средства борьбы с революционным движением в армии. «Зараженные» большевистским духом части и соединения правительство решило расформировать. В числе первых оказалась 160-я пехотная дивизия. Фельдфебель Панфилов был переведен в соседнюю часть.

Лето и осень прошли напряженно. Армия «полыхала» митингами и собраниями. Фронт на глазах разваливался, полки таяли. Уговаривать солдат не бросать винтовки, а драться «до победы» в дивизию приезжал комиссар Юго-Западного фронта известный эсер Борис Савинков. Эффектно заложив левую руку за спину, он призывал:

— Граждане солдаты! Временное правительство и я, его уполномоченный, не хотим верить, что вы отказываетесь продолжать войну. Я убежден, мы вместе пойдем до полной победы.

Выступавшие на митингах ораторы говорили проникновенно, горячо, призывали кончать войну. Все охотнее слушали солдаты выступления большевиков. С жадностью впитывал Панфилов все, что говорили они на митингах, писали в газетах, рассказывали товарищам по окопам. Их мысли, их дела, их идеи становились ближе и понятнее, волновали его, заставляли крепко задумываться. И не только потому, что некоторых из большевиков он знал и уважал. К такому убеждению привела его сама жизнь.

Вместе со всеми Панфилов тоже кричал «долой войну». Он даже вгорячах бросил винтовку. И вдруг, остыv, застыдился. Побежал обратно, взял ее: пригодится, еще неизвестно, как все сложится дальше.

В октябре чуть ли не весь 16-й армейский корпус по приказу Временного правительства был срочно погружен в эшелоны и направлен в ...Петербург на защиту Учредительного собрания.

Однако обмануть солдат на этот раз не удалось. Узнав, куда их направляют, они наотрез отказались ехать. А тут подоспело долгожданное. В Питере новая, социалистическая революция, Временное правительство низложено. К власти пришло рабоче-крестьянское правительство во главе с В. И. Лениным.

Рушится фронт старой царской армии. Внутри огромной разбуженной страны победоносно шагает Великая Октябрьская социалистическая революция. Многие части расформировываются. Иван Панфилов, как и миллионы других солдат, уезжает на родину.

В 25-й Чапаевской

В муках и страданиях рождался новый строй. Старый мир не хотел сдаваться без боя, он грозился уничтожить, смять, задушить рожденное революцией. Со всех сторон, точно воронье, полезли на молодую Республику Советов разношерстные, вооруженные до зубов полчища интервентов и белогвардейского отребья.

Но нельзя было поставить вновь на колени народ, узнавший счастье свободы, нельзя было погасить свет, зажженный идеями Октября. Панфилов видел, как голодные и разутые, плохо вооруженные бились красные бойцы и побеждали во много раз превосходящего врага.

Революция круто повернула и судьбу солдата из Петровска, помогла ему найти свое место в новой жизни. В феврале 1918 года Иван Васильевич вернулся в Саратов. Устроился было снова в магазин Боголюбова, но вскоре ушел: работа эта не могла его удовлетворять. Поступил на службу в губернский отдел советского контроля. Его направили контролером на переправу Саратов — Покровск (Энгельс). Паромы «Афина» и «Клеопатра» были старыми, маловместительными, а пассажиров и повозок перевозилось много. Бывали заторы. Одни ехали в Покровск или дальше, в Заволжские степи, другие, наоборот, — в Саратов. Надо было следить, чтобы все аккуратно платили за перевоз, а кассиры — не обсчитывали. Работы хватало.

Город жил тревожной прифронтовой жизнью. С трех сторон подняли мятежи астраханские, уральские и донские белоказаки. Севернее города Волгу захватили белочехи, войска самарской

«учредилки». На помощь внутренней контрреволюции спешили американские, английские, французские империалисты.

Трудно усидеть дома в такие бурные дни. Панфилов уже хорошо разбирался в политическом смысле классовой борьбы. И встал в строй сознательных бойцов революции.

Если революция резко повернула судьбу Ивана Панфилова, то настоящей школой для него стали гражданская война, Красная Армия и легендарная Чапаевская дивизия.

В начале сентября 1918 года И. В. Панфилов записался добровольцем в 1-й Саратовский советский полк. Полк размещался в Маринской гимназии (ныне ул. Горького, здание авиационного техникума). Командир полка А. Г. Ширмахер, бывший офицер старой армии, был грамотным, хорошо знающим военное дело человеком. В свое время он окончил Казанское военное училище, воевал в империалистическую войну, а в 1917 году перешел на сторону Советской власти. Побеседовав с Панфиловым, он назначил его командиром взвода.

Через несколько дней 1-й Саратовский полк отправился на Восточный фронт, в Заволжье, где решалась судьба революции. Полк был включен в состав 2-й бригады 1-й Самарской стрелковой дивизии и дислоцировался в районе Дергачей — Милорадовки.

События на этом участке фронта начали развиваться месяцем раньше. 9 августа чапаевские полки нанесли белым сокрушительный удар под селами Орловка и Левенка и погнали их дальше к Самаре. На правом берегу Волги Вольская дивизия разбила белогвардейцев в районе Вольска и Хвалынска. На по вестку дня встал вопрос об освобождении Самары, где с июня хозяйничали белочехи и самарская «учредилка».

25 сентября 1918 года по приказу командования 4-й армии 1-я Самарская дивизия перешла в наступление. Противник спешно отступал на всех направлениях. 1-й Саратовский и 3-й Николаевский стрелковые полки продвигались вдоль левого берега Волги.

Преследуя белогвардейцев, полки получили приказ перехватить железную дорогу, ведущую из Сызрани в Самару, и занять станцию Майтуга. Рота, в которую входил взвод Панфилова, должна была выбить противника из здания вокзала и пакгаузов. Силуэт высокой водонапорной башни был виден издалека, и Панфилов легко ориентировался при подходе к цели.

На подступах к станции бойцы встретили упорное сопротивление. В течение восьми часов красноармейцы вели бой. И лишь когда в последний момент они бросились в штыки, белые не выдержали удара и стали поспешно отходить. 5 октября станции

Майтуга и Безенчук были очищены от врага, захвачены пленные и трофеи.

Продолжая наступление, 1-й Саратовский и 3-й Николаевский полки на следующий день продвинулись далеко вперед и стремительной атакой заняли станции Томылово и Липяги, подошли вплотную к Самаре.

Белые открыли артиллерийский огонь. Железнодорожный мост через реку Самару противник взорвал, а плашкоутный деревянный поджег. На помощь чапаевцам пришли самарские рабочие: они пригнали лодки, дощаники, баркасы. На рассвете 6 октября под сильным огнем противника красноармейцы начали переправляться на вражеский берег. Преодолевая упорное сопротивление противника, чапаевцы ворвались в город. Жаркий бой завязался в кривых улочках и переулках, на площадях и возле больших домов. Повел бойцов своего взвода в атаку и Панфилов, умело ориентируясь в обстановке, намечая цель, вдохновляя солдат личной храбростью.

К вечеру 7 октября 1918 года Самара была полностью освобождена. Белочехи поспешно бежали, вслед за ними и большая часть армии, созданной обманом самарской «учредилки». Волга была очищена от иностранных интервентов.

Для Панфилова Самара была первым городом, в освобождении которого от белых он участвовал. Впереди его ждали многие бои, десятки, сотни других населенных пунктов.

Очистив Волгу от белогвардейцев, командование 4-й армии направило 24-ю Железную стрелковую дивизию на освобождение Бузулука и Оренбурга. Полкам же 1-й Самарской дивизии было приказано наступать на Уральск, оказать помощь малочисленной 2-й Николаевской (22-й стрелковой) дивизии, которой в это время командовал В. И. Чапаев. Уральское белоказачество целое лето угрожало Николаевско-Саратовскому району.

Во время наступления произошла реорганизация некоторых частей. Приказом по войскам Восточного фронта 19 ноября 1918 года 1-я Самарская дивизия была переименована в 25-ю стрелковую дивизию. В связи с этим и ее полки получили другие названия.

Наступая на Уральск, части 22-й и 25-й дивизий растянулись на 120 верст, с большими разрывами между ними. Если 25-я дивизия наступала от Самары, то 22-я — с тяжелыми боями пробивалась к Уральску со стороны Пугачева. Коммуникации оказались сильно растянутыми. Не хватало боеприпасов, продовольствия, зимнего обмундирования.

Белоказакам были хорошо знакомы каждая лощина, каждый кустик. К тому же они обладали большой маневренностью. И

все же чапаевцы, неся потери, продолжали продвигаться вперед. Там, где было особенно трудно, всегда появлялся Чапаев. «Он, как вихрь, метался по степи,— писал Д. Фурманов.— Его сегодня видим в одном селе, а назавтра — за сотню верст в стороне... Казаки трепетали от одного имени Чапаева». Бойцы верили ему безгранично. Достаточно было узнать им, что на позиции приехал «сам Чапай», как сразу их настроение и боевой дух заметно поднимались, всех охватывал какой-то особый энтузиазм. Геройство командира вдохновляло на ратные подвиги других.

Медленно продвигались и части 25-й дивизии. По мере продвижения вперед сопротивление белоказаков усиливалось. В одном из боев под форпостом Красным Саратовский полк понес значительные потери. Поредел и взвод Панфилова. Пришлось просить пополнения.

Выпавший вскоре глубокий снег и сильные морозы замедлили и затруднили действия белоказачьей конницы.

В начале января 1919 года две бригады 25-й дивизии повели наступление на Илецкий городок, прикрывая правый фланг 24-й Железной дивизии. Двигаться было чрезвычайно трудно — мороз, ветер; действовать оружием еще труднее. И согреться, обсушиться негде. К тому же по мере продвижения к уральским хуторам и станицам противник все чаще вступал в бой. С криком и гиканьем, с обнаженными клинками неожиданно налетали казачьи сотни на красноармейские подразделения. Для организации быстрого отпора бойцы устанавливали пулеметы на санки и в любой ситуации успевали развернуть их в сторону противника.

223-й и 224-й полки, потеснив белых, прорвались на 60 верст за реку Урал, заняв форпосты Требухин и Ганварцовское. Своими успешными действиями они перерезали тракт, идущий от Уральска на Оренбург, чем ускорили падение Оренбурга.

Несмотря на отчаянное сопротивление, чапаевцы 24 января 1919 года штурмом взяли столицу уральского казачества — город Уральск. В тот же день был взят и Илецкий городок.

В многочисленных боях мужали красные бойцы, росла зрелость командного и политического состава.

У Панфилова, как и у других бойцов и командиров, накапливался опыт борьбы с подвижными конными массами противника. В дальнейшем в боях под Царицыном и на Дону этот опыт очень пригодился. Поход на Уральск-Илецкий городок И. В. Панфилову запомнился не только частыми и внезапными налетами белоказачьих разъездов, но и сильными морозами, когда по несколько суток не было горячей пищи, возможности обогреться. Молодость, закалка, приобретенная во время импери-

листической войны, сознание, что воюешь за интересы простого народа, помогали переносить военные невзгоды, суровый быт.

Многие годы спустя, когда у Ивана Васильевича подросли свои дети, они в часы его отдыха стали расспрашивать о детстве, о службе в Красной Армии. А когда на экраны страны вышла незабываемая кинокартина «Чапаев», дети, находясь под ее сильным впечатлением, еще настойчивее стали допытываться у отца, служил ли он у Чапаева, видел ли легендарного начдива.

— Не только видел, но и воевал вместе с ним. Когда увидел его первый раз,— воодушевляясь воспоминаниями, рассказывал Панфилов,— меня прежде всего поразили его глаза, внимательный взгляд которых проникал глубоко в душу. Конечно, я, как командир, был достаточно наслышан как о его храбрости, так и его требовательности и строгости, когда речь шла о выполнении боевых приказов. Здесь он поблажек не давал никому. В то же время и бойцы и командиры знали о его чуткости и человеческой доброте. Любил своих бойцов Василий Иванович.

Впервые Панфилов услышал имя, а потом и увидел Чапаева вскоре по прибытии на фронт. Имя Чапаева было здесь хорошо известно и пользовалось среди бойцов всеобщей любовью.

Как-то Панфилову довелось даже присутствовать на беседе, которую Чапаев проводил с новичками. Сам Василий Иванович называл такую беседу лекцией о том, как на войне одному семерых не бояться.

— Помните,— говорил Чапаев, усаживаясь поудобнее в кругу бойцов,— вы прибыли в геройскую дивизию. Я принимаю только храбрых. У нас все орлы, все герои, а с такими орлами — и я орел. У нас один может воевать против семерых.— Подмигнув молодому конопатому парню, Чапаев продолжал:

— Наверное, слышал, как в одной веселой присказке говорится: «Мы, вятские, мужики хватские: семеро одного не боимся». Так ведь это когда было? Еще при царе Николашке. А сейчас ты защищаешь Советскую власть, значит, должен один не бояться семерых. Вот, к примеру, скачешь ты на коне с товарищами в бой или там в разведку. А навстречу беляки. Вас десять, а их, скажем, пятьдесят. Что делать? Главное — не струсить. Скачи прямо на врага, руби на лету: взмахнул шашкой направо — глядишь, нет одного, взмахнул налево — нет другого. Остальных и след простыл, не захотели подставлять свои головы под твою вострую саблю. Значит, все зависит от твоей ловкости и смекалки.

Еще лучше, если ты воюешь в пехоте. В пехоте одному-то бойцу воевать против шестерых или там семерых даже сподручнее, ладнее, чем семерым супротив одного. Семерым сколько ну-

жно ямок да бугорков, чтобы от пули спрятаться? А тебе всего один. А не найдешь, сделай ямку лопатой сам. Сделал, лежи спокойно, постреливай беляков. Прицелился хорошенко, убил одного, осталось только шесть, а там, гляди, и второго прикончил. Очень хорошо. Враги знают, что их много. Каждому хочется спасти себя, а на товарищему наплевать. Каждый предполагает, что тебя убьет его сосед, а сам начинает думать, как спасти свою шкуру. А ты думай, как третьего убить. Стреляй всех, если они тебе в плен не сдаются. А если сдался кто, руки ему вверх и веди прямо в штаб, ко мне.

Бойцы, как зачарованные, смотрят на своего начдива восторженно, ловят каждое его слово. Они верят, что одному против семерых воевать действительно не страшно.

— Василий Иванович,— расплываясь в хитроватой улыбке, говорит сидящий рядом с начдивом молодой курносый боец,— а если какая-нибудь шальная пуля да как вдарит в тебя! Тогда как?

— Шальная, говоришь? — повернувшись к нему всем корпусом, спрашивает Чапаев.— Так ведь пуля-то шальная, пуля — дура, а ты-то ведь, надо полагать, не дурак, голову-то свою под нее не подставляй. Ну, а если ранят,— добавляет он, улыбаясь,— лучшие не показывайся мне на глаза.

Веселый, задорный смех долго еще раскатывается по селу.

После таких «лекций» храбрость бойцов возрастила, они дрались действительно геройски, по-чапаевски.

Видел Панфилов В. И. Чапаева и еще несколько раз, полюбил этого простого, талантливого и смелого командира и товарища, учился у него искусству побеждать врага. Чапаев всегда поражал его беспримерной храбростью и отвагой.

Службой в 25-й Чапаевской дивизии И. В. Панфилов гордился потом всю жизнь.

От Уральских предгорий до Сальских степей

В воспоминаниях некоторых старых чапаевцев и основанных на них записках Марии Ивановны Панфиловой, жены генерала [Иван Васильевич Панфилов. «Казахстан», 1975], проскальзывает мысль, что Панфилов и дальше продолжал служить в 25-й Чапаевской стрелковой дивизии в составе 218-го Разинского полка, возглавляя в нем полковую разведку. Это досадное недоразумение.

Записями в личном деле И. В. Панфилова и документами архива Советской Армии это не подтверждается. В Разинском полку он никогда не служил. Сам Иван Васильевич писал, что с Восточного фронта он в составе Саратовского полка вскоре попал на Южный фронт, выступавший против Деникина, а после болезни и выздоровления — в 100-й стрелковый полк 12-й стрелковой дивизии *. В составе последнего участвовал в войне против панской Польши.

Немало исходил Панфилов военных дорог. С беззаветной храбростью сражался он на многих фронтах гражданской войны. Смелым и инициативным командиром показал себя в многочисленных боях и походах.

Но сколько бы мы ни вчитывались в оперативные сводки и донесения, во всякого рода исследования, посвященные сражениям времен иностранной военной интервенции и гражданской войны, мы, естественно, не найдем в них упоминаний о боевых действиях роты, и тем более взвода, которыми командовал в те годы И. В. Панфилов. Слишком мал масштаб. Однако боевые действия полков, в которых он воевал, можно в ряде моментов проследить.

Вскоре после взятия Уральска 25-я стрелковая дивизия по досадному недоразумению была расформирована. Полки ее первой и второй бригад остались в 4-й армии. Совместно с частями 22-й стрелковой дивизии они отправились дальше на юг освобождать Лбищенск. 3-й и 4-й Николаевские и Саратовский полки отозвали из Илецкого городка и передали на усиление 1-й армии (при этом Саратовский полк был переименован в 223-й стрелковый). Присоединив к ним 209-й Витебский полк 24-й стрелковой дивизии, командование армии создало Уфимскую ударную группу. Ее возглавил Михаил Дмитриевич Великанов — один из талантливых командиров молодой Красной Армии. Бойцы любили его за спокойную, непоказную храбрость. Под его командованием И. В. Панфилов воевал около года, пройдя с боями не одну сотню верст.

Ударная группа Великанова весной 1919 года участвовала в боях против Колчака. Совершив 250-километровый марш, она сосредоточилась севернее Стерлитамака, прикрывая пути от Уфы и Чишмы на Оренбург. Из-за бездорожья и глубоких снегов группа прибыла в указанный район только 24 марта. На нее бы-

* См. личное дело И. В. Панфилова № 515383, хранящееся в Архиве Министерства обороны СССР в г. Подольске, а также письма Центрального архива Советской Армии № 410 от 29 апреля 1964 г. и № 777/и от 7 декабря 1979 г.

ла возложена задача отбросить колчаковцев от реки Белой и овладеть Уфой. Более недели группа вела упорные бои на Стерлитамакском направлении. Однако для выполнения поставленной задачи сил оказалось явно недостаточно. Тем не менее своими действиями ударная группа Великанова отвлекла на себя значительные силы колчаковцев и задержала их на некоторое время, дав возможность укрепиться войскам, действовавшим на главном направлении. Колчаковцы обошли левый фланг группы, и ее полки совместно с частями 20-й стрелковой дивизии вынуждены были сперва отойти, а потом и оставить Стерлитамак. Они отошли к реке Салмыш, заняв оборону севернее Оренбурга.

В середине апреля ударная группа была расформирована. Ее полки были переданы в 20-ю стрелковую дивизию, получив соответственно новые номера 178, 179 и 180. В составе этой дивизии Панфилов принимал участие в боях за Оренбург.

На реку Салмыш Колчак перебросил из Златоуста 4-й армейский Оренбургский корпус генерала Бакича. Белогвардейцы рассчитывали нанести удар во фланг и тыл 1-й армии и всей Южной группы Восточного фронта. 22—23 апреля большая часть корпуса успела переправиться на пароме на правый берег широко разлившегося Салмыша. Продвинуться же дальше белые не смогли. По приказу командования рабочие полки, оборонявшие Оренбург, совместно с частями 20-й стрелковой дивизии окружили белогвардейцев и в бою 25—26 апреля 1919 года уничтожили их. Белоказаки в панике пытались переправиться через реку вплавь, на лошадях, повозках, досках. Многие из них утонули, более 200 человек во главе с генералом Цюмотом было убито, а 1500 человек сдалось в плен. Переправиться обратно удалось не более 300 солдатам. 4-й Оренбургский белогвардейский корпус перестал существовать.

Героическая оборона Оренбурга была одной из волнующих страниц борьбы Красной Армии на Восточном фронте. Она развеяла иллюзии белого командования об объединении контрреволюционных армий Колчака и Деникина.

Здесь, на реке Сакмаре, 20-я дивизия находилась до осени 1919 года, прикрывая Оренбург с востока. Ее начальником стал М. Д. Великанов, а на должность командира 3-й бригады был выдвинут командир 180-го (бывшего Саратовского) стрелкового полка А. Г. Ширмахер.

Вскоре 20-ю стрелковую в числе других «восточных» дивизий перебросили на юг против Деникина. Уже в пути, когда воинские эшелоны шли по территории Саратовской губернии, Панфилов догадался, что их направляют на Царицынский фронт. 9 октября 1919 года дивизия прибыла в Поворино в распоряжение коман-

дования 10-й армии и заняла линию обороны на стыке с 9-й армией. Не успели бойцы привести себя в порядок с дороги, как Донская армия Деникина перешла в наступление. На занятые полками 20-й дивизии позиции в районе станции Арчеда обрушилась кавбригада генерала Голубинцева. Троє суток бои шли с переменным успехом. После неудачных атак казаки не отходили далеко, они снова и снова налетали на боевые порядки 3-й бригады. Закаленные в боях с уральскими и оренбургскими белоказаками, бойцы не дрогнули и перед донцами. Красноармейцы не дали белоказакам прорваться к железной дороге. Первый бой на новом фронте дивизия выиграла. Это придало бойцам уверенности в своих силах, воодушевило их. Стык между 10-й и 9-й армиями был закрыт.

В последующие дни части 20-й дивизии, взаимодействуя с другими соединениями армии, преследуя противника, очистили всю территорию Арчединско-Донских песков и отбросили белых на этом участке за Дон.

Уже первые бои показали Панфилову, как и другим командарам, что бои под Царицыном отличаются от сражений, проведенных на Восточном фронте. Здесь, на юге, фронт оказался более насыщенным войсками, противник был активнее, его части маневреннее, напористее. Наличие больших масс конницы придавало сражениям быстротечный и более напряженный характер.

В результате ряда проведенных успешно боев 20-я дивизия оказалась на ближних подступах к Царицыну, в районе Иловля — Качалино. Используя благоприятно складывающуюся обстановку, командование армии приказывало дивизии совместно с другими соединениями осуществить операцию по разгрому группировки белых, прорвавшейся далеко на север, выйти к Волге и занять село Дубовка. Наступление началось 7 декабря утром. Части 4-го Кубанского конного корпуса генерала Топоркова оказались упорное сопротивление. Но на участке 20-й дивизии наступление развернулось более успешно. Продвигаясь к Дубовке, ее полки встретились с Запорожским полком белоказаков и полностью уничтожили его. Продолжая стремительно продвигаться на восток, бойцы затем сильно потрепали Кубанский полк, вынудили его в беспорядке отступить на юго-восток, к Волге. Посад Дубовка и соседние с ним села и хутора были освобождены бойцами 2-й и 3-й бригад 20-й дивизии. Основные пути отхода кубанцам к Царицыну были перерезаны.

Командование Кубанского конного корпуса, оказавшись отрезанным от своих главных сил, решило во что бы то ни стало пробиться обратно на юг. Основные силы корпуса оно сосредо-

точило против хутора Садки, который накануне заняли бойцы 180-го стрелкового полка. Разгадав замысел белых, полк по требованию занял позиции на северо-западной окраине Садков, окопался.

Утром 8 декабря три белоказачьих полка беспорядочно обстреляли красноармейцев из орудий. Затем, развернувшись, лавиной, с дикими криками понеслись на боевые порядки 180-го полка.

Подпустив атакующую конницу на близкое расстояние, красноармейцы встретили ее дружным ружейно-пулеметным огнем. Видя растерянность в рядах противника, бойцы с криками «ура» бросились в контратаку. Донцы в беспорядке обратились в бегство.

Так же неудачно для противника окончилась и следующая его атака.

Убедившись, что Садки им не взять, белогвардейцы решили изменить направление своих атак. Обойдя хутор, они бросились на соседний хутор Прудки. Но там их встретили пули бойцов 177-го стрелкового полка. Только небольшим группам белоказаков удалось прорваться через красноармейские цепи на юг, в сторону Царицына. Полностью был уничтожен 2-й Кубанский полк.

По случаю одержанной победы начальник 20-й дивизии М. Д. Великанов издал специальный приказ. Его зачитали перед строем. «Доблестные бойцы 20-й стрелковой дивизии! — говорилось в нем.— Удачным маневром мы заставили корпус противника, далеко забравшийся на север, в беспорядке отступить на юг, нанеся ему тяжелые потери... Теперь мы стоим на ближайших путях к Царицыну. Товарищи, напряжем все силы, удвоим, удесятерим всю энергию к овладению Царицыном!»

Бой под Садками вошел в героическую летопись борьбы за Царицын яркой страницей. Глубокий прорыв противника на север, захват им Дубовки и других сел был успешно ликвидирован. За мужество и геройизм личного состава в бою под Садками Реввоенсовет Республики наградил 180-й стрелковый полк Почетным Революционным Красным знаменем.

Спустя несколько дней, 28 декабря, войска 10-й армии перешли в решающее наступление. 3 января 1920 года Царицын был освобожден. Противник стремительно отступал по всему фронту.

Ведя бои с арьергардами противника, 20-я дивизия прошла свыше 300 верст через всю Донскую область, дважды форсировала Дон. В конце января 1920 года она подошла к реке Манычу, освободив станицу Великокняжескую (Пролетарскую).

Так волею военных судей Иван Васильевич Панфилов оказался в Сальских степях.

На исходе зимы 20-я стрелковая дивизия действовала в составе легендарной Первой Конной армии. По словам С. М. Буденного, дивизия «была одной из сильнейших и полнокровных частей Кавказского фронта».

Опыт боев с уральскими белоказаками в Заволжье весьма пригодился Панфилову и здесь, на Дону. Командир роты на всю жизнь запомнил сильнейшие бои, разгоревшиеся в донских степях — под Торговой (Сальском) и Егорлыкской.

14 февраля 1920 года по приказу командования части Кавказского фронта перешли в общее наступление в направлении Торговой — крупного железнодорожного узла.

Подойдя к Манычу, Панфилов со своей ротой оказался на крутом, обрывистом берегу. Спустившись вниз, бойцы скрылись в густых и высоких зарослях прошлогоднего камыша, окаймлявшего всю долину. Преодолев реку, красноармейские цепи, продвигаясь в глубоком снегу, завязали бой за деревню Екатериновку. К вечеру бойцы ворвались на окраину деревни. Белые цеплялись за каждый дом, каждую постройку. Еще рывок — и полк выбил бы противника из населенного пункта. Но на этот рывок уже не хватило сил. В этот момент на выручку подошла кавалерия. Она обошла деревню с юго-востока, и белоказаки, боясь окружения, поспешили отойти в степь.

А через сутки дивизия повела наступление уже на станцию Торговая и расположеннное рядом большое село Воронцовское. В них засели части 1-го Кубанского конного корпуса генерала Крыжановского и 1-й Кавказской кавдивизии. На помощь пехоте Буденный прислал из своего резерва два кавэскадрона. Бой сложился трудным. Каждая из сторон понимала значение железнодорожного узла и дралась с отчаянным упорством. Дело доходило до рукопашной.

Панфилов, находившийся со своей ротой на правом фланге полка, вовремя заметил, как часть белых, пробравшихся балкой, заходила в тыл. Повернув роту, он открыл дружный огонь.

Трижды бросались белые на рубеж, занятый ротой Панфилова. И каждый раз их встречали метким огнем, заставляя снова и снова откатываться назад.

В разгар боя цепи 20-й стрелковой сами кинулись в грозную, всесокрушающую атаку. Вместе со всеми ходил в атаку и Панфилов со своими бойцами. К ночи Торговая и село Воронцовское были полностью очищены от противника. На следующий день сюда прибыли полки Первой Конной армии со своим штабом.

Смертельно уставшие бойцы едва успели разместиться и обогреться, как в ночь на 19 февраля на Торговую неожиданно налетела мамонтовская конница численностью до 10 тысяч сабель (24 кавполка). Это оказалась кавгруппа (2-й и 4-й Донские корпуса) генерала Павлова.

На какое-то мгновение все перемешалось. Трудно было разобраться в темноте, где свои, где чужие. Кругом происходили короткие схватки.

Панфилов быстро собрал свою роту. Постепенно бой стал перемещаться к окраине, ушел в степь. Три часа шло это так внезапно начавшееся отчаянное сражение. Крепко досталось в эту памятную ночь хваленой мамонтовской коннице. Она потеряла убитыми и замерзшими до пяти тысяч человек и 2300 лошадей. «Жуткую картину представляла степь, усеянная сотнями убитых и замерзших белоказаков», — писал С. М. Буденный. До утра наблюдали бойцы Первой Конной и 20-й дивизии красное зарево от горевших в морозной степи костров, возле которых проводил остаток ночи побитый враг. Некогда гремевшая своими лихими налетами мамонтовская конница после этого боя значительно утратила свою боевую силу.

Оправившись после ночного боя, 20-я стрелковая повела наступление вдоль полотна железной дороги на станцию Песчаноконскую.

— Успех операции обеспечит только стремительность, — повторял Великанов, торопя свои полки. 180-й стрелковый полк он направил на левый фланг.

Заняв исходное положение, бойцы со штыками наперевес двинулись на позиции, где находились части 1-го Кубанского кавкорпуса. К 15 часам передовые красноармейские цепи ворвались в Песчаноконскую.

Пока пехота дралась с основными силами кубанцев, Первая Конная громила его штабы, тылы и резервные части, уничтожила два бронепоезда. Ее полки овладели селом Белая Глина. Путь на Тихорецкую был открыт. До нее оставалось всего два дневных перехода. Однако командование Первой Конной, вопреки предположениям белых, не бросило свои полки на Тихорецкую.

На совещании командного состава в штабе Первой Конной М. Д. Великанов высказал такие соображения:

— Нам сейчас надо оставить мысль о Тихорецкой, а как можно скорее разворачивать свои силы против павловской конницы, иначе может случиться так, что она нас опередит. Только после того, как будут разбиты конные корпуса генерала Павлова, мы можем двинуться на Тихорецкую.

М. Д. Великанова поддержали другие командиры и С. М. Буденный. Медлить было нельзя.

Буденный повернул армию (а также приданые ей 20-ю и 50-ю стрелковые дивизии) снова на север. 25 февраля 1920 года две конницы встретились в бою у реки Средний Егорлык. Деникинцы, уверенные в том, что Конармия наступает на Тихорецкую, совершенно не ожидали ее появления здесь. Произошло самое крупное за всю гражданскую войну сражение конниц (до 25 тысяч сабель с обеих сторон *).

Отборные войска Деникина, не выдержав натиска буденновцев, бросая лошадей и оружие, ломая остатки льда на Егорлыке, обратились в бегство. Этот бой с ударными силами белых во многом предрешил дальнейшую участь всей деникинской армии, ее разгром.

С. М. Буденный торопился нанести белым окончательный удар, чтобы не дать им возможности оправиться после жестокого поражения. 1 марта, развернувшись в боевой порядок, первыми перешли в наступление на станицу Егорлыкскую и станцию Атаман стрелки 20-й дивизии. В середине дня они встретились в открытом бою с ударной пехотной группой белых — корниловцами и пластунами из бригады полковника Чернецова, находящимися под охраной бронепоездов и огромного количества конницы. Несмотря на губительный огонь, красноармейские цепи упорно продвигались вперед. Улицы станицы белогвардейцы перегородили завалами из повозок, бревен, борон, плугов. Кровопролитный бой разгорелся по всей Егорлыкской. На помощь корниловцам и пластунам поспешила кавалерия. Но ничто: ни казачьи сабли, ни пули, ни снаряды — не могли уже остановить красноармейские цепи. Геронически преодолев завалы, бойцы с криками «ура» ворвались сперва на станцию Атаман, а потом на улицы Егорлыкской.

С южной окраины станицы на стрелков налетела вражеская конница. Трудно пришлось бы бойцам 20-й дивизии, если бы на помощь не пришли кавалеристы Первой Конной. Ее полки, развернувшись, стремительно ударили во фланг белоказакам. К концу дня вся станция и станица были освобождены.

— С такой героической пехотой не пропадешь! — заявил командир 4-й кавдивизии О. И. Городовиков.

Благодарить за помощь в бою к пехотинцам приезжал Семен Михайлович Буденный. «Храбро сражались бойцы, командиры

* В своей книге «Первая Конная на Дону» С. М. Буденный пишет, что в этом бою насчитывалось до 40 тысяч сабель.

и комиссары доблестной 20-й стрелковой дивизии», — писал Буденный впоследствии.

Сражение под Егорлыкской было последней крупной операцией по ликвидации денкинщины. Части разгромленных и деморализованных корпусов белых рассыпались на мелкие группы. Бросая орудия и пулеметы, больных и раненых, они откатывались на юг, к Черному морю. В рядах казачества началось разложение.

В боях под Егорлыкской сильно поредела и рота И. В. Панфилова. Ему же самому всю войну везло: смерть проходила мимо него. Но как-то теплым мартовским вечером, после боев, Панфилов свалился в сильнейшем жару: сыпной тиф. Больше месяца провалялся он в горячечном бреду на госпитальной койке в станице Великокняжеской. Заботливый уход, а главное — молодость помогли миновать смерть и справляться с тяжелым недугом. Но, когда пришел в себя, чуть не заплакал. Его дивизия, в рядах которой он прошел тысячи верст, была далеко, добивала белых где-то в предгорьях Кавказа.

Воспользовавшись предложенным по болезни отпуском, Панфилов поехал на родину, в родной Петровск. С тех пор как вышел из Саратова, он и месяца не прожил спокойно — частые бои, вечное напряжение, бесконечная смена мест. В военной круговорти, кипении суток как-то не оставалось места для личной жизни, для домашнего уюта. Да и дома, как такового, у него не было. Отпуск провел у сестры.

Даешь Варшаву!

Была чудесная весна, в праздничный наряд оделись сады и поля. Но радость снова омрачили грозовые тучи. Против советского народа затеял поход «с огнем и мечом» ставленник Антанты Пилсудский. Сжигая мирные украинские и белорусские села и хутора, ползли вооруженные Антантой польские легионы. В Крыму поднял голову недобитый черный барон Врангель. Над Советской страной в который раз нависла угроза.

Еще не оправившись как следует после болезни, Иван Васильевич пришел в военкомат и попросил отправить его на польский фронт. Так он попал в 100-й стрелковый полк 12-й стрелковой (Воронежской) дивизии также командиром роты.

Далеко на север, на самый правый фланг Западного фронта, направило командование дивизию, поручив ей обойти Варшаву с севера. Почти два месяца Панфилов храбро сражался против

наглых оккупантов, пройдя за это время путь от Западной Двины до Вислы.

После весеннего затишья наступление на Западном фронте возобновилось 4 июля. Разгромив в первые же дни войска северного крыла белопольской армии, части и соединения фронта начали быстро продвигаться на Вильно. 12-я стрелковая дивизия, прорвав вражескую оборону в районе Рыкуны (близ города Дины, неподалеку от Полоцка), вела преследования отступающих пехотных и конных частей противника.

Так уж случилось, что Панфилову пришлось воевать снова рядом с кавалеристами. Соседом 12-й стрелковой дивизии оказался 3-й конный корпус Г. Д. Гая. С некоторыми его частями Панфилов воевал еще весной на Дону. 14 июля в полдень части 12-й стрелковой дивизии ворвались на северную окраину Вильно. Жаркий бой разгорелся на городском бульваре и в центре города. Это был район особняков, квартир богачей, торговых контор. Засевшие в каменных домах и на крышах вражеские стрелки встретили красноармейцев сильным ружейно-пулеметным огнем. Панфилову приходилось не столько вести огонь, сколько выискивать вражеские огневые точки, направлять на их уничтожение группы бойцов. Почти каждое здание бралось с боем. Под прикрытием стрелков основная вражеская сила — Познанская дивизия — успела отойти на западную окраину. Оттуда она неоднократно пыталась контратаковать бойцов 100-го стрелкового полка. И только лишь когда под вечер в город с юго-востока вошли кавалеристы 10-й кавдивизии, противник поспешил оставить город.

Быстрый захват Вильно — древней литовской столицы — имел большое моральное и оперативное значение в ходе всей польской кампании. После больших потерь, понесенных в этих боях, белополяки быстро начали откатываться назад, к Варшаве.

Для Панфилова, привыкшего воевать на открытой местности, в степи, уличные бои были непривычными, имели свою специфику. К ним надо было приспособливаться, учиться командовать подразделением, когда не видишь всех бойцов.

Воспользовавшись отступлением белополяков, командование 4-й армии без оперативной паузы направило 12-ю стрелковую дивизию на штурм Гродно. Выполнение приказа, однако, несколько затянулось. На пути дивизии оказался малоразведанный лесисто-болотистый район — так называемая Гродненская пуща. Все мосты через речки в этом лесу враг разрушил, а проходимые дороги завалил спиленными деревьями. 100-й стрелковый полк, в котором служил Панфилов, шел в авангарде соединения, и на

его долю досталось больше всего трудностей. Четыре дня пробирались красноармейцы через труднопроходимые места. Только утром 21 июля дивизия миновала рощу, перейдя в энергичное наступление на населенные пункты, прикрывавшие Гродно с северо-востока.

А Гродно тем временем был взят вырвавшимися вперед конниками 3-го кавкорпуса. Пехотинцы поспешили им на помощь. Не выдержав их совместных атак, противник взорвал мосты через Неман и отошел на юго-запад.

Пройдя с боями более 300 верст, бойцы очень устали, нуждались в отдыхе, в пополнении боеприпасами. Но командование армии торопило. Оно не давало возможности белополякам организовать прочную оборону на следующем рубеже. По приказу командования 4-й армии 12-я стрелковая дивизия форсированным маршем двинулась на Ломжу. Преодолев с ходу реку Бобр, дивизия выбила белополяков из города Домброво. В то время как 36-я бригада дивизии, форсировав реку Нарев и обойдя болота с юга, завязала бои за Ломжу, части 34-й бригады (куда входил и 100-й стрелковый полк) овладели городом Щучином и, резко изменив направление, пошли на город Кольно, затем на Хоржеле. С этого момента 34-я бригада оказалась самой северной из частей Западного фронта. Ей пришлось вести бои в стесненных условиях, буквально прижимаясь к восточно-прусской границе.

За все годы гражданской войны и иностранной военной интервенции Панфилову еще не приходилось наступать такими стремительными темпами. День и ночь, по 50, 60, а иногда и по 80 верст в сутки. За полтора месяца его рота прошла с боями более тысячи верст. Красноармейцы теснили белополяков все дальше на запад.

Овладев городом Млавой, 34-я бригада получила задание взять город Сольдау. Бои за него запомнились Панфилову, пожалуй, больше всего. При взятии этого города он особо отличился. 11 августа бригада завязала бой с противником, засевшим в старых германских окопах (оставшихся с 1914 года) по линии Турша — Валька — Студенец. Как противник ни сопротивлялся, к концу дня бригада выбила его из них и с семи часов следующего утра начала штурмовать Сольдау. Городок имел большое оперативное значение. Находясь почти на самой восточно-прусской границе, он нависал над левым флангом белопольской армии. Его защищала отдельная группа войск полковника Мельгинского. Овладев деревнями Куркау и Кишинен, 100-й стрелковый полк подошел к речке Сольдау. Противник отошел за реку, уничтожив все мосты.

15992 2

— Белополяки сосредоточили на этом участке много пехоты и артиллерии, — рассказывал впоследствии в кругу семьи Иван Васильевич. — Троє суток шли бои с переменным успехом. Противник оказывал упорное сопротивление, его пушки вели непрерывный огонь, а пехота пыталась сбросить наш передевший полк в реку и уничтожить.

Командир полка Акулов вызвал к себе Панфилова, как опытного командира, хорошо знающего повадки врага.

— Сбить противника с занимаемых им позиций нам вряд ли удастся, — разъяснил командир полка обстановку. — Он находится за водной преградой, возвел укрепления, хорошо пристрелялся. Да и сил у него не меньше, чем у нас.

Посмотрев на Панфилова, командир полка помолчал, как бы подчеркивая тем самым значимость разговора. Потом размеренно, с расстановкой произнес:

— Надо противника перехитрить. Это я поручаю сделать вам, Панфилов. Вы ведь волжанин, знакомы с водными преградами.

Расстелив на столе карту, командир полка начал показывать:

— Пройдете со своей ротой скрытно на северо-запад, вот сюда, — наклонившись к карте, он показал речку, куда должен проникнуть Панфилов. — Сперва идите на север, чтобы противник не смог засечь вашего движения. К утру вы должны переправиться через реку и выйти в назначенное место, в тыл полякам. Там действовать по обстановке. Возьмите с собой пару пулеметов.

Глухой ночью повел Панфилов своих бойцов в обход городка. Еще с вечера начался сильный дождь и не прекращался всю ночь. Идти было тяжело, все насквозь промокли, продрогли, устали. Но дождь загнал в укрытия и противника. С помощью немцев, проживавших в этом месте, Панфилов отыскал брод и под покровом ночи переправился на западный берег. К утру его рота обошла городок, и на его окраине заняла костел и прилегающий к нему парк. По приказу командира на колокольню был поднят станковый пулемет.

С колокольни Панфилов в бинокль хорошо рассмотрел укрепления белополяков, линию окопов, пулеметные гнезда. Совсем неподалеку, на возвышении, он обнаружил замаскированную артиллерийскую батарею, так досаждавшую им накануне. Ее охраняли всего несколько солдат, остальные спали где-то в укрытиях.

Едва рассвело, как Панфилов с группой бойцов подобрался к орудиям и внезапно напал на батарею. Перестреляв сонных артиллеристов, рота Панфилова ударила с тыла по пехоте. С колокольни застрочил пулемет. В это время начали переправ-

ляться через реку основные силы 100-го стрелкового полка. Когда белополяки поняли, что их обошли и они оказались между двух огней, они растерялись, в их рядах началась паника. Белые бросились назад, но попадали под пули бойцов Панфилова. Прорваться в тыл удалось немногим. К четырем часам дня город был полностью очищен от противника. Большая часть гарнизона сдалась в плен. 100-му стрелковому полку достались богатые трофеи — вся артиллерия, обозы и склады с продовольствием и боеприпасами. Панфилов же потерял в бою всего несколько человек.

За мужество и находчивость, за «отличия в бою с белополяками 13 августа 1920 года», как отмечалось в приказе, Реввоенсовет Республики наградил Ивана Васильевича Панфилова орденом Красного Знамени *.

Взяв Сольдау, части 34-й стрелковой бригады форсировали реку Вкру, стремительным маршем продвинулись на запад, штурмом овладели городами Влевск, Деуч и Страсбург. Они оказались последними населенными пунктами, во взятии которых участвовал Панфилов.

В последующие дни положение на северном участке Западного фронта резко ухудшилось. Польское командование подтянуло сюда значительные силы и начало теснить сильно ослабленные многочисленными боями и оторванные от своих тылов красноармейские части. 19 августа 12-я стрелковая дивизия начала отходить на восток, на Млаву. Но там уже оказались соединения 5-й польской армии. Завязались новые, еще более кровопролитные бои. Они длились несколько дней. Кончались боеприпасы и продовольствие, силы таяли. Чтобы не быть полностью окружеными и плененными, части 4-й армии 24 августа перешли границу Восточной Пруссии, где и были интернированы.

На фронте в августе 1920 года в жизни молодого командира произошло еще одно важное событие. На всю жизнь запомнил Панфилов день, когда товарищи по оружию оказали ему высокое доверие, приняв его в ряды партии коммунистов.

12-ю стрелковую дивизию вскоре отзвали под Петроград и, пополнив людьми, направили на юг Украины для охраны государственных границ и борьбы с наводнявшими украинские степи анархо-кулацкими бандами.

До мирной, спокойной жизни было еще далеко. Редкие перестышки сменялись новыми боевыми заданиями.

* Всего за годы гражданской войны орденом Красного Знамени было награждено 14 998 человек.

В Средней Азии

Окончилась гражданская война. Многочисленные враги Советской Республики были разбиты. Она могла наконец приступить к залечиванию многочисленных ран. Бывшие красноармейцы разъехались по домам: одни пахать землю и выращивать хлеб, другие — восстанавливать заводы и шахты. И. В. Панфилов не ушел с военного поста. Он полюбил армию, ее дисциплину и порядок и остался в ней навсегда. И в дни мирного строительства он продолжал служить своему народу, оставаясь в воинском строю.

Весной 1921 года Панфилов оказался на Украине в городе Овидиополе, в 183-м отдельном пограничном батальоне на охране государственных границ. Тревожна жизнь на кордоне. Днем и ночью, в зной и стужу стоят на посту отважные часовые.

В этом городе молодой командир женился на дочери бедняка Марии Коломиец.

Большой, туманный и мелководный пограничный Днестровский лиман привлекал к себе всякого рода любителей легкой наживы и «рыцарей разбойного промысла». Пограничникам приходилось зорко всматриваться в даль и прочесывать прибрежные заросли. Десятки притаившихся в лесах и плавнях бандитов то и дело нарушали границу. Панфилов со своим взводом отбивал их нападения, преследовал в течение многих часов и даже дней.

Когда же на границе стало спокойнее, Панфилова вызвали в Москву в Главное управление военно-учебных заведений и в декабре 1921 года направили на учебу в Киев в Объединенную пехотную школу. Советской власти нужны были образованные красные командиры. Здесь совершенствовал свои знания средний командный состав, имевший опыт гражданской войны.

Панфилову не хватало грамоты (за плечами было всего четыре класса), но, учитывая его большое стремление к знаниям и заслуги перед революцией, приемная комиссия зачислила его условно.

Панфилов старался,夜里 просиживал в неотапливаемом помещении за учебниками. Он был пытливым и настойчивым. К концу учебного года подтянулся, шел по успеваемости наравне со всеми, даже помогал отстающим. Перед ним открывался прекрасный мир знаний. С удовольствием изучал молодой курсант различные системы стрелкового оружия, боевые уставы, топографию, тактику, любил читать книги по военной истории. Все было интересно и увлекательно.

...Хорошо весной на Украине. Сады стояли в бело-розовом

цвету. Вдоль дорог и проселков выстроились пирамидальные тополя, одетые в нежную, молодую листву.

На летний период школа переезжала на левый берег Днепра, в Дарницкие лагеря. Здесь Панфилов учился вести топографические съемки, форсировать водные преграды, ходил по азимуту. Особенno любил он боевые стрельбы и тактические учения.

— Могу утверждать, — вспоминал впоследствии комиссар школы А. А. Винокуров, — что среди слушателей пехотного отделения Иван Васильевич отличался своим уравновешенным характером, спокойной рассудительностью, практическим умом, правильным пониманием воинской дисциплины и долга... Он заслуженно пользовался авторитетом и уважением среди слушателей командного и преподавательского состава.

Как вспоминают о нем товарищи, Панфилов был веселым, общительным и справедливым человеком, умел крепко дружить.

Однажды Панфилов узнал в одном из курсантов своего земляка, уроженца села Вязовка (ныне Базарнокарабулакского района Саратовской области) Илью Васильевича Капрова.

С 1918 года тот находился в Красной Армии, воевал на Восточном фронте в команде при штабе М. В. Фрунзе. Панфилов познакомил земляка со своей молодой женой.

— Ужинали вместе, — говорил потом Капров, — ели чечевицу — на первое как суп, на второе как кашу.

В период учебы они часто встречались на квартире молодых супругов за чашкой чая.

— При встречах с Иваном Васильевичем мы порой засиживались целыми вечерами, вспоминали Чапаева, многих героев-чапаевцев, свою службу под командованием Михаила Васильевича Фрунзе... Не могли, конечно, того знать, что через двадцать лет сведет нас с Панфиловым судьба на рубежах Подмосковья.

Здесь, в Киеве, у Панфиловых родилась дочь Валентина.

Через полтора года школа была окончена с отличием. С волнением прослушал он скучные слова военного приказа: «Панфилов Иван Васильевич назначается командиром взвода в 52-й Ярославский стрелковый полк». А в декабре 1924 года его перевели в далекий Ашхабад начальником полковой школы 1-го Туркестанского стрелкового полка.

Так складывалась его судьба, может быть и нелегкая, но, в общем-то, вполне закономерная судьба простого человека, который решил посвятить свою жизнь защите Отечества, своего народа. Это стало смыслом его жизни.

За 17 лет службы в Средней Азии Панфилов прошел все низовые командные должности. Это помогло ему в дальнейшем

прекрасно понимать душу солдата и младшего командира и командовать соединением.

С первых же дней службы здесь на него сразу свалилось много разных забот. В эти годы положение в отдельных районах Средней Азии временами оставалось тревожным. Басмаческие банды и местные буржуазные националисты, вдохновляемые и вооружаемые английскими империалистами, все еще не оставили надежды восстановить в Туркестанском крае старые феодальные порядки. Бандиты грабили и сжигали мирные кишлаки, убивали красноармейцев и советских активистов, уничтожали скот.

В борьбе с остатками недобитой контрреволюции принимал участие и Панфилов. Особенно успешно вел он борьбу с басмачами в необъятных песках Туркмении и неприступных горах Таджикистана.

Панфилов прославился здесь своей смелостью и смекалкой. И как результат умения, расчета, волевого натиска, веры в правоту своего дела ему сопутствовали успехи.

В один из жарких майских дней 1925 года Панфилова с группой командиров вызвали в Ташкент, в штаб округа, и поставили перед ними очень ответственную и опасную задачу: подняться с отрядом на «крышу мира» — Памир и в Хороге создать постоянный пограничный пост. Там, высоко в горах, по обледенелым вершинам протянулась тонкая ниточка государственной границы.

— Границу нашу необходимо крепко запереть в горах, — сказали им. — Задача очень трудная, но мы верим в ваш опыт.

Эта далекая точка советской земли долгое время считалась труднодоступной. Не раз смельчаки пытались пробраться к ней, но не каждый возвращался оттуда живым. Там, в горах, скрывались басмачи, бежавшие от Советской власти богатеи. Они нападали на мирных путников и небольшие отряды, грабили и убивали.

И вот Памирский отряд, в состав которого вошла и рота Панфилова, поднимается все выше и выше. С некоторыми командирами ехали жены, дети. С каждым шагом горные склоны становятся все круче, все теснее сжимают они узкую долину. Тропа то извивается вдоль ущелья, то пересекает стремительные холодные речки, то вновь круто уходит вверх. Ехали гуськом. Навьюченные лошади осторожно карабкались по узким обрывистым тропинкам. Слева высится отвесные скалы, справа чернеет бездонная пропасть. Другие, еще более высокие, громады безжизненных гор обступают тропу со всех сторон. Совсем рядом вечные снега. Где-то неподалеку прячутся недобитые враги, стере-

гут редкие горные тропы и коварные перевалы. Любая засада грозит здесь отряду гибелью, и поэтому Панфилов ведет своих бойцов осторожно. Люди и лошади изнемогают. Все чаще приходится останавливаться для отдыха.

На перевалах бушуют выюги, грохочут грозные обвалы. Мороз сковывает движения, затрудняет дыхание. Колючий снег, подгоняемый шквальным памирским ветром, налетая порывами, жестоко бьет в лица. Горе неосторожному, сделавшему неверный шаг.

— Не раз у меня в тревоге замирало сердце, — вспоминала Мария Ивановна, жена Панфилова, — казалось, вот-вот лошадь, на которой укутанные в теплые войлочные выюки покачиваются наши малыши-дочки, сорвется в пропасть.

Но все обошлось благополучно.

Целый месяц пробивался отряд к месту своего назначения. Только на тридцать первый день, преодолев семь горных перевалов, вконец измученные люди достигли Хорога. Малодоступные доселе заоблачные горы «сложили оружие и сдались». На горной площадке возле холодной речушки бойцы разбили лагерь. Вблизи его находились два небольших сонных кишлака, несколько населенных пунктов были разбросаны дальше в горах.

Горы, отсутствие дорог требовали от бойцов величайшего напряжения моральных и физических сил. Пришлось вести борьбу и с врагами, и с суровой природой края. Это была самая высокогорная пограничная застава страны, самый край советской земли. Зимой здесь стояли пятидесятиградусные морозы, и даже в летние ночи бойцы уходили на охрану границы, кутаясь в шубы.

Панфилов и другие командиры хорошо изучили дерзкие и короткие налеты басмаческих шаек. Иногда мирные занятия и размеренная пограничная служба прерывались внезапной тревогой. Тогда бойцы седлали коней и мчались по следам врага. Как начальник поста, Панфилов действовал смело и решительно. Басмаческое гнездо в горах было ликвидировано.

Командование отряда высоко ценило командира роты И. В. Панфилова. В выданной ему характеристике (отзывае) мы читаем: «В период своей двухгодичной работы он выказал себя честным и преданным работе товарищем и отлично выполнял возлагавшиеся на него оперативные задачи по охране границ СССР». А в атtestации охарактеризованы более подробно его командирские качества: «Обладает силой воли, энергией, решительностью. В обстановке разбирается быстро, к подчиненным требователен. Дисциплинирован и любит дисциплину. Относится к работе добросовестно. Политически развит, в общественной и

культурно-просветительной работе активен. Должности командира роты вполне соответствует».

Бойцы Памирского отряда принесли в эти отдаленные и труднодоступные места идеи Октября, дружбы народов, декреты Советской власти. Никто из местных жителей, сгорбленных нуждой, вековым смирением и невежеством, даже не умел читать. Здесь еще господствовала темнота, мрак средневековья. Боевая служба, борьба с басмачеством оставляли мало времени для культурной работы среди местного населения. И тем не менее член президиума парторганизации отряда Панфилов принимал самое активное участие в политико-просветительной и культурной работе среди таджиков. При отъезде отряда с поста правление клуба наградило Панфилова грамотой.

Еще большую активность проявили жены командиров.

До этого русской женщины в здешних кишлаках никогда не видели, жена командира роты Мария Ивановна Панфилова была первой. Она скоро подружилась с местными жителями, особенно молодежью. Женщины поста обучали таджиков грамоте, лечили больных, разъясняли советские законы. Из кишлаков стали приходить и приезжать на пост женщины-таджички, молодежь, дети. И Хорог стал в горах Памира тем манящим огоньком, который притягивал к себе всякого.

Более двух лет провел Панфилов с семьей в Хороге. Отсюда его перевели в 4-й Туркестанский полк начальником полковой школы, затем командиром батальона 6-го Туркестанского полка.

Весной 1929 года положение в некоторых районах Таджикистана снова резко осложнилось. Пытаясь сорвать коллективизацию сельского хозяйства в Средней Азии, 12 апреля перешел государственную границу бывший каратегинский бек Файзула Максум с бандой басмачей. К нему примкнули бай, муллы, бывшие чиновники эмирата. Шайки басмачей, вооруженных новенькими английскими карабинами и пулеметами, стремились прорваться в глубь советской территории.

Почти одновременно в других районах Таджикистана границу перешли банды Утан-бека, Ибрагим-бека и других басмаческих главарей. Это был коварный враг, он знал пески и горы, как свой дом. Басмачи врывались в селения и аулы, убивали тех, кто стоял за Советскую власть, грабили и снова исчезали внезапно. Их ждали в одном месте, а они появлялись в другом.

Пополнив свои ряды, Максум захватил Калай-Хумб, Товиль-Дору, Хаит, Джиргаталь. В Калай-Хумбе басмачи учинили над советскими работниками кровавую расправу. Местное население начало создавать отряды самообороны и оказалось басма-

чам ожесточенное сопротивление. Пока Максум задерживался и сражался с населением, в район действия банды поспешили части Красной Армии. Поднятый по тревоге, прибыл и сводный истребительный отряд бойцов 6-го Туркестанского стрелкового полка.

А тем временем Максум, преодолев снежный перевал Люлю-Харви, оказался у Гарма. Вот здесь-то, в районе Гарма, банду и настигли советские войска. В боях с бандитами нужна была осо-бая тактика, военная хитрость.

Разбившись на небольшие отряды, бойцы 6-го Туркестанского полка прочесывали местность, вылавливая бандитов. Один из таких отрядов численностью в 25 человек возглавил И. В. Панфилов. Путь лежал через небольшой горный поселок. Когда бойцы добрались до него, стало ясно, что совсем недавно здесь побывала большая шайка басмачей. Во многих домах были выбиты окна, стоял крик и плач женщин, несколько стариков лежали с ножевыми ранами. Возле здания Совета к дереву был привязан красноармеец. Бандиты выкололи ему глаза, вырезали на груди пятиконечную звезду, отрезали язык. Вскоре он умер на руках бойцов панфиловского отряда.

Оказав пострадавшим посильную помощь, Панфилов уточнил у жителей, в каком направлении ускакали басмачи. У него возник дерзкий план: подняться выше в горы, перерезать банде путь, не дать уйти ей за кордон. Он был не новичок в горах, знал уловки и тактику бандитов. Командир повел свой отряд кратчайшим путем через перевал, чтобы опередить бандитов и устроить в горах засаду.

Выбрали узкую каменистую тропу, по которой должны были пройти бандиты. Прижавшаяся к скале дорога шириной в один-два шага с другой стороны отвесно обрывалась в ущелье, где внизу клокотала и пенилась горная речка.

— Значит, так,— напутствовал Панфилов бойцов,— больше камнями, но не забывайте и про винтовки.

Здесь, над тропой, разделившись на три небольшие группы, отряд затаился.

Ждать пришлось долго. Лишь на второй день появились на тропе два всадника — старики и его «юная дочь». Панфилов и бойцы сразу разгадали эту хитрость: то была вражеская разведка. Командир отряда приказал пропустить ее.

Через некоторое время появилась и вся шайка. Когда голова колонны поравнялась с первой группой красноармейцев, на бандитов сверху обрушилась лавина каменных глыб. Путь вперед и отход назад оказались отрезанными. Очнувшись в ловушке, попав под оружейный обстрел, басмачи в панике заметались,

срываясь в пропасть. Ни одному бандиту не удалось уйти живым. Из отряда же Панфилова никто не пострадал.

Через несколько дней была разгромлена и вся банда. Самому Файзулу Максуму с жалкими остатками курбашей и телохранителей удалось бежать снова в Афганистан. Больше на советской земле он не рисковал появляться.

Так же быстро были разгромлены и другие басмаческие шайки, прорвавшиеся через границу. Очередная антисоветская авантюра, затеянная иностранными империалистами, провалилась.

Бойцы и командиры, особо отличившиеся в борьбе с бандитами, были отмечены высокими правительственные наградами. За «подвиги, проявленные при ликвидации налета басмачей весной 1929 года», И. В. Панфилов был награжден вторым орденом Красного Знамени. Командование предоставило ему отпуск. Иван Васильевич решил поехать с семьей на родину. Куда бы ни забрасывала его судьба, ему до боли хотелось снова побывать в родных местах, полюбоваться Волгой. И вот возможность такая представилась.

Скромными, но полными очарования полями и перелесками встретил далеких гостей Петровск. С жадностью узника, хлебнувшего головокружительного воздуха родной стороны, всматривался он в улицы городка, узнавал и не узнавал их. Брат Дмитрий* и сестра Ульяна окружили дорогих гостей заботой и лаской. Всей семьей ходили и ездили в лес по грибы и ягоды, отдыхали на зеленом лугу под кронами раскидистых деревьев.

— В лесу и воздух-то какой-то особенный! Благодать,— восторгался Иван Васильевич, лежа на спине с запрокинутыми под голову руками.— Надо ценить природу, уметь пользоваться ею.

А на следующий день — новое развлечение. Ходили на реку, рыбачили, купались. Конечно, мелководная и медлительная Медведица не стремительная Аму-Дарья. Но для Панфилова Медведица была своя, речка его детства, здесь он провел немало беззаботных и веселых дней. А вечерами за чашкой крепкого чая Иван Васильевич рассказывал веселые истории или, по словам брата, «любил вспоминать, как жили мы в мальчишках».

Провели отпуск чудесно.

Не только во время отпусков Иван Васильевич любил проводить свободное время в кругу семьи. Он вообще был прекрасным семьянином. Помня свое сиротство, полные лишений и одиночества детские годы, став взрослым и обзаведясь большой семьей

* В годы Отечественной войны Д. В. Панфилов работал в столовой № 1 г. Саратова.

(у Панфиловых было пятеро детей), он очень любил своих детей, отдавал их воспитанию много времени. «Почти каждый свободный выходной день,— вспоминает его старшая дочь Валентина Ивановна,— отец проводил вместе с нами: водил в кино, в театр, а чаще всего на загородные прогулки».

Природу Панфилов очень любил, был заядлым охотником, имел хорошее двуствольное ружье и охотничью собаку. В дни охоты вставал затемно и уходил с товарищами далеко, возвращаясь всегда довольный и охотой и отдыхом. При случае не прочь был посидеть и с удочкой где-нибудь на берегу реки.

— Вода — моя вторая стихия! Я же волжанин,— с гордостью говорил он...

Наступили годы первых пятилеток. Вместе со страной рос и Панфилов. Он чувствовал себя сопричастным великим преобразованиям эпохи, духу времени. Отважному командиру поручали командовать батальонами, а в 1933 году, после прохождения им краткосрочных курсов при Военной академии имени М. В. Фрунзе, послали в знакомый уже ему город Чарджуй (Чарджоу) командиром 9-го Туркестанского Краснознаменного горно-стрелкового полка. Жители города избрали его членом горсовета, а затем и его президиума. Каждый день был заполнен вереницей больших и малых дел. Много времени отнимали и депутатские обязанности, общественная работа.

Большое внимание уделяла шефской работе среди населения Чарджоу и жена И. В. Панфилова — Мария Ивановна. Как активная общественница она ездила в Москву на Всесоюзное совещание жен командного и начальствующего состава, выступала на нем с речью. Правительство наградило ее орденом «Знак Почета» и премировало патефоном. Каким радостным и волнующим событием это стало в семье! Мария Ивановна вернулась из столицы очень счастливая и помолодевшая.

— Теперь у нас все взрослые члены семьи орденоносцы,— шутил Иван Васильевич, отмечая в кругу знакомых знаменательное событие.

А через некоторое время ему и самому вручили очередную награду — юбилейную медаль «XX лет РККА».

Только нельзя представлять жизнь Панфилова легкой и безмятежной. Нельзя думать, что он никогда не ошибался, что у него всегда все получалось. Как и у всякого человека, бывали и у Ивана Васильевича и неудачи и огорчения. Нашлись в штабе Среднеазиатского военного округа даже недруги. Завидуя его умению найти правильную линию взаимоотношений с подчиненными бойцами и командирами, его деловому демократизму, службисты истолковали это как «примесь панибратства», как «не-

достаток требовательности», неумение держать подчиненных в руках. И в очередной аттестации появились отзывы о том, что на командную должность Панфилов непригоден.

Так И. В. Панфилов оказался на нестроевой работе в должности начальника квартирно-эксплуатационного отдела штаба округа.

Начальником КЭО он прослужил недолго — всего четыре месяца. Наркомат Обороны СССР, почувствовав несправедливость, надуманность такой оценки, аттестацию не утвердил. Более того, Ивану Васильевичу было присвоено звание комбрига, а в октябре 1938 года его назначили военным комиссаром Киргизской ССР. Это было большим доверием и признанием его заслуг. Избиратели Таш-Кумырского округа избрали Панфилова депутатом Верховного Совета Киргизской республики, а коммунисты на своем IV съезде — членом Центрального Комитета Коммунистической партии Киргизии.

Работы еще больше прибавилось. Потекли заполненные многочисленными заботами дни, недели, месяцы. Он часто посещал областные и районные военкоматы, изучал и проверял постановку дела, ход подготовки и призыва молодежи в ряды Красной Армии.

Большое внимание уделял Панфилов боевой и политической подготовке своих подчиненных, часто выступал на командирских занятиях. Зная отлично принципы и методы обучения и воспитания личного состава, он настойчиво учил командный состав военных комиссариатов республики овладевать военной наукой. Он учился неустанно и сам: много читал, изучал теорию военного искусства, действия авиации и танковых частей. Упорный, целеустремленный, самостоятельный труд помог Панфилову получить знания по военному делу и расширить общий кругозор.

Будучи прекрасным агитатором, Панфилов часто выступал с лекциями и докладами перед рабочими и колхозниками, проводил беседы с молодежью, готовящейся влиться в армию.

— У старшего поколения,— говорил он при встречах с молодыми,— у тех, кто своими руками совершил в 1917 году революцию, понимание своего патриотического долга рождалось иначе, чем у вас, у молодых. Там приходилось решать: против кого воевать, за что воевать? У вас же таких мыслей вообще не возникает. Вы люди грамотные, развитые, все заранее хорошо знаете, понимаете.

За образцовую работу по подготовке и проведению призывов в Красную Армию и Военно-Морской Флот Президиум Верховного Совета Киргизской ССР наградил Ивана Васильевича Панфилова Почетной грамотой.

В июне 1940 года Советское Правительство присвоило ему звание генерал-майора. Так высоко подняла простого человека Советская власть.

А на международном горизонте сгущались темные тучи. Вскормленная империализмом фашистская Германия развязала вторую мировую войну.

Панфилов внимательно следил за развитием событий. Он видел, как коричневая чума, гулявшая по Европе, все ближе подбиралась к рубежам советского государства.

И когда в 1941 году злобный враг попытался отнять у советского народа его великие завоевания, старый солдат И. В. Панфилов снова встал в первые ряды защитников Родины.

Командир дивизии

Перед самой войной Иван Васильевич вместе с семьей отдыхал в Сочи, в санатории имени Фабрициуса. Ему не пришлось пробыть здесь до конца срока: досрочно отзвали в Москву. В столице, на Курском вокзале, он по радио услышал о разбойническом нападении гитлеровской Германии на Советский Союз. А через час в Наркомате обороны Панфилову уже вручили новое предписание. Ему было предложено сдать дела военного комиссара Киргизской ССР и немедленно приступить к формированию 316-й стрелковой дивизии. Местом ее формирования назначалась столица Казахстана Алма-Ата. Срок — месяц.

Покидая Фрунзе, он не мог знать, что после войны на одной из городских площадей благодарный народ поставит ему бронзовый памятник.

Война... Трудно было охватить разумом это страшное, пугающее всех слово. Оно заслонило все. Нарушив такую мирную, такую размеренную жизнь, война заставила советских людей «сжаться в кулак». Речь шла о Родине. Чувство Родины всегда имело для Панфилова глубочайший смысл. Сейчас же, в годину тяжких испытаний, это чувство стало еще острее. Смертельная опасность нависла над его Родиной, и стала она еще дороже, еще милее. Он готов отдать все силы, готов на любой подвиг, а если надо, даже на смерть, лишь бы помочь ей, спасти ее от коричневой чумы. Теперь вся его деятельность, все его помыслы были подчинены этому горячему патриотическому чувству.

Панфилов спешил. 12 июля со старыми делами было покончено, а уже через день генерал Панфилов издал приказ: «Сего

числа прибыл в Алма-Ату и вступил в командование 316-й стрелковой дивизией».

Прежде всего он направился в ЦК Компартии Казахстана, доложил о цели приезда и попросил руководителей республики оказать ему помощь в выполнении возложенного на него поручения и направлении в дивизию коммунистов и комсомольцев.

В старой Верненской крепости, где когда-то чапаевский комиссар Дмитрий Фурманов усмирял контрреволюционный мятеж, в здании аэроклуба на Пролетарской улице, в помещении педагогического училища, где разместился штаб дивизии, днем и ночью не затихала работа. Из городов и аулов Казахстана и среднеазиатских республик шли на формировочные пункты рабочие и колхозники, учёные и партийные работники. Среди них много добровольцев, и в их числе дочь генерала — восемнадцатилетняя Валя.

На должность комиссара дивизии Политуправление округа направило Сергея Александровича Егорова, старшего батальонного комиссара. За его плечами была Военно-политическая академия. Начальником штаба стал полковник Иван Иванович Себряков, политодел возглавил опытный партийный работник батальонный комиссар Александр Фомич Галушко.

К большой радости Панфилова, на должность командира одного из полков (1075-го) был прислан его старый знакомый — полковник Илья Васильевич Капров, служивший до этого помощником начальника Ташкентского военно-политического училища по строевой части. Небольшого роста, худощавый, с сильным южным загаром, он был похож на туркмена. Капров имел большой опыт борьбы с басмачами, был скромным, спокойным, превосходным товарищем. В 1937 году он, как и Панфилов, служил в штабе Средне-Азиатского военного округа *.

С ним Панфилов виделся особенно часто, они были большими друзьями. Комиссаром в полку Капрова стал Ахметжан Латыпович Мухамедьяров, в прошлом также активный участник борьбы с басмачами. Передовой 1073-й полк возглавляли участник гражданской войны майор Григорий Ефимович Елин и энергичный комиссар Петр Васильевич Логвиненко.

К радости генерала (вот уж воистину мир тесен!), в дивизии оказались и его земляки-саратовцы. Помимо Капрова тут были командир батальона, офицер со специальным военным образованием, старший лейтенант Иван Райкин, ротный политрук весель-

* И. В. Капров (1898—1964) после войны работал начальником Ташкентского военного пехотного училища им. В. И. Ленина. С 1954 г. находился в запасе.

чак Василий Клочков, командир саперного взвода инженер-автомобилист Петр Фирстов и другие. Немало их оказалось и среди рядовых бойцов, и младших командиров. Было им, наверное, что вспомнить. Не пройдет и трех месяцев, как они вместе со всей дивизией преградят гитлеровцам путь на Москву.

С любовью и заботой собирая свою дивизию, сколачивал роты, батальоны, полки. Подолгу беседовал с каждым командиром и политработником, подробно расспрашивал о службе в армии, о семье. В его коротко, по-солдатски подстриженных волосах серебрилась седина, но узкие, монгольского разреза, карие глаза были удивительно добрыми и молодыми. На переносце и около рта залегли складки. Он невысокого роста, всегда подтянут, подвижен и жизнерадостен. Открытой улыбкой сразу располагал к себе каждого. Генерал был приятным и интересным собеседником. К тому же он обладал особой способностью понимать и разбираться в людях, в их характерах и поступках. «Генерал часто приходил на мобилизационные пункты, всматривался в молодые загорелые лица, вслушивался в короткую биографию и лучших брал себе... Так он отбирал кадры для своей дивизии», — рассказывал впоследствии один из его соратников. Когда стала ощущаться нехватка командного состава, Панфилов по совету полковника Капрова стал переводить на командные должности политработников, в недавнем прошлом служивших в строевых должностях.

Дни, а часто и ночи генерала до предела заполнены хлопотами. Вместе с комиссаром дивизии и начальником штаба он засиживался допоздна. Ведь столько дел предстояло решить: и как укомплектовать дивизию, и где людей разместить, как их вооружить.

Вскоре соединение было сформировано, его бойцы приняли военную присягу. Оно стало подлинно интернациональным. В его рядах — русские, украинцы, казахи, киргизы, узбеки, уйгуры, дунганы, грузины и представители других национальностей.

Вместе с командным и политическим составом дивизии Панфилов занимался воспитанием и обучением будущих гвардейцев, приучал их к строгой воинской дисциплине. Большое внимание уделялось партийно-политической работе. В подразделениях царил строгий, рассчитанный до минуты, распорядок дня. Генерал настойчиво учил солдат и командиров тому, что может понадобиться на войне. Он требовал от командиров больше обращать внимания на подготовку каждого бойца. В первом номере дивизионной газеты «За Родину» от 22 июля комдив писал: «Каждый боец должен четко знать свое место, в совершенстве владеть боевой техникой, быть выносливым и стойким в любой, самой трудной обстановке».

— Когда хорошо знаешь людей, потерю на войне меньше,— учил Панфилов своих помощников.

Кончался июль. Дни стояли ясные и душные. Земля дышала зноем. Редкие облачка, очень бледные, словно высушенные здешней жарой, неторопливо проплывали в бесцветном небе, не давая тени. Даже ночью накалившаяся за день земля не успевала остыть и не приносila прохлады. Несмотря на жару, бойцы учились стремительным перебежкам и рытью окопов, меткой стрельбе и метанию гранат. С удовольствием обучались штыковому бою.

— В боевой обстановке,— говорил им генерал,— один потерянный час бывает равным проигрышу сражения. На войне мелочей нет. Победа куется до боя. Не надо забывать суворовского правила: «Тяжело в учении — легко в бою». Солдатская наука хотя и нехитрая, однако единым штурмом, как крепость, ее не возьмешь. Воевать тоже надо уметь. Для этого необходимо учиться, овладевать в совершенстве оружием, которым будешь разить врага. Учиться будем даже на войне, но готовиться к боям надо сейчас.

Панфилов никогда не унижал человеческого достоинства, будь то командир или рядовой боец. Он видел в каждом солдате прежде всего человека, старался понять его, проникнуть в его психологию.

Как-то генерал услышал, как один молоденький командир в сердцах назвал бойца своей роты «чучелом» за его неопрятный вид. Вызвав командира к себе на беседу, Панфилов строго внушил офицеру:

— Вы ведь, лейтенант, в старой армии не служили? Нет. А мне довелось. Вот в те недобрые времена меня чучелом называли. Как по-вашему, похож я на чучело? Вроде бы нет. И советский боец Груздев, которого вы так назвали, тоже не похож на него. Не знаете вы своих людей, не знаете, с кем пойдете в бой. Вы назвали Груздева обидным именем, а он, оказывается, коммунист, работал до призыва в армию председателем большого колхоза, командовал, наверное, куда большим «подразделением», чем ваша рота. Стыдно, лейтенант. Требовать дисциплины, опрятности — требуйте, на то вас и поставили командиром, но унижать бойца, его человеческое достоинство — такого права у вас нет и никогда не будет.

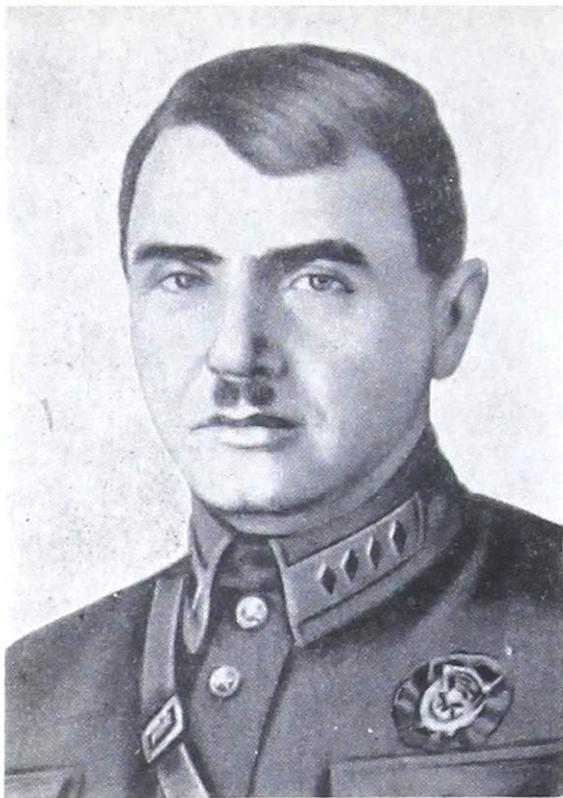
Палаточный городок жил напряженной жизнью. Едва из-за гор на открытую поляну проберется утро, как в зеленой долине реки Талгарки и предгорьях Заилийского Ала-Тау, в 25—30 километрах от столицы республики, уже слышатся команды и трескотня учебных стрельб. Потом многокилометровый марш с пол-

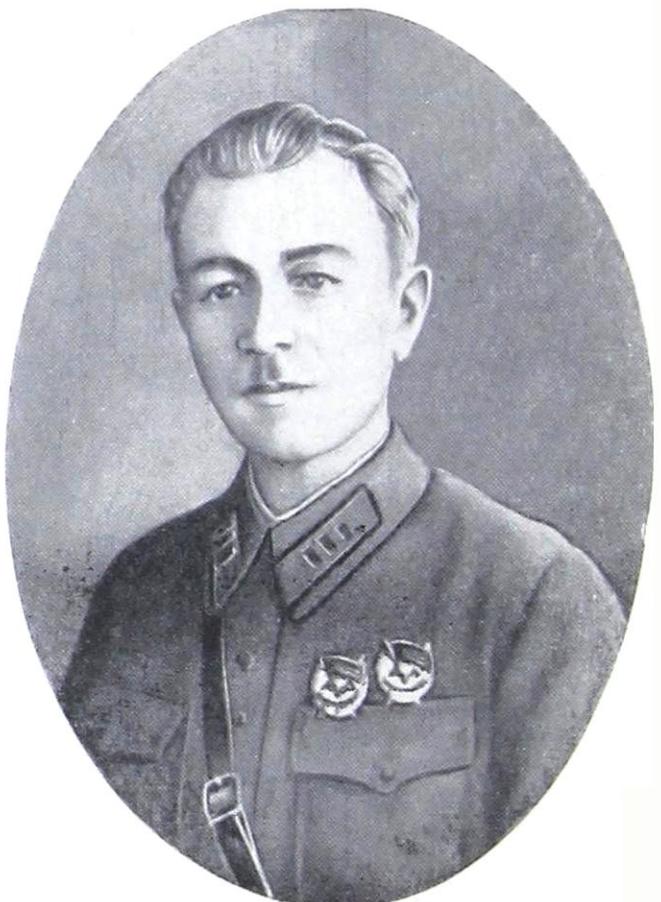
Здание бывшего городского
начального училища в
г. Петровске, где учился
И. В. Панфилов (ныне средняя
школа № 3 его имени).

И. В. Панфилов — командр.
роты (1925 г.).

Начдив 20-й стрелковой
дивизии М. Д. Великанов.

И. В. Панфилов (30-е гг.).

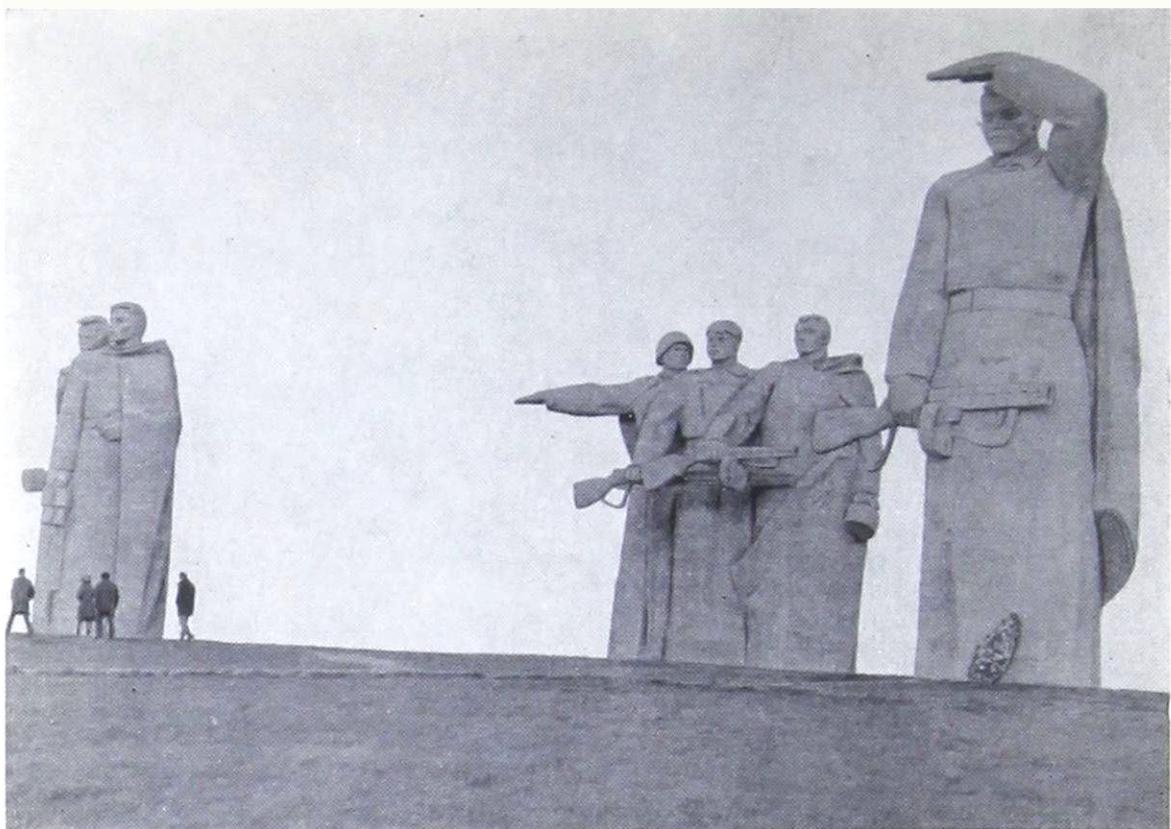

Генерал-майор И. В. Панфилов в период битвы под Москвой. С картины художника В. Яковлева (1942 г.).

Командир 8-й гвардейской
(бывшей 316-й) стрелковой
дивизии генерал-майор
И. В. Панфилов, начальник
штаба полковник
И. И. Серебряков и комиссар
дивизии, старший
батальонный комиссар
С. А. Егоров на
рекогносцировке в деревне
Гусенево.

Памятник 28 героям-
панфиловцам у разъезда
Дубосеково.

Памятник И. В. Панфилову
в г. Фрунзе.

Ветеран-панфиловец гвардии подполковник
А. А. Ушаков (справа) в гостях у одного из 28
героев-панфиловцев И. Д. Шадрина (слева)
(16 ноября 1979 г.).

Почетные гости у учащихся школы № 3 имени Героя Советского Союза И. В. Панфилова в г. Петровске — дочь генерала В. И. Панфилова и ветеран-панфиловец А. Л. Мухамедьяров.

ной выкладкой. Темнели от пота солдатские гимнастерки, чернели руки и лица. Но никто не жаловался на усталость.

Горькие вести сообщало радио. Сводки Совинформбюро становились все тревожнее, от них болела душа. Что ни день, появлялись новые направления. Каждое утро голос радиодиктора безжалостно, неумолимо двигал фронт на восток. Железным лязгом танковых гусениц, ревом авиационных моторов, заревом пожаров и гибелью тысяч советских людей вторглась война в глубь России, Украины и других советских республик. Огненная линия фронта непрерывно приближалась. Неумолимый смерч войны подходил к Москве.

Панфилов представлял, как фашистские танки и грузовики с пехотой рвутся вперед, и ему очень хотелось как можно скорее быть там, где решалась судьба страны. Ему казалось, что настоящая работа начнется только там, на фронте. «Война идет не на чужой, а на нашей, советской земле,— переживал Панфилов неудачи первых дней.— Враг рассчитывает покончить с нами раньше, чем мы успеем развернуть резервы! Почему мы отступаем?» — не раз задавал он себе мучительный вопрос. От таких дум становилось тяжело на душе. Как и миллионы советских людей, он не понимал причин наших неудач. Но верил, что положение изменится. И эту свою веру генерал старался передать бойцам и командирам.

В напряженной обстановке прошел месяц. Неутомимая деятельность командира дивизии оказала большое влияние на успешное формирование соединения и обучение его личного состава.

Здесь, в лагерях, тихим вечером 17 августа Панфилов получил приказ штаба Средне-Азиатского военного округа о выступлении дивизии на фронт.

Перед отъездом комдив с группой командиров и политработников ездил в Азун-Агачский аул попрощаться со старым акыном Джамбулом.

— Веди молодых джигитов, генерал,— взволнованно проговорил девяностопятилетний народный певец,— научи их, как надо геройски сражаться с врагами. Пусть они не посрамят памяти отцов. Я стар, не доживу, а так хотелось увидеть победителей своими глазами.

— Вам умирать еще рано, ата*, — горячо возразил Панфилов, — еще обнимете героев своими руками.

— Медовые слова. Слушать их приятно, помолодеть,— старики вздохнули и грустно улыбнулся,— помолодеть от них нельзя.

* Ата (казахское) — отец.

На прощание Джамбул под мелодичные звуки домбры негромко спел гостям песню. Затаив дыхание слушали они идущие от сердца слова седобородого акына.

Под мерный перестук колес мчались эшелоны с частями дивизии к фронту. Они остановились 25 августа в Боровичах Ленинградской области.

Минуя большаки, повел Панфилов свои необстрелянные полки в глубь дремучих лесов и вязких, покрытых зеленым мхом болот. Землю поливали холодные дожди. Часто встречались мелкие, с заболоченными берегами озера. Солдатские сапоги, громко чавкая, проваливались в вязкую ржавую жижу. Людей, транспорт, боевую технику засасывала грязь. Лошади выбивались из сил. Солдаты валили деревья, строили дороги и мосты. Забыты сон и отдых. Поминутно бойцам приходилось на руках вытаскивать из грязи пушки, повозки, машины. А тут еще над их головами то и дело проносятся и обстреливают «мессеры» и «хейнкели».

Совершив трудный стокилометровый марш, переправившись через реку Мсту, соединение заняло вторую линию обороны 52-й армии, стоявшей на восточном берегу реки Волхова. Полки дивизии прикрыли танкоопасные направления, подходы к железной дороге Москва — Ленинград. Это был еще не сам фронт, а лишь его краешек, его ближайший тыл. Бойцы и командиры закапывались в землю, строили землянки, продолжали учиться, привыкали к лесам и болотам. Личный состав был хорошо подготовлен к ведению боевых действий, большинство имело необходимую физическую закалку. О настроении бойцов писал политрук 4-й стрелковой роты 1075-го полка В. Г. Клочков. В письме к жене он в сентябре сообщал: «...Бойцы рвутся в бой, и мне самому страшно хочется поскорее схватиться с гадами. А генерал ходит по лагерю с улыбкой и говорит: «Хорошо, хорошо, ребятки. Главное, ешьте побольше, загорайте. Наше слово будет последним».

В короткие минуты отдыха, собравшись вечерами в кружок, вспоминали мирную жизнь, свои семьи. Нашлись и доморошенные «стратеги». Они делали разные предположения о том, каким образом быстрее и легче окружить фашистов в одном месте и разбить в другом.

— По-моему, еще лучше было бы вот здесь отрезать фашистов от их тыла, окружить и прихлопнуть как мышь в мышеловке, — пытается убедить сидящих вокруг него бойцов какой-то младший командир. — Глядишь, и война бы скоро закончилась.

— Да, — говорит сосед «стратега», — наше командование делает большую ошибку, что не назначает тебя начальником Гене-

рального штаба. Ты бы уже давно всех фрицев переколошматил, и нам бы ничего не осталось.

Бойцы весело смеются.

Горячее дыхание войны все ближе и ближе подкатывалось к Ленинграду, Москве, Киеву.

— События под Ленинградом и на других фронтах не позволяют сидеть на месте и выжидать. И народ у нас еще не обстрелянный. Чтобы бойцы стали настоящими солдатами, им надо понюхать пороха, почувствовать себя увереннее,— доказывал комдив в вышестоящих штабах. По его ходатайству подразделениям дивизии разрешили провести несколько вылазок в тыл врага.

— Действуйте внезапно, смелее и решительнее,— напутствовал генерал смельчаков группы лейтенанта Колбасина.— Немецко смерти тоже боится.

Серое небо тихо сеяло на раскисшую землю вперемежку то мелкий дождь, то мокрый снег, то колючую крупу. Отряды скрытно проникали во вражеские тылы, нарушили линии связи, наносили на свои карты вражеские огневые точки. Одна из групп во главе с лейтенантом Королевым проникла в занятый немцами хутор. Завязалась короткая перестрелка. Недостаток боевого опыта компенсировался отвагой и дерзостью, неукротимым желанием разгромить врага. Возвращались с пленными и трофеями.

А 4-я рота 1075-го стрелкового полка во главе с политруком Клочковым провела в районе деревни Русская Болотица разведку боем. Вернувшись из нее, Клочков писал жене: «...был со своим подразделением в разведке... Остался жив и здоров. В бою с немцами мы потеряли только двух бойцов и одного ранило, в то время когда мы накрошили много. Стал «заядлым разведчиком».

О разведке и ее результатах командир дивизии доложил в штаб армии. «Рота успешно выполнила данное ей задание,— писал он,— а тов. Клочков показал себя волевым и ответственным руководителем».

Так же успешно действовали и другие подразделения дивизии.

На дальних подступах к столице

Разрабатывая зловещий план «Барбаросса» *, заправили фашистской Германии записали в нем, что захват Москвы «означает как с политической, так и с хозяйственной стороны решающий

* План «Барбаросса» — план вероломного нападения на Советский Союз.

успех». «Что касается Москвы, — разъяснял Гитлер, — это название я уничтожу, а там, где находится сегодня Москва, я создам большую свалку».

С первого же дня войны бронированные полчища гитлеровцев начали рваться к сердцу нашей Родины. Фашисты стремились любой ценой захватить столицу первого в мире государства трудающихся. И поэтому не жалели ни солдат, ни танков, ни самолетов. Захватом советской столицы оккупанты надеялись победенно закончить войну. Они рассчитывали, что падение Москвы приведет к полной дезорганизации Советского государства и его гибели. К тому же оно должно было показать всему миру триумф гитлеровской стратегии «молниеносной войны». Даже план операции по захвату столицы гитлеровцы назвали громко и устрашающе — «Тайфун». Она началась 30 сентября.

Первый свой удар враг нанес на брянском направлении. А 2 октября с рассветом основные силы фашистов обрушились на войска Западного и Резервного фронтов. Развернулись грандиозные события, положившие начало великой битве под Москвой.

Группа немецких армий «Центр» в составе 77 дивизий (численностью почти в миллион человек), в том числе 14 танковых (1700 танков) и 8 моторизованных, поддержанных 950 боевыми самолетами второго воздушного флота, начали свое широко рекламированное «решающее» наступление на Москву. Противник стянул сюда половину всех сил и боевой техники, действовавших в России. Гитлеровцы повели наступление тремя группировками: северная — через Ржев и Калинин, центральная — со стороны Смоленска и южная — через Орел и Тулу. Эти три мощные группировки должны были сомкнуть гигантские клещи вокруг столицы.

Танковые дивизии фашистов, цвет и гордость гитлеровского вермахта, бешено рванулись к советской столице. Ценой жестоких потерь немецко-фашистская армия прорвала за Вязьмой нашу оборону на флангах и, используя преимущества в технике, ринулась дальше на восток. Вскоре пали Гжатск, потом Можайск. Создалась прямая угроза прорыва фашистов к Москве. Представитель Ставки Г. К. Жуков, докладывая 8 октября 1941 года Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину обстановку, сложившуюся на Западном фронте, сказал: «Главная опасность сейчас заключается в слабом прикрытии на московской линии. Бронетанковые войска противника могут поэтому внезапно появиться под Москвой. Надо быстрее стягивать войска откуда только можно...» Враг рвался к сердцу советской земли напрямик, нанося главный удар вдоль Волоколамского шоссе. Над советской столицей нависла грозная опасность. Можайская линия обо-

роны, протянувшаяся от Волоколамска до Калуги, становилась, таким образом, главным рубежом сопротивления фашистам. Здесь, как казалось многим зарубежным деятелям, в ближайшие дни должен был разыграться последний трагический акт в истории русского государства и его народа.

Обуреваемый непомерным честолюбием, бесноватый ефрейтор предвкушал легкую и скорую победу. Уже на следующий день, приняв желаемое за действительность, надрываясь у микрофона, он объявил по радио на весь мир: «Красная Армия уничтожена, дорога на Москву открыта». В Цоссене, в штабе верховного командования сухопутных сил гитлеровского вермахта, генералы вступали на дежурство с тайной надеждой, что именно сегодня кому-то из них выпадет удача — первому сообщить Гитлеру о падении русской столицы. Этого здесь ждали с часу на час. Опьяненные легкими успехами в Европе, Гитлер и его клика были настолько уверены в победе, что 10 октября фашистское командование сообщило всему миру: «Исход восточной кампании решен. Последние боеспособные дивизии Советов уничтожены». Геббельс приказал редакциям берлинских газет в номерах от 12 октября оставить на первых страницах место для экстренного сообщения о падении советской столицы. Японскому послу в Берлине Гитлер пообещал овладеть Москвой к 12 октября. Предполагалось, что о победе возвестит сам фюрер в Москве, на Красной площади. Захват столицы должен был стать сигналом для начала военных действий империалистической Японии против СССР на Дальнем Востоке.

Подсчитать расстояние по карте было куда проще, чем его пройти. Как говорится: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги». Гитлеровским солдатам не удалось отогреться в теплых квартирах русской столицы. Только единицы из них дошли, да и те в качестве военнопленных. Дорога на Москву стала для них роковой. Подлые фашистские замыслы разбились о стойкость и массовый геронзм советского народа.

Тревожная обстановка, сложившаяся на подступах к Москве, глубоко волновала всю страну. Ведь Москва — это не просто наш любимый город и не просто столица государства. Это громадная летопись, живая история многих поколений русского народа. В ней, как в фокусе, сконцентрировались лучи геронческой славы нашего народа.

В эти дни взоры всего мира были устремлены к советской столице: наших друзей — с верой и надеждой, наших недругов — с нескрываемым злорадством.

Зловещее дыхание войны наложило свой отпечаток и на внешний вид города. Аэростаты воздушного заграждения, противо-

танковые рвы, надолбы и ежи, баррикады из мешков с песком, много военных на московских окраинах лучше всяких сводок говорили о том, что враг близко, что к сердцу России приближается смертельная опасность. Каждый понимал: от того, как повернутся события под Москвой, будет зависеть дальнейший ход войны, судьба народа, судьба Советского государства.

Партия поставила задачу: любой ценой отстоять Москву, выиграть время, мобилизовать на защиту столицы весь народ, все ресурсы страны. «Встанем стеной против смертельного врага», — призывали на митингах ораторы, заголовки газетных полос.

В грандиозной битве, развернувшейся на подмосковных полях, приняла участие и 316-я стрелковая дивизия генерал-майора И. В. Панфилова. Она навечно вписала свое имя в историю нашей Родины.

Утром 6 октября Панфилов получил распоряжение о переброске дивизии. «На основании приказа Ставки Верховного Главнокомандования дивизия поступает в распоряжение командующего МВО», — отдал приказ генерал. «Двинулись на Москву, — писал Иван Васильевич домой. — Идет осенний дождь. Настроение у каждого боевое... Нам выпала почетная задача — не допустить врага к сердцу нашей Родины — Москве. «Смерть Гитлеру!» — у каждого на устах». Через четыре дня подразделения дивизии уже располагались в лесу близ Волоколамска, северо-западнее Москвы. Полки заняли 44-километровую линию обороны: совхоз Болычево — населенные пункты Федосынино — Игнатково — Новлянское — Буханово и дальше, севернее железной дороги, до села Львова. На каждый батальон пришлось по 5—6 километров. Позади стрелковых подразделений были позиции батарей 857-го артиллерийского полка подполковника Г. Ф. Курганова. Всего по два орудия на километр фронта, а кое-где и того меньше. Большим тогда наши дивизии не располагали*.

Проехав по переднему краю, комдив вначале даже растерялся. Никакими уставами такие полосы обороны не были предусмотрены. К тому же здесь не было ни гор, ни сколько-нибудь широких водных преград. Но сейчас, так уж случилось, у советского командования инсго выхода просто не было. Это понимали все. С приходом в этот район 316-й стрелковой дивизии железная дорога и автострада, ведущие кратчайшим путем на Москву, надежно прикрывались. В тылу дивизии, в 12—15 ки-

* Для сравнения скажем, что при штурме фашистского логова — Берлина на каждый километр фронта советское командование поставило до двух тысяч орудий и минометов.

лометрах, находился и Волоколамск. Один батальон Панфилов направил в село Осташево на охрану моста через Рузу. Штаб дивизии расположился в Рюховском.

Советское командование разгадало, что именно в этом направлении враг нанесет свой главный удар. Для сосредоточения подходивших из глубокого тыла резервов нужно было время. Его надо было выиграть любой ценой. Изматывая противника активной обороной, не допустить его прорыва к столице. И. В. Панфилов понимал, что предстоят жестокие бои, но он верил в свои силы, в силы бойцов дивизии. «Нам выпала почетная задача,— писал Панфилов жене,— не допустить врага к сердцу нашей Родины — Москве. Враг будет разгромлен, а Гитлер и его банда будут уничтожены». Бойцы подразделения прямо с марша начали рыть траншеи, ходы сообщения, противотанковый ров, оборудовать артиллерийские и минометные позиции, строить землянки и блиндажи. Командиры обучали бойцов и учились сами правильно бросать связки гранат и бутылки с горючей смесью. По совету Панфилова подгоняли несколько наших танков и пропускали их через окопы и траншеи, в которых находились бойцы. Тут же командиры-танкисты показывали уязвимые места танков, советовали, как лучше бросать гранаты и бутылки «КС».

Кое-где еще зеленела трава, часто перепадали дожди. Но иногда по утрам землю начинало затягивать твердой корочкой. И как-то не верилось, что где-то рядом идет война, что за ближайшим перелеском притаился враг. Враг жестокий и коварный, беспощадней которого не знала Россия. Но об этом напоминали опустевшие деревни, вереницы людей, покидавших со слезами родные места и уходивших на восток.

Каждое утро командир дивизии объезжал свои части, ходил по окопам, придирично осматривал огневые точки, определял секторы обстрела. Всматриваясь в лица солдат, интересовался их делами, настроением, шутил с ними, старался подбодрить. Часто садился в кругу бойцов, рассказывал им о положении на фронтах.

— Почему наша армия сейчас отступает? — повторяет он вслед за бойцами вопрос.— Потому, что в техническом отношении враг пока сильнее нас. У него тысячи самолетов, танков, минометов. У него опыт покорения чуть ли не всей Европы. К тому же он временно пользуется преимуществами вероломного нападения на нашу мирную страну. Чтобы врага остановить, надо воевать лучше. Сейчас же мы вроде сырых дров — только начинаем разгораться. А вот когда разгоримся, тогда нас и водой не потушишь. «Русские прусских всегда бивали», — говорит пого-

ворка. Поверьте мне, старому солдату, разобъем и Гитлера.

От таких слов генерала на душе у бойцов становилось спокойнее и верилось, что именно так и будет.

А генерал, пердохнув, продолжал:

— Подходит и наш черед сразиться с врагом. Надо, чтобы каждый боец, каждый командир понял, что только от нас, от нашей стойкости зависит судьба столицы. Сейчас на нас с вами вся страна смотрит. А самый трудный бой — первый. Именно в первом бою тебе кажется, что тысячи врагов стреляют только в тебя. Надо найти в себе силы побороть это чувство, пересилить этот момент. Потом привыкаешь.

Известно, что характер человека, его силы и способности ярче всего проявляются в решительные минуты. Именно в битве под Москвой генерал показал несгибаемую силу и твердость духа, здесь проявилось во всем блеске его воинское умение и талант военачальника.

Противника еще не было, а мысль генерала то и дело возвращалась к предстоящему сражению. Он много размышлял, разбирал, как может сложиться бой, если противник ударит вот сюда или вот в этом месте. Собрав в штабе командиров и комиссаров частей на совещание, комдив ставит перед ними боевую задачу.

— Положение на нашем участке серьезное,— оторвав взгляд от новой, почти еще не потертой топографической карты, говорит он.— По данным разведки, противник сосредоточил против нас две пехотные, танковую и моторизованную дивизии. Замысел его ясен: прорвать нашу оборону и двинуть танки кратчайшим путем по шоссе к Москве. Наша задача, — чуть громче, чем обычно, и несколько медленнее говорит Панфилов,— встретить противника там, где он попробует нанести главный удар, задержать, заставить развернуться, измотать, сорвать его замысел, все дороги «оседлать» огнем. В обход дорог немцы идти не смогут, их не пустят леса и болота. Каждый лесок, каждый бугорок обязаны сопротивляться. Противник должен за каждый шаг платить своей кровью. Но не забывайте и другое: противник самоуверен, опьянен успехами, нагл. Его внимание ослаблено, этим надо воспользоваться.— Точно почувствовав, что его последние слова могут вызвать у офицеров неясность, Панфилов, подавшись вперед, поспешил разъяснить: — Ищите и сами случая ударить его. Помните одно: без приказа — ни шагу назад. Позади нас войск нет.

Сделав большую паузу, генерал с особой силой, отделяя одно слово от другого, произнес: «Мы должны гордиться тем, что страна наша, партия наша, народ доверили нам защищать Москву».

Взяв со стола карту, генерал еще раз уточнил командирам полков районы их обороны.

13 октября гитлеровцы начали штурмовать Бородино, которое героически защищали воины прославленной 32-й Саратовской стрелковой дивизии. На следующий день передовые подразделения противника появились уже в 10—15 километрах севернее, в районе совхоза Болычево. Их встретили бойцы рот Гундиловича и Маслова 2-го стрелкового батальона старшего лейтенанта И. И. Райкина. Потеряв свыше сотни солдат и один танк, противник спешно отошел. Утром следующего дня гитлеровцы атаковали на соседнем участке, но и здесь оставили на поле боя три сожженных танка.

Командование полка и дивизии понимало, что это была разведка боем, что противник подтягивает силы и нащупывает слабые места в советской обороне.

В каких только жарких и изнурительных боях не придется побывать дивизии в ближайшие дни и недели, в которых она будет добывать свое высокое звание! Этого, думается, тогда никто из ее бойцов и командиров знать не мог. Это мы теперь знаем, через какое пекло сражений, через какие невероятные испытания прошла дивизия И. В. Панфилова, какой силы удар приняла на себя. Она показала образцы активной обороны, ее стойкость поразила весь мир.

16 октября рано утром Панфилов собрал всех командиров и комиссаров полков на командном пункте полковника Капрова. Сюда же успел подъехать и командарм — К. К. Рокоссовский.

— Противник с минуты на минуту перейдет в наступление, — информировал комдив собравшихся. — Главный удар он изготовился нанести в районе Болычево—Федосынино—Княжево. Здесь он задумал проторанить нашу оборону и выйти на Волоколамское шоссе. — Немного подумав, комдив обвел всех внимательным взглядом и, остановившись на Капрове, закончил совсем тихо: — Тебе, Илья Васильевич, выпала честь отражать первый вражеский удар.

Напутствуя командиров и комиссаров полков, генерал добавил:

— Важно выиграть первый бой. Выиграть во что бы то ни стало! От этого зависит дальнейшая стойкость дивизии.

Через час на позиции левофлангового 1075-го полка обрушился огненный смерч. Его боевые порядки атаковали более ста танков и два полка пехоты противника.

— Ух как они, сволочи, торопятся в Москву! — заволновались бойцы, готовя связки гранат.

Рев моторов заглушил все живое. Натиск врага был страшным. Вот они, вгонявшие в трепет, отнимавшие рассудок у солдат чуть ли не всей Европы страшные немецкие танки. Широкие,

с высокими башнями, с намалеванными на них белыми крестами. Казалось, нет на свете силы, которая смогла бы остановить эту надвигающуюся стальную лавину. Самоуверенные гитлеровские генералы и на этот раз не сомневались в успехе: арифметика была на их стороне. Они рассчитывали стальным кулаком прорвать оборону и выйти на шоссе. В этот день фашисты собирались «завтракать в Волоколамске, а ужинать в Москве».

Успех сражения зависел в значительной степени от артиллеристов. И генерал поехал на их огневые позиции.

Наблюдая за полем боя в стереотрубу, Панфилов предупредил артиллеристов:

— Немцы пошли в атаку. Держитесь хладнокровнее. Бейте по фашистским танкам в упор, прямой наводкой. Не забывайте — пушки не только стволы, еще и колеса имеют, — говорил взволнованно генерал. — Пушку можно перекатить куда угодно. Немцу из танка плохо видно, а у вас — свободный обзор. Выбирайте любую цель. Действуйте смелее, будьте храбрыми. Не стесняйтесь. Бейте по щелям, по башням, по гусеницам. Враг не выдержит. Вы меня поняли?

Подбодрив артиллеристов, Панфилов вернулся снова в полк Капрова. Здесь, как он чувствовал, опасность была наибольшая и обстановка требовала его личного присутствия.

А у артиллеристов события развивались стремительно. Зловеще скрежеща гусеницами и изрыгая огонь из орудий и пулеметов, танки шли прямо на огневые позиции 2-й артиллерийской батареи Бабаяна, оборонявшей совхоз Болычево. Лязг металла, надрывный гул моторов, грохот орудий, автоматные и пулеметные очереди слились в чудовищный рев и треск. Так прошло несколько томительных минут. Вот уже невооруженным глазом можно разглядеть зловещие белые кресты на бортах и стволы орудий и пулеметов. Наводчики прильнули к панорамам.

Подпустив танки поближе, артиллеристы дружно ударили по ним прямой наводкой, как учил их генерал. Раз, другой, третий. В середине бронированной армады начали вставать столбы оранжево-черного дыма. Кисло запахло сгоревшим порохом. Батареяправлялась с танками в упор, а с фланга по серо-зеленым фильтрам, отсекая их от танков, хлестнули пулеметы. Головная машина судорожно дернулась, ткнулась носом и, словно в раздумье, замерла. В следующее мгновение на ней заплясали язычки пламени, она окуталась облаком густого чадного дыма. Один танк, вырвавшись вперед, свернул вправо и угодил на сваи разобранного моста через реку Искону и свалился в нее. Потом вспыхнул еще один. Словно чумной, он носился взад и вперед, пытаясь сбить охватившее его пламя. Третий танк, стараясь обой-

ти горящую машину, наскочил на противотанковую мину и подорвался.

Какова же была радость Панфилова, когда уже в первом бою артиллеристы подбили три орудия и шесть вражеских танков. Три танка подорвались на минах. Остальные в беспорядке отошли на исходные позиции. Поспешно возвратиться назад и вражеская пехота.

— Хорошее начало! — возбужденно повторял генерал, выслушав доклад командира артполка о результатах поединка. Он видел, как его войска учились бить врага, сдавали экзамен на зрелость непосредственно на поле боя. Возбужденные бойцы переживали первую настоящую радость.

Подтянув свежие силы, гитлеровцы в середине дня усилили нажим на левый фланг, бросив на совхоз 40 танков. Как волны прибоя, они то откатывались назад, то после короткой передышки снова бросались в атаку. К 16 часам им удалось потеснить 6-ю роту и ворваться в Болычево.

Выслушав доклад Капрова, Панфилов приказал бросить на помощь остальные роты 2-го батальона.

— Фашисты словно очумели, — говорит он полковнику Капрову, рассматривая в бинокль поле боя. — И знаешь, чего они хотят? Засветло форсировать Рузу и до вечера перебраться на наш берег. Стремятся любой ценой вырваться на оперативный простор.

Хладнокровно и отважно дралился батальон старшего лейтенанта Райкина. Еще не обстрелянные бойцы не только успешно сражались с вражескими автоматчиками, но и отбивали атаки осатанело лезших на окопы танков. Ожесточенный бой, не затихая, длился весь день.

Особо отличилась 6-я рота лейтенанта Маслова, защищавшая совхоз. Оказавшись в полуокружении, рота, приданые ей орудия лейтенанта Данилы Семибаламута и несколько противотанковых орудий из армейского резерва продолжали отбивать ожесточенные атаки врага. Удалось подбить и поджечь еще восемь танков. Остатки роты пробились к своим.

— Полагаю, — отрываясь от стереотрубы и присаживаясь на предложенную ему скамейку, раздумчиво говорил генерал Капрову, — атаки противника захлебнулись. Его боевые порядки расстроены, а чтобы перегруппироваться, он должен отойти назад, отступить. Для начала это неплохо. Как ты думаешь, Илья Васильевич? — смотрит он на командира полка.

Потеряв в этот первый день 17 танков и несколько сот солдат и офицеров, противник поспешно откатился на свои исходные позиции.

Вечером штаб дивизии подвел итоги первого дня сражения за Болычево.

— К сожалению, не успели там глубоко зарыться в землю,— сокрушался Панфилов.— Да и почва оказалась уж больно рыхлой, окопы легко осыпались под тяжестью танков.

Как бы ни было коварно и жестоко сражение, как бы оно ни пытало в огне танковых атак, ночь, спустившись на землю, заглушила его, охладила. Бой постепенно утих.

Ночь принесла некоторое облегчение, позволила привести подразделения в порядок. К утру опустился густой туман. На той стороне, у фашистов, до утра урчали моторы. Враг, не маскируясь, подтягивал к переднему краю свежие силы. И едва туман рассеялся, как гитлеровцы перешли в наступление в двух километрах севернее Болычево, на Федосынино — Княжево. Подпустив их поближе, бойцы 2-го и 3-го батальонов капитана Н. А. Молчанова открыли по ним залповый огонь. Артиллеристы в первые же минуты подбили пять танков. Через час противник навалился на позиции поредевшего 2-го батальона значительными силами и вынудил его немного отойти. Несколько стальных машин прорвались даже на КП подполковника Курганова. Но ни стрелки, ни артиллеристы не дрогнули. В прорвавшиеся танки полетели связки гранат и бутылки с горючей смесью.

Командарм докладывал командующему войсками Западного фронта генералу армии Г. К. Жукову о боевых действиях частей 16-й армии: «В течение 16—17.10.41 г. шли упорные бои за Болычево. В 17.00 17.10.41 г. противник, удерживая за собой Болычево, перенес удар севернее и окружил 2-й батальон 1075-го стрелкового полка 35 танками в Федосынино и 5 танками в Княжево» *.

Всем своим существом постигли бойцы дивизии в первые же дни глубину драмы под названием «человек и танк».

— В империалистическую и гражданскую войны куда проще было,— вспоминая, говорил Панфилов комиссару Егорову.— А сейчас думать надо, как бороться с танками, самолетами. И немцы вот висят на флангах. Трудно сейчас воевать пехоте, очень трудно,— вздохнул генерал.

Обойдя Федосынино с юга, вражеские танки обтекли небольшую высоту, которую оборонял 2-й батальон. Бойцы дрались яростно, на отдельных участках дело доходило до рукопашной.

Дежурный по штабу фашистских армий «Центр» занес в жур-

* Ряд фактов уточнен по архивным материалам, хранящимся в Архиве Министерства обороны СССР в г. Подольске (см. ф. 873, оп. 64722, штаб 8 гв. стрел. див., ф. 763, оп. 10268, штаб 16 арм.).

нал боевых действий такую запись: «Упорное сопротивление... По донесениям командиров, здесь идут бои, превосходящие по своему ожесточению все, что до сих пор пришлось перенести войскам».

Гитлеровцы усилили нажим, бросив 150 танков. Федосынио пришлось оставить.

Отход 2-го батальона прикрывал взвод младшего лейтенанта узбека Джуры Ширматова. В бою под селом Большое Никольское взвод отразил атаку 200 гитлеровцев. Сам Ширматов, подобрав возле убитых пулеметчиков ручной пулемет, подпустил врагов метров на 250—300 и только тогда открыл разящий огонь. Более 50 фашистов полегло от его пуль. Всего же в этом коротком бою враг потерял 173 человека убитыми. Остальные в панике бежали. А бесстрашный офицер, привстав на колено, кричал им вслед:

— А ну, кто еще хочет на Москву?!

Командир дивизии немедленно объявил бойцам взвода благодарность, приказал представить их к награде.

В этот день героический подвиг совершил начальник штаба 1075-го стрелкового полка капитан Иван Михайлович Манаенко. Когда противник отрезал 2-й батальон от полка в Федосынио, Манаенко решил уточнить обстановку и восстановить с батальоном связь. Но, едва он с двумя связистами туда пробрался, КП батальона окружили фашистские танки и автоматчики. Приказав связистам отсечь автоматчиков, Манаенко затаился за домами. Когда головной танк вывернулся из-за угла здания, капитан метко бросил в него связку гранат, а потом поджег его бутылкой с горючей смесью. Но за этой машиной шли другие. Манаенко успел бросить гранату и под второй танк, перебив ему гусеницу. Во время этого поединка его и самого ранило.

Гранат больше не было, пришлось отходить. На окраине села Манаенко укрылся в деревянном сарае. Гитлеровцы подтянули танк и начали стрелять по нему из пушки. Сарай загорелся. Дым душил горло, застипал глаза, горящая постройка стала рушиться. Выбежав из сарая, Манаенко с криком: «Коммунисты в плен не сдаются» — начал отстреливаться и пал смертью храбрых *.

Бои разгорелись и на правом фланге дивизии. Севернее автострады подступы к Волоколамску защищал 1077-й стрелковый полк майора З. С. Шехтмана. Чтобы задержать перешедшего в наступление противника, командир полка приказал командиру взвода младшему лейтенанту Фирстову с группой саперов зами-

* Подвиг бесстрашного командира Родина отметила орденом Ленина.

нировать мост через реку Лобь в селе Ильинском. Выполнив задание, саперы залегли в кустах. Не подозревая засады, колонна фашистов во главе с офицером двинулась к речке. Когда гитлеровцы взошли на мост, Фирстов метким выстрелом из винтовки сразил офицера, затем соединил концы провода. Раздался сильный взрыв. Вместе с мостом на воздух взлетело 120 фашистов.

На другом участке полка фашисты тремя цепями при поддержке танков атаковали село Новинки. Окопавшиеся здесь стрелки встретили врага дружным огнем, а поддержавшие их артиллеристы 2-го дивизиона — шрапнелью. Первые две вражеские цепи были полностью уничтожены. Потеряв в этой стычке свыше двух батальонов, фашисты под покровом темноты отошли назад.

— С пехотой вы хорошо управляетесь, — похвалил Панфилов бойцов, побывав у них на передовой. — А вот с танками у вас не все умеют бороться. У многих нервы не выдерживают. Надо привыкнуть себя не бояться танков. Теперь от этого зависит жизнь бойца, судьба полка.

Только в центре дивизии, западнее Волоколамска, где в обороне стоял 1073-й стрелковый полк майора Елина, было еще сравнительно спокойно. Немцы, не дойдя до Рузы километров 20, остановились в большом селе Середа, устроив в нем перевалочный пункт.

В авангарде полка, по восточному берегу медлительной реки, в районе сел Новлянское — Васильево, занимали оборону роты 1-го батальона старшего лейтенанта Баурджана Момыш-улы с приданными ему двумя артиллерийскими батареями лейтенанта Арсения Петрашко. Из Середы через Новлянское прямая дорога вела в Волоколамск.

Обороняя эту дорогу и подходы к ней, командир батальона помнил наставления командира дивизии: «Солдат не должен просто сидеть и ждать смерти. Нужно смерть нести врагу». Бойцам самим хотелось встретиться с врагом, проверить себя. Связавшись с Новошурино, со штабом полка, Момыш-улы получил разрешение майора Елина совершить налет на Середу.

В ночь на 16 октября сводная рота батальона под командованием начальника штаба лейтенанта Рахимова, подобравшись без шума к селу, напала на сонный гарнизон. Перебив две сотни гитлеровцев, уничтожив склад боеприпасов, захватив пленных и трофеи, рота почти без потерь вернулась в расположение батальона.

Помимо разгрома вражеского гарнизона ночной налет имел и еще одно не менее важное значение. В этот день бойцы перестали бояться врага, в батальоне родилось бесстрашие. Сам Мо-

мыш-улы говорил об этой вылазке: «Так на нашем рубеже был побит генерал страх».

Через пару дней, подтянув большие силы, гитлеровцы ринулись в наступление и на этом участке. Бойцы батальона дрались мужественно. Немцы несли большие потери.

Были, конечно, потери и в батальоне. В бою погибли командир 2-й роты лейтенант Севрюков, командир артбатареи Петрашко. Последнего заменил младший лейтенант Дмитрий Поцелуев (Снегин).

Пока бойцы держали у Новлянского оборону, другие части гитлеровской армии обошли их. Батальон оказался отрезанным от своих. Командиры и бойцы не растерялись, проявив большое мужество. Батальон умелым маневром, часто переходя в контр-атаки, не только пробился к своим, не только вывез раненых и материальную часть, но и заставил врага нести значительные потери. Вместе с батальоном вышли из окружения до сотни бойцов и командиров других частей. «Мы совершили то, что еще прошлой ночью казалось несбыточной мечтой», — писал командир батальона.

Пригласив к себе Момыш-улы, комдив внимательно выслушал его, расспросил о действиях батальона, похвалил за инициативу и находчивость, поинтересовался вопросами питания, состоянием оружия, отправкой раненых.

— Это вы правильно подметили, — говорил он комбату, угадая его обедом. — Своим опытом борьбы в окружении, выхода из него надо поделиться с другими командирами, — посоветовал комдив.

...Бойцы батальона Момыш-улы еще только готовились к встрече с противником, когда утром 18 октября фашисты возобновили свои атаки снова на левом фланге — в районе Немцово — Игнатково. Они бросили сюда сотню танков в сопровождении 80 грузовиков с пехотой. Панфилов проводил многие часы на КП полковника Капрова, внимательно наблюдал за ходом сражения, управляем войсками. Чувство боевого азарта охватило его, отодвинуло назад все, что не было прямо связано с боем. Часто припадал к амбразуре, рассматривал поле боя в бинокль.

— Да-а, жарковато тут у тебя, Илья Васильевич! — говорит он командиру полка. — Я бы на твоем месте покрепче закрыл стык слева, вон у того лесочка, — вытягивает генерал руку. — Если туда прорвутся фашисты, ты отсюда не успеешь уйти. Следи за левым флангом очень внимательно.

Даже уехав в штаб, командир дивизии буквально каждый час вызывал полковника Капрова по телефону и расспрашивал об обстановке, давал указания.

А сражение то затихает, то вновь разгорается с еще большим ожесточением и силой. В разгар боя в Немцово на КП Капрова вместе с Панфиловым прибыли командарм К. К. Рокоссовский и член Военного совета армии А. А. Лобачев. Бой был трудный. Кругом падали и рвались бомбы, свистели снаряды и мины. Более часа командование армии наблюдало, как солдаты 1075-го полка отсекали вражескую пехоту от танков, умело и бесстрашно пропускали бронированные чудовища через траншеи у себя над головой (делали это трижды), а потом уничтожали их бутылками с горючей смесью. Было подбито шесть танков. Несмотря на громадное превосходство врага, подразделения полка свои позиции удержали.

Как вспоминал полковник Капров, боем и его результатами командование осталось очень довольно.

— Определили, какой род войск дерется? — обращаясь к командарму, взволнованно проговорил Панфилов. — Если одним словом сказать — непобедимый! Гвардия.

— Отлично проведен бой, — одобрил Рокоссовский. — Славно дрались солдаты. Такие солдаты достойны звания Советской гвардии!

Со стрелками тесно взаимодействовали артиллеристы 857-го артполка. Перекрывая танкоопасные направления, они ежедневно отражали танковые наскоки врага. За первые же дни уничтожили не менее 25 танков. Командир и комиссар дивизии подробно расспрашивали командира полка подполковника Г. Ф. Курганова о подробностях боев, о повадках и тактике гитлеровцев, приказали представить особо отличившихся к награде.

Огромные трудности первых дней боев не поколебали мнения Панфилова о скором разгроме врага под Москвой. Он по-прежнему верил в силу своей дивизии, в ее стойкость. Генерал ничего не замалчивал, не скрывал от солдат тяжести положения, больших потерь, которые несли подразделения дивизии. Как вспоминает комиссар 1075-го полка А. Л. Мухамедьяров, генерал требовал от командиров и политработников говорить людям правду.

— Пусть суровую, но правду, — добавлял комдив. — Не скрывайте ничего. Доверяйте солдату, разъясните положение. И это обеспечит победу.

А противник все наращивал силу удара, подбрасывал новые и новые бронированные колонны.

Панфилов ввел в бой последние резервы — зенитные пулеметы и приданную ему роту танков: по одному танку КВ и Т-34 и три танкетки. Выдвинувшись вперед, они открыли огонь по скоплению вражеской техники. Тяжелый КВ сумел протаранить и раздавить несколько вражеских танков.

Гитлеровцы обошли резерв генерала и ударили по нему с флангов и тыла. Силы были явно неравны. И все же советские танкисты не отступили, они продолжали сражаться и уничтожили до полутора десятков вражеских машин, пока один за другим не выбыли из строя.

По приказу командования полк отошел в Спас-Рюховское — Рюховское, где создавался новый оборонительный район.

В боях за Болычево — Федосынио отличились многие бойцы. Командир орудия младший сержант Алексей Банин подпускал фашистские танки совсем близко и расстреливал их прямой наводкой. За два дня он уничтожил семь танков. В самом пекле оказался расчет 76-миллиметрового орудия сержанта Андрея Ушакова. Целый день он отражал массированные атаки гитлеровцев, уничтожил несколько пулеметов, а когда на орудие полез вражеский танк, артиллеристы не дрогнули, подбили и его. Боец 3-го батальона 1075-го стрелкового полка Ахметжан Тлеукабылов оказался в гуще боя. На окоп, где находилось несколько солдат, двигалось до десятка стальных громадин врага. Тлеукабылов подпускал их чуть ли не к траншее, а потом метко бросал противотанковые гранаты и бутылки с горючей смесью. Но на него шел еще один танк. Выскочив из окопа, боец метнул гранату. Взрывом с машины сорвало башню. Люк танка оказался открытым. Тлеукабылов подбежал еще ближе и бросил гранату прямо внутрь машины. Раздался новый взрыв. Солдат размахнулся, чтобы бросить бутылку с горючей смесью, но в этот момент его прошла очередь немецкого автомата.

Особенно был восхищен Иван Васильевич бесстрашием Кирилла Кривенко, также показавшего пример храбрости и отваги. Когда большая группа стальных чудовищ врага атаковала стрелковую роту, Кривенко оказался в заросшей бурьяном яме один. При нем была связка гранат и несколько бутылок с горючей смесью. Боец положил их на бруствер. Урча и лязгая гусеницами, немецкий танк подполз совсем близко, ощерился пулеметным огнем. Бойцу было страшно, он оказался один на один со стальной громадиной. Ноги у солдата налились свинцом, неровно забилось сердце. Сжал связку гранат, Кривенко молча наблюдал за танком, ждал удобного момента. Вот уже показалась движущаяся широкая гусеница. Быстро вскочив, Кривенко размахнулся и с силой швырнул связку гранат прямо под нее. Раздался сильный взрыв. Танк подпрыгнул и остановился с разорванной гусеницей. В тот же миг отважный боец бросил в него бутылку с горючей смесью. Она разбилась о башню. Вражеская машина вспыхнула. Взревев мотором, она закружилась, пытаясь сбить пламя. Но горючая смесь огненными ручейками разбежа-

лась по всему корпусу машины. И танк замер. Выскакивавших из него танкистов Кривенко расстрелял из винтовки.

Вернувшись в штаб, Панфилов изучает, анализирует каждую деталь геройского поединка. В поступке солдата генерал увидел большой смысл.

— Боец Кривенко показал нам блестящий пример бесстрашения и тактики боя в современных условиях. Замечательный пример.— оживленно комментирует он начальнику штаба полковнику И. И. Серебрякову и комиссару дивизии С. А. Егорову. Повернувшись к комиссару, попросил:

— Узнайте подробности. Ближайший номер дивизионной газеты посвятить героям-истребителям. Чтоб вся дивизия узнала. Боевой дух солдат этим поднимать надо! Для ликвидации танко-боязни мобилизуйте все средства пропаганды, а героев — представить к награде*.

«Танки! Страшная сила. Их у противника много. Как с ними бороться? — размышляет Панфилов.— Артиллерии маловато. Кривенко, Тлеукабылов, Вихров и другие бойцы показали нам пример. Но ведь не каждый боец обладает такой смелостью и решительностью. Значит, надо учить людей не бояться танков. Впрочем, и этого, видимо, мало. Пожалуй, надо готовить специальные подразделения истребителей танков, зачислять в них добровольцев. Во всех полках, во всех батальонах. Тогда пехота сможет и одна выстоять в борьбе с ударной силой фашистов».

Такие мысли о возможности, даже необходимости единоборства пехоты с вражескими танками Панфилову подсказывала сама боевая обстановка, сложившаяся на первом этапе войны, первый опыт боев.

Буквально через день-два генерал уже сидел в тесном кругу истребителей танков. Рассказав им о подвиге храбрых солдат, он показал, как надо правильно окапываться для встречи с танками, как действовать гранатой и бутылкой с горючей смесью. Невдалеке от беседующих порывами шумел лес, иногда с передовой долетали приглушенные звуки тата��ающего пулемета.

— Конечно, танк — грозная сила,— говорит генерал, посматривая на сгрудившихся вокруг него бойцов.— Эта машина прет на тебя, да еще стреляет из пушки и пулемета.— Сделав паузу, он несколько медленнее продолжает:— Но смелому да умелому танк не страшен. Немец-то сидит за броней, потому он и храбрый. Это пока танк далеко. А когда он приблизится к тебе на 20—30 метров, тогда его уже нечего бояться. Под таким уг-

* Приказом Военного Совета Западного фронта от 7 ноября 1941 г. красноармеец К. И. Кривенко награжден орденом Красной Звезды, а А. Тлеукабылов — орденом Красного Знамени.

лом его пушка поразить не может. Вот тут-то и не теряйся, снимай с фрица скорлупу. Подпусти эту машину на бросок гранаты и бросай ее под гусеницу, на закуску фашисту. А если у тебя под рукой еще и бутылка с горючей смесью, совсем хорошо. Бей его, зажигай танк, жарь фрица в машине. Не сумел бросить гранату под гусеницу, пропусти танк через окоп и бей в хвост, жги бутылкой с горючкой. Их танкисты страшно боятся, этих бутылок.

Он говорит неторопливо и задушевно. Машинально вынув из кармана кителя часы, не глядя на них, он медленно гладит большим пальцем правой руки стекло. Лицо его озаряется удивительной, задушевной улыбкой. Мелкие морщинки заметнее обозначились у краешков прищуренных глаз.

Искры подвига заразительны. Героические примеры породили в сердцах других бойцов готовность действовать не менее отважно.

Оттеснив 1075-й полк от Болычево — Федосынино, гитлеровцы ринулись на Игнатково и Осташево, к мосту через Рузу. В Осташево тяжесть вражеского удара принял на себя стрелковый батальон капитана Н. А. Лысенко, «Чапаева», как любовно прозвали его бойцы. Комбат носил лихо закрученные усы и был поразительно похож на легендарного героя гражданской войны. Он очень огорчался, читая сводки об отступлении наших войск, жаждал встречи с ненавистным врагом лицом к лицу. Радовался, когда дивизию перебрасывали под Москву. Это был храбрый воин, до самозабвения любил конницу, ходил в кавалерийской венгерке, носил ушанку набекрень. Для усиления его батальона ему были приданы артиллерийская батарея и два взвода саперов.

Построив батальон, капитан Лысенко обратился к бойцам:

— Все мы негодовали, что враг еще не остановлен. Вот и наступил наш черед останавливать фашистов. Дадим клятву, что никто не уйдет с этого места!

Он пошел медленно вдоль строя, и каждая рота отвечала: «Клянемся!»

Свой наблюдательный пункт комбат оборудовал на окраине села, в подвале каменного дома. Отсюда хорошо просматривалась и дорога из Болычево, и окружающие поля, а главное — подходы к мосту. Собрав командиров рот, Лысенко поставил перед ними задачу:

— Наш батальон с прианными средствами усиления обороняется по восточному берегу реки Рузы. Задача: не допустить прорыва противника на дорогу, ведущую к Волоколамску. Зарыться в землю, замаскироваться.

На оборону подступов к селу и подходов к мосту капитан по-

ставил 1-ю роту и артиллерийскую батарею. В самом селе дрались 3-я рота лейтенанта Шутя и пулеметчики лейтенанта Фролова. Тыл батальона защищала 2-я рота лейтенанта Прохорова.

Порывами налетал холодный, пронизывающий ветер. Вперемежку с дождем падал мокрый, липкий снег. Роя окопы, маскируясь, бойцы не забывали зорко смотреть на юго-запад, откуда все явственнее доносилась артиллерийская канонада.

Объезжая полки, командир дивизии заглянул и в Осташево, побывал на КП капитана Лысенко. Оборонительными работами генерал остался доволен, посоветовал артиллеристам рассредоточить свои орудия и тщательнее их замаскировать.

Утром 16 октября над окопами пролетела стая «юнкерсов», но сброшенные ими бомбы упали поодаль, не причинив вреда. Потом из дальнего леса показались танки. Они шли по два в ряд, направляясь к мосту, намереваясь перейти через него с ходу. За ними лениво бежали солдаты в зеленых шинелях. Они не предполагали встретить здесь серьезного сопротивления.

— Почему молчат орудия? — спрашивает Лысенко у вбегающего в подвал начальника штаба. — Чего они ждут?

— Товарищ капитан, — еле переводя дыхание от бега, отвечает тот, — фашисты пытаются нас обойти.

— Бить их надо! — взволнованно сказал комбат и, выбежав из дома, крикнул артиллеристам:

— Почему не стреляете? Открыть огонь немедленно!

— Есть открыть огонь, товарищ капитан, — слышит он в ответ. Через минуту раздались команды, и по вражеским машинам дружно ударили орудия. Спешивший к мосту головной танк споткнулся, потом остановился. По его бокам заплясали огненные язычки. Через минуту, распуская по земле перебитые гусеницы, встали еще два, за ними задымил четвертый. Оставшиеся машины отошли. В течение дня батальон отбил две атаки, уничтожил шесть танков.

На следующий день бои приняли яростный характер. На защитников села посыпались бомбы, снаряды, мины. В то время как колонна танков ринулась к мосту, левее его рота фашистов пыталась переправиться через Рузу на pontонах. Подпустив их на расстояние 100—150 метров, пехотинцы открыли по ним меткий огонь. Гитлеровцы не успели даже ответить, как были полностью уничтожены. Многие из них, будучи ранеными, утонули в реке. Три дня и три ночи бойцы батальона отбивали ожесточенные атаки врага.

Особенно жестокий бой разгорелся 18 октября. Противник навалился большими силами и под покровом темноты форсировал реку. Его танки прорвались в тыл батальона. Оборонявшая-

ся здесь рота почти вся погибла. Комбату чудом удалось по радио связаться со штабом полка и доложить обстановку. Чем могли помочь командиры дивизии и полка в этот страшно напряженный день? Западнее Осташева подразделения 1075-го полка сами с огромным трудом отбивались от сотни бронированных машин. И все же командование понимало, что помочь батальону необходимо. Штаб полка ответил капитану Лысенко телеграммой: «Любой ценой удерживайте мост и Осташево, сковывайте силы противника. Помощь выслана». На выручку батальону командование направило стрелковую роту младшего лейтенанта Омельченко. Уничтожив семь танков, рота эта сама попала под танковую атаку врага и почти вся погибла на подступах к селу.

Собрав наскоро командиров, Лысенко информировал их:

— Мы окружены. Отходить теперь некуда, будем драться в окружении. Пока живы, пока в груди бьется сердце, ни моста, ни Осташева фашистским гадам не отдадим. Слышите, хлопцы? Не отдадим!

Какое мужество, какую несгибаемую силу воли нужно было иметь, чтобы продолжать сражаться в кольце танковых армад врага.

Артиллеристы повернули свои орудия в сторону села и стреляли теперь только в упор. Несколько подожженных ими танков горели ярко-желтым огнем. Но один за другим выходили из строя орудия, гибли стрелки и артиллеристы. Выполняя клятву, солдаты дрались за каждую улицу, каждый дом. Уставшие, изнуренные четырехдневными боями, они несли большие потери. Вражеские танки «утюжили» окопы, давили гусеницами бойцов и технику. Кончались боеприпасы. Командир батальона еще утром покинул свой ставший бесполезным наблюдательный пункт, появлялся то в одном месте, то в другом. Сам ложился за пулемет, стрелял из винтовки, а когда на него налетел танк, успел бросить в него связку гранат. В середине дня гитлеровцы окружили защитников села плотным кольцом. Капитан Лысенко собрал остатки батальона, повел их в последнюю атаку и упал, смертельно раненный.

В страшном бою под Осташево погиб почти весь батальон. Его бойцы до конца выполнили свой воинский долг. Они задержали врага на этом участке на четыре дня, уничтожили два полка пехоты и батальон вражеских танков. Фашисты боялись даже мертвых и тяжелораненых. Сбросив трупы героев в траншеи, они раздавили их тяжелыми танками.

Беседуя с офицерами и солдатами, Панфилов неоднократно вспоминал о подвиге капитана Лысенко и его бойцов.

— Ему и его батальону дивизия обязана многим, — подчер-

кивал он.— Бессмертие — вот награда тому, кто умирает смертью храбрых.

Только один неполный взвод — 24 красноармейца — привел через несколько дней в распоряжение 1075-го полка в Спас-Рюховское политрук 3-й роты Малик Габдуллин. В этот момент на КП полковника Капрова находился генерал Панфилов, и Габдуллин подробно доложил им о последнем бое.

— Спасибо за службу. Молодцы, — выслушав политрука, ответил генерал.— А те, что погибли,— вечная им память. Они отдали жизни за народное счастье. Наш народ никогда их не забудет,— тихо вымолвил он. Помолчав немного, обращаясь к Капрову, генерал взволнованно заговорил:

— Видишь, как наши солдаты хорошо воюют, как умеют мужественно держаться и не трусят перед хвалеными фашистскими танками, могут быть стойкими, несгибаемыми.

Да, они были такими: стойкими, несгибаемыми. Большая заслуга в воспитании у них этих качеств принадлежала командиру дивизии Ивану Васильевичу Панфилову.

Волоколамское шоссе

Потеснив подразделения дивизии в районе Болычево — Федосынино — Игнатково — Осташево, гитлеровцы нацелились на Спас-Рюховское. Здесь сходились четыре дороги, в 15—16 километрах находился Волоколамск.

На оборону этого важного стратегического пункта отошел 1075-й стрелковый полк. Северо-западнее, прижимаясь к Волоколамскому шоссе, занял оборону 1073-й полк. Штаб дивизии находился между ними — в Рюховском. Стремясь во что бы то ни стало добиться успеха, противник снова бросил на этот участок более сотни танков и до двух полков мотопехоты. С воздуха его атаки поддерживала многочисленная авиация. Фашисты рассчитывали, что теперь-то под их натиском поредевшие подразделения 316-й стрелковой дивизии дрогнут, начнут отходить.

Но они не отошли. На пути этой грозной армады Панфилов поставил приданый из армейского резерва 289-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк. Его командир майор Н. К. Ефременко расставил батареи на наиболее танкоопасных направлениях, расположив их двумя эшелонами. Бойцы тщательно оборудовали и замаскировали свои огневые позиции, блиндажи, отрыли глубокие щели, отвели тягачи в ближайший лесок.

По приказу К. К. Рокоссовского огневые позиции батарей были прикрыты подразделениями 1075-го стрелкового полка. У каждого орудия окопалось по отделению стрелков.

Утром на позиции артиллеристов налетело 12 «юнкерсов». Встав в круг, они начали засыпать бомбами боевые порядки полка. 6-я батарея, вооруженная зенитками, открыла огонь и, к общей радости, сбила самолет. Густо задымив, он врезался за лесом в землю. Вскоре «юнкеры» вернулись. На этот раз их было уже 40. Они волнами налетали на позиции артиллеристов, сбрасывая фугасные бомбы крупного калибра. Орудия и личный состав были хорошо укрыты и пострадали незначительно. Зенитчики же сбили еще два самолета со свастикой.

Затем из дальнего леса на поле выскочила разведка — три танка. Помаячив на виду у батарейцев, они поспешили скрыться.

— Сейчас фашисты пойдут в атаку, — предупредил Ефременко по телефону командиров батарей. — Держитесь хладнокровно! Огонь открывайте разом из всех орудий, — приказал он.

Генерал Панфилов, поднявшись на колокольню старой церквишки, где был оборудован его наблюдательный пункт, и без бинокля хорошо видел картину начавшегося поединка. Он позвонил командарму, доложил ему обстановку. Вскоре К. К. Рокоссовский приехал к артиллеристам. Высокий, стройный и, как всегда, спокойный, не обращая внимания на вражескую бомбежку, выслушал рапорт майора Ефременко. Уточнив расположение огневых позиций батарей, он одобрил их выбор, похвалил организацию огня. Приказал усилить наблюдение за флангами. На прощание высказал надежду:

— Надеюсь на артиллеристов. Вы не должны пропустить фашистов в Спас-Рюховское. На вас сейчас вся армия смотрит.

Затем командарм поехал в село, поднялся на НП к Панфилову, дал ряд указаний.

В бинокль Панфилов увидел, как из леса несколькими эшелонами, растекаясь по широкому полю, двинулись к Спас-Рюховскому вражеские танки. Генерал долго считал их, насчитал 80, но из леса выползали все новые и новые, и он потерял счет. Бронированные машины шли на скорости. В плотную прижимаясь к ним, бежали солдаты в грязно-зеленых шинелях, на прицепах тянулись тележки с автоматчиками.

На позиции 316-й стрелковой дивизии и артиллерийского полка катился грозный стальной вал. Один за другим танки открывали беспорядочный огонь, их снаряды рвались, не долетая до артиллеристов. Вот уже видны зловещие кресты на башнях, их батарейцы так близко видели впервые.

«Хватит ли выдержки у артиллеристов, не откроют ли они

огонь преждевременно?» — волновался Панфилов. И выдержки, и самообладания у них хватило. Артиллеристы действовали смело и решительно. Только когда танки подошли на 500 метров, а кое-где еще ближе, они открыли дружный огонь, расстреливая их прямой наводкой. Открыли огонь из винтовок и пулеметов и стрелковые подразделения.

Рев сотни танков, выстрелы орудий и пулеметов, разрывы снарядов слились в сплошной гул и грохот. В разных местах поля загорались танки. От них в небо потянулись густые клубы дыма. Чтобы вражеская пехота не проникла на огневые позиции, Ефременко приказал вести огонь поочередно бронебойными снарядами и шрапнелью. Первые же залпы опустошили ряды автоматчиков.

Фашисты лезли напролом, атака следовала за атакой. Два танка прорвались прямо на КП майора Ефременко. Укрывшиеся здесь разведчики и саперы сожгли их моментально бутылками с горючей смесью.

Все эти долгие часы, пока шло единоборство, Панфилов с тревогой следил за действиями артиллеристов, всякий раз радуясь, когда от точного попадания загорался очередной вражеский танк. Но он чувствовал, что, получив крепко по зубам, гитлеровцы попытаются обойти укрепленный узел.

И действительно, убедившись, что в лоб село им не взять, фашистское командование сделало попытку обойти боевые порядки советских войск. Одна колонна стальных машин повернула на Клишино, Рюховское, чтобы оттуда пробиться на Волоколамск. Но Панфилов, предвидя это, заранее поставил здесь в оборону несколько батарей 857-го артиллерийского полка подполковника Курганова, 296-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк капитана А. И. Алешкина и 1073-й стрелковый полк майора Елина. Танки через их боевые порядки пробиться не смогли.

Полтора десятка машин попытались обойти Спас-Рюховское справа в направлении Чертаново с целью пробиться на шоссе в районе Новопетровского. Но предусмотрительный Ефременко поставил здесь две батареи — 2-ю и 4-ю. Командир полка знал, что личный состав батарей не подведет, и все же тревожился за свой левый фланг. Заметят ли вовремя противника, не растеряются ли? Не растерялись. Их наблюдатели своевременно заметили вражеский маневр. И танки не прошли. Расчеты действовали отважно и быстро. Вскоре перед позициями 2-й батареи стояло пять разбитых машин.

Левее всех располагались в засаде орудия 4-й батареи. Тревожась за них, командир полка позвонил командиру батареи

старшему лейтенанту Сиромахе, дал ряд указаний. Сиромаха и комиссар батареи Гуськов заметили, как слева, по кустам, пробирались крадучись вражеские танки: над кустарником плыли их башни. Они насчитали 15 машин. Ворвавшись на огневые позиции, гитлеровцы пытались с ходу раздавить орудия и расчеты. Но и здесь артиллеристы не оробели. Они опередили немцев. Командир первого орудия сержант Калинин и наводчик Радченко с близкого расстояния, почти в упор, подожгли головной танк. Потом второй, третий. Десятью выстрелами они разбили пять машин. Левее их на огневые позиции прорвались шесть танков. Но и их расстреляли в упор из других орудий.

Почти весь день в районе Спас-Рюховского шло ожесточенное сражение. Более батальона пехоты, 3 самолета и 59 танков уничтожили в этом памятном бою советские артиллеристы и пехотинцы. 3-я и 5-я батареи лейтенантов Белякова и Капацына подбили по 17 стальных машин каждая. 4-я батарея, через огневые позиции которой гитлеровцы пытались прорваться, уничтожила 11 танков. В такой успех трудно было поверить. Но десятки подбитых и сгоревших стальных коробок, черневших на изрытых снарядами полях, являлись немыми свидетелями закончившегося победного боя.

— Передайте от меня великую благодарность всем бойцам и командирам,— радостно говорит Панфилов командиру артполка.— Молодцы. Просто молодцы. Не испугались, не дрогнули.

Поздно вечером бойцы, смертельно уставшие, с осунувшимися лицами, делились впечатлениями о сражении скромно, без прикрас. Все их рассказы заканчивались неизменным: «Были бы снаряды да патроны, а так что ж, воевать можно, фашист-то оказался не такой уж непобедимый».

Боевую задачу — не допустить прорыва танков через Спас-Рюховское на Волоколамское шоссе — полк с честью выполнил. За этот бой 289-й артполк был награжден орденом Красного Знамени *.

Особенно отличился в этом бою радиист 3-й батареи младший сержант Петр Стемасов, комсомолец, родом из Ульяновска. Во время огневого поединка на батарее от прямого попадания вышло из строя последнее орудие. В это время на дороге, западнее батареи, показалась еще одна колонна вражеских танков. Они шли тихо, с открытыми люками, в затылок друг другу. Фашисты

* 289-й и 290-й истребительно-противотанковые артиллерийские полки 16-й армии за исключительные мужество и стойкость, проявленные их бойцами и командирами в боях под Москвой, первыми из артиллерийских частей Красной Армии в ноябре 1941 г. были удостоены звания гвардейских.

были уверены, что советская батарея полностью уничтожена. Начало смеркаться. Танки приближались, до них оставалось меньше полукилометра. Тогда Стемасов вместе с трактористом Чоботовым и контуженным наводчиком Нероновым подползли к пушке, откопали засыпанный землей лафет, ломом подвернули сошник, наведя орудие на вражеские танки. Однако панорама оказалась разбитой, и Неронов убежал искать другую.

Стемасов раньше никогда не стрелял из пушки, но видел, как это делали другие. Наведя орудие прямо через ствол на приближающийся танк, он с помощью Чоботова зарядил его, прицелился ниже креста и выстрелил. Снаряд угодил прямо... в стог сена. Тот сразу ярко запыпал. Несмотря на трагизм положения, оба бойца рассмеялись.

Как оказалось, это было к лучшему. В наступившей темноте на фоне горящего стога вражеские танки были хорошо видны, а немцы, наоборот, ослеплены. Довернув орудие на глазок, Стемасов вторым снарядом пробил броню головного танка. Машина судорожно дернулась и замерла. На курносом юношески розовом лице бойца вспыхнула радостная улыбка.

В этот момент прибежал наводчик Неронов с панорамой, и они открыли огонь по врагу. Кругом загрохотало. Но в этой пляске огня и металла трое смельчаков действовали уверенно и спокойно. Не успели вражеские танкисты разобраться, откуда на них обрушился прицельный огонь, как запыпал еще один танк, потом третий. За несколько минут бойцы подбили семь фашистских машин. А потом так же спокойно вывезли трактором орудие в безопасное место. Это был героический поединок трех русских богатырей со стальной колонной врага.

Петр Стемасов был удостоен звания Героя Советского Союза, а его боевые товарищи — Чоботов и Неронов — награждены орденами.

Первые успехи окрылили, подняли дух у бойцов и командиров, укрепили у них веру в свои силы. Они убедились, что «непобедимая» фашистская армия хотя и опытна и сильна, но уязвима, и ее можно успешно бить. Вместе с тем бойцы сами узнали, какую грозную силу представляет враг, какие нечеловеческие усилия нужно затратить, чтобы его остановить, а потом уничтожить.

Сражение разгоралось. На острие главного удара врага оказался 1075-й стрелковый полк И. В. Капрова. В одном из документов этих дней оказалась краткая характеристика боевых действий части. В ней говорилось: «Полк под руководством полковника т. Капрова начиная с 14.10.41 г. в районах с. х. Болычево, Федосынино, Игнатково, Осташево, Спас-Рюховское, Рюховское

вел ожесточенные, непрерывные бои с противником, превосходящим по численности в несколько раз». Только осенние темные ночи немного заглушали накал боев, приносили измученным людям краткую передышку.

Понеся под Спас-Рюховским значительные потери, гитлеровское командование не отказалось от своего замысла прорваться к автостраде. Оно с каждым днем наращивало силу удара, вводило в бой свежие силы. Теперь оно бросало свои танковые армады с сильным пехотным прикрытием, сопровождая их самолетами, артиллерией, мотоциклистами. Но, преодолев одну оборонительную полосу, противник натыкался на следующую, не менее стойкую. Встретив организованное сопротивление, противник отходил и, изменив направление, снова оголтело лез вперед. В каждом бою он старался использовать свое подавляющее преимущество в танках. Ожесточение нарастало. Изрядно потрепав фашистов, полки дивизии по приказу командования армии отошли на несколько километров ближе к Волоколамску. Штаб дивизии разместился в городе. Необыкновенное мужество и стойкость проявляли бойцы дивизии, не давая сомкнуться танковым клещам. Они смело подпускали вражеские машины и, как только те подходили к окопам, забрасывали их гранатами и бутылками с горючей смесью.

Как-то после одного из боев Иван Шадрин, один из 28 будущих героев, сказал генералу, зная его любовь к чаепитию:

— Мы сегодня, товарищ генерал, дали немцу пить панфиловского чайку — и вприкуску, и внекладку, а все больше по зубам.

6-ю танковую дивизию, потерявшую в боях почти все боевые машины, фашисты вынуждены были заменить 2-й.

— Как у вас, Иван Васильевич, дела? — звонит К. К. Рокоссовский.

— Того, товарищ командующий. Крепко жмет немец, но мы за каждую деревушку, за каждый перелесок берем с него большую плату живой силой и техникой. Вот своей техники да и людей у нас маловато.

— Понимаю, — вздыхает командарм, — помочь, к сожалению, пока не могу. Напрягите все силы, пока не подошли резервы, надо устоять. Надеюсь на вас!

Несли большие потери и части Панфиловской дивизии. Победа доставалась нелегко — таковы законы войны. За радость победы приходилось платить жизнями героев, павших на поле брани. Смерть ходила по пятам и за Панфиловым, подстерегала за каждым деревом, за каждым углом. Но он не берегся, был все время у смерти на виду, хладнокровно и бесстрашно делая свое дело. Другой жизни он не знал и не мыслил.

— Чего только не бывает на войне! Бывает, что и убивают,— хитро улыбаясь, говорил генерал сопровождавшим его офицерам,— но не каждая пуля в лоб. Страхов много, а смерть одна. Да и умирать желания нет, потерплю еще годков сорок-пятьдесят.— Помолчав, он уже серьезно, как бы извиняясь за шутку, добавлял:

— Это же моя работа. Вот понаблюдаю противника немного своими глазами, может, посоветую вам что-нибудь дельное и уеду. Разве я буду зря рисковать!

Из-под солдатской ушанки глядели его удивительно добрые, с заметной усталостью глаза, блестели зубы в такой же простой улыбке.

Это была не показная храбрость. Панфилов проявлял смелость и бесстрашие тогда, когда это диктовалось необходимостью. Своим бесстрашием он воспитывал подчиненных, привучал их выполнять порученное им дело в любой обстановке.

— Надо не только на словах проповедовать смелость, но и приучать, заражать бойцов смелостью и мужеством,— говорил он.

Офицерскому составу И. В. Панфилов отводил особую роль — роль организаторов боя. Руководство даже небольшим боем он считал творческим делом.

— Каждое сражение, даже небольшой бой — это вроде неизвестной Америки, которую нужно почти заново открывать,— говорил он.— Это только когда все ясно, тогда каждый может стать умником.

— Воюют оружием, а побеждают умом,— часто повторял генерал. Он внушал офицерам, что главная обязанность командира — это думать, думать и думать.— Воевать надо с расчетом, с тройным расчетом,— учил он.— Природа снабдила тебя мозгами, а Советская власть дала тебе оружие. На войне случается, что один батальон бывает сильнее полка, а иногда слабее роты. Все зависит от того, кто им командует. Храбрость и умение командаша заключаются в мужестве и гибкости его ума, в его дальновидности. Командир должен всегда знать обстановку на своем участке, быть уверенным в своих силах, а уверенность основана на трезвом расчете. Не нахрапом, не грудью надо брать врага, а головой. Учись рассуждать, разгадывать его мысли. Штыком ты убьешь одного, а умом сразишь тысячу. Недаром в народе говорят: схитришь — врага победишь. Не ошибись. Ошибешься — погубишь людей, подведешь соседей. Не торопись умирать, учись побеждать теми силами, которые у тебя имеются. Береги солдата! Береги не словом, а действием, огнем!

Отдав как-то боевой приказ командиру батальона, Панфилов услышал:

— Умрем, товарищ генерал, а задачу постараемся выполнить! — не очень бодро ответил комбат.

— Как вы сказали? — нахмурив брови, переспросил генерал. — Умрем? Плохо. Очень плохо. Я посылаю вас, капитан, не умирать, а задержать немцев, помочь дивизии выполнить боевую задачу. А умереть никогда не поздно, это успеете сделать и после войны. Вы меня поняли?

— Есть задержать немцев, товарищ генерал, — четко повторил капитан, поднося руку к шапке.

— Вот теперь другое дело, теперь знаю, что приказ будет выполнен, а батальон — жив. А то умрем! — И на губах генерала появилась хитроватая улыбка.

Так же, по-суворовски, поступал и сам генерал. Он хорошо понимал природу современного боя, овладел «наукой побеждать». Досконально изучал тактику врага, его сильные и слабые стороны, его повадки и привычки. Творчески осваивал боевой опыт, искал новые способы и методы борьбы с врагом. Его решения отличались смелостью замыслов.

Экономно и удачно используя огневые средства дивизии, он ни на минуту не терял управления полками и батальонами.

«Генерал Панфилов непрерывно и строго контролировал ход боевых действий, — отмечал командир артполка подполковник Курганов. — Он сам организовывал разведку, выслушивал доклады командиров частей и, лишь взвесив все обстоятельства и строго оценив обстановку, ставил боевую задачу частям и штабу. Во время боя он всеми средствами поддерживал связь со своими частями, с их командирами». Уверенность командира дивизии передавалась всем подчиненным, и они мужественно отражали таранные удары превосходящих сил противника. Командир дивизии требовал, чтобы штабы подчиненных ему полков и батальонов располагались ближе к переднему краю обороны, заботился о четкой, безотказной работе своего штаба, уделял большое внимание связи и взаимодействию с соседями, старался прикрывать фланги. Это повышало боевую способность и стойкость солдат и командиров. Учил командиров видеть бой, разбираться в его неожиданных ходах. Не гордясь заслугами, генерал учился постоянно и сам.

— Я генерал без опыта, — признавался он, оставаясь наедине со своими ближайшими помощниками. — Взводом, ротой командовал в гражданскую войну, а в генеральском звании воюю впервые. Военная наука — дело трудное. Учиться воевать должны все, и командир дивизии в первую очередь.

Панфилов любил инициативных людей, проявлявших в бою смелость, смекалку и разумную инициативу. Об одном таком случае рассказал майор Шехтман.

Как-то во время разведки боем, когда стрелковая рота по приказу командования отошла, три бойца без разрешения своего командира замаскировались и по собственной инициативе взяли языка. Когда они вернулись, начальник штаба полка отчитал их за недисциплинированность.

— Они, не предупредив никого, ввязались в эту историю,— оправдывая начальника штаба, докладывал командир полка Панфилову.

— А ты хочешь, чтобы во время боя солдат тебе докладывал: «Разрешите, товарищ майор, вон того немца убить, а того в плен взять?» Ишь, чего захотел! Во время боя всякую инициативу нужно поощрять.

Панфилов не боялся опасности, но трезво оценивал сложившуюся обстановку. Небывалая массированность танковых атак его очень беспокоила. Две недели гитлеровцы почти непрерывно атакуют, бросают все новые танковые колонны. При таком напоре трудно устоять. Но Панфилов упорно заставлял себя верить — можно, а главное — нужно устоять. Мужества и стойкости его бойцам не занимать. Но было еще одно неравенство, которое с каждым днем начинало беспокоить его все больше. Неравенство в людях. Дивизия день ото дня таяла, в строю оставалось людей все меньше и меньше, противник же вводил в бой все новые полки и дивизии. Подкреплений пока нет, значит, надо напрячь все оставшиеся силы и держаться, выигрывать время.

Генерал умел вовремя разгадать замысел и уловки врага, противопоставить ему свою тактику, свою волю. У него было замечательное чувство боя, командирская интуиция. Он все время анализировал создававшуюся в ходе боя обстановку, отыскивал в ней главное. Как бы яростно и стремительно ни протекал бой, Панфилов никогда не упускал нити его управления и хладнокровного расчета.

Чем труднее складывалась обстановка, тем яснее и четче работала его мысль. Его энергии, казалось, не было предела. Всегда он появлялся там, где становилось особенно трудно, где обстановка осложнялась. В самых сложных условиях боя Панфилов четко и уверенно руководил подчиненными ему частями и подразделениями. Отражая чудовищный натиск в пять раз превосходящего противника, дивизия искусственным и гибким маневром успешно сдерживала врага, наносила ему тяжелый урон в живой силе и технике. Только такая маневренная тактика могла спасти положение в эти страшно напряженные дни. И генерал

снимал батальоны и роты, артиллерийские подразделения с одного участка и перебрасывал их туда, где они были более нужны в данный момент. Дивизия умело закрывала намечавшиеся брешь, заставляя врага лихорадочно метаться с одного участка на другой.

Панфилов воспитывал у подчиненных чувство личной ответственности за судьбу страны. Солдаты и офицеры по-настоящему любили своего комдива за требовательность и простоту, задушевность, житейскую мудрость, доступность, гордились им. Личная храбрость, теплота в обращении с подчиненными обеспечили ему высокий авторитет. Эта любовь еще больше окрепла в ожесточенных боях, во время которых генерал делил с ними все тяготы и опасности.

В стремительной круговерти, когда наваливались десятки неотложных дел, генерал все же выкраивал время, чтобы побывать у солдат на передовой, побеседовать с ними. Его советы и наставления были практическими. Он входил во всякие мелочи солдатского быта, интересовался их питанием, тем, как они одеты и обуты.

Побывав как-то утром в полку, Панфилов зашел в свой штаб.

— Был у Капрова,— снимая полушубок и присаживаясь к столу, медленно проговорил он, обращаясь к начальнику штаба полковнику Серебрякову.— Случайно подслушал солдатский разговор. Один боец спрашивает другого: кто всех важнее в дивизии? Вы как считаете, Иван Иванович, кто?

— Командир дивизии, конечно, что ж тут выяснять,— не сразу поняв мысль генерала, ответил начальник штаба.

— Значит, командир! Слов нет, командир — фигура важная, ответственная,— вставая со скамейки, продолжал развивать свою мысль генерал.— Но я так не считаю. Полагаю, что главной фигурой является солдат. Солдат — решающая сила на войне. Рядовые бойцы, младшие командиры, командиры взводов — вот настоящие труженики войны. Они первые встречаются с врагом, именно они делают главную работу — творят победу в ближнем бою. От них, от их сознательности и стойкости зависит успех или неуспех боя. Отсюда вывод — бойца надо любить, уважать, заботиться о нем постоянно. Правильно я говорю?

Нахмурив брови, генерал после небольшой паузы поясняет работникам штаба с укором:

— Я к чему веду речь: в полку у некоторых бойцов ботинки «каши просят», а ведь идут дожди. Два дня нет махорки. Разве это хорошо, разве это забота о солдате?

Подняв трубку телефона, он звонит своему заместителю по тылу, приказывает сегодня же, сейчас же исправить положение.

Как-то он оказался в подразделении, когда туда привезли обед.

— Пообедайте с нами, товарищ генерал! — послышалось отовсюду. Каждый солдат норовил подсунуть ему свой котелок и просил отведать именно у него. Панфилов пошутил:

— Вас много, а я один. Вряд ли справлюсь со всеми котелками.

Он попросил повара налить ему в свободный котелок. Только свой он отдал бойцу, а его взял себе. Так он узнавал, как бойцов кормят. От встречи с ним становилось теплее. Одно его появление придавало солдатам новые силы, они становились веселее и увереннее. Даже в одежде он мало чем выделялся: обычный белый сибирский полушибок, солдатская шапка-ушанка, простые сапоги. Только бинокль, висевший на груди, да планшетка выдавали в нем командира. Но за внешней простотой скрывался глубокий ум, твердая воля и решительность.

Своим личным примером командир дивизии вселял в подчиненных веру в победу. «То доверие, которое оказано мне по защите нашей родной столицы, будет оправдано,— писал Панфилов жене. — Ты себе представить не можешь, какие в дивизии хорошие солдаты, командиры — это истинные патриоты, боятся как львы, в сердце каждого одно — не допустить врага к родной столице, беспощадно уничтожать его».

Член Военного совета 16-й армии генерал А. А. Лобачев так пишет о дивизии в своих воспоминаниях: «Всего лишь неделю у нас воевала 316-я дивизия, но как воевала! Даже самые, казалось бы, непосильные задачи панфиловцы выполняли хладнокровно, без жалоб на трудности, без тени растерянности»*.

Вернувшись из полков в штаб дивизии или на командный пункт, Панфилов внимательно следил за ходом сражения, отдавал необходимые приказы и распоряжения.

Анализируя прошедшие бои, Панфилов подметил интересную особенность: имея большое превосходство в технике, немцы тем не менее избегали ближнего боя, боялись его. В чем тут дело? Ответ оказался простым: ближний бой зачастую лишал их огневого преимущества, и они несли большие потери.

Действительно, во время ближнего боя немцы, боясь поразить своих, не могли применять ни авиацию, ни танки, ни минометы. Исходя из этого, Панфилов стремился сближаться с противником, навязывал ему ближний бой, старался лишить его преимущества в технике, часто переходил в короткие, внезапные

* Это неточно. 316-я стрелковая дивизия в составе 16-й армии воевала до 11 декабря 1941 г., то есть более двух месяцев.

контратаки. В этом также проявлялись черточки его полководческого почерка.

Тяжелые оборонительные бои вынудили командира дивизии создать сильный подвижный резерв. Такой резерв можно было использовать для выполнения непредвиденных задач, возникавших в ходе сражения, или бросить в любой момент на наиболее угрожаемый участок. А направив резерв в бой, генерал, отрывая по взводу, по роте, а то и батальон от стрелковых полков, тут же создавал новый. Стойкость оборонявшихся войск от этого значительно возрастала.

В ходе боев советские солдаты, командиры и политработники многому научились, приобрели сноровку, опыт и боевые навыки. Дивизия окрепла, закалилась в боях. Бойцы научились не только спокойно наблюдать за бронированными чудищами, но и уничтожать их. День ото дня в ротах и батальонах крепло воинское мастерство, росло чувство собственной силы. Вместе с этим чувством пришло бесстрашие и массовый героизм.

Нередко дивизии и ее полкам приходилось действовать в сложной обстановке, совершенно автономно от других армейских частей. Это возлагало на командира соединения дополнительную ответственность. Генерал часто беседовал с начальниками разведки, артиллерии, инженером, требовал от них сведений о противнике, подвозе боеприпасов, ускорения создания узлов обороны. Генерал готовился к новой встрече с врагом.

Волоколамск... Среди невысоких холмов и смешанных лесов в 125 километрах на северо-запад от столицы раскинулся этот старинный городок. Городок был маленький, тихий, но к нему, как к столице большого государства, было приковано внимание миллионов глаз. Железная и шоссейная дороги вели от него прямо на Москву.

24 октября после небольшого затишья бои в районе Волоколамска развернулись с новой силой. Они требовали огромного напряжения. Только против 1073-го и 1075-го полков противник бросил 25 самолетов и 40 танков. Командующий группой немецких армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Бок не щадил своих войск, гнал их в пекло сражения. Земля дрожала и стонала от сотен танков и орудий. Советские артиллеристы и пехотинцы встречали врага прицельным огнем. Напрягая все силы, бойцы отстаивали каждую пядь родной земли.

Но танки все шли и шли. Казалось, им не будет конца. Подбитые останавливались, их обходили другие и, ведя огонь с ходу, упорно пробивались вперед. 1073-й полк, оборонявший непосредственно подступы к Волоколамску с запада, оказал врагу самоотверженное сопротивление.

Как и в предыдущие дни, основная тяжесть борьбы с вражескими танками пала на артиллеристов. Они делали все возможное, чтобы остановить врага. После одного особенно упорного боя артиллеристы понесли значительные потери: из строя вышло 50 процентов орудий.

Героически дрались с врагом и соседи панфиловцев: курсанты полковника С. И. Младенцева *, конники генерала Л. М. Доватора. «Части командира Рокоссовского поражают своей организованностью и стойкостью», — отмечала в те дни «Правда». «Русские дерутся ожесточенно и отчаянно за каждый метр земли, который мы у них отнимаем, — писал домой гитлеровский солдат Рупп. — Еще никогда бои не были так тяжелы, и многие из нас больше никогда не увидят родины». Это подтвердил и командир 5-го немецкого корпуса, наступавшего на Волоколамск. «316-я русская дивизия... ведет поразительно упорную борьбу», — отметил он в своем дневнике.

Несмотря на стойкое сопротивление и массовый героизм, наши немногочисленные войска под натиском во много раз превосходящего противника вынуждены были медленно, метр за метром отходить. Это было героическое отступление.

— Вроде бы и отступать уже больше некуда, — говорил генерал наедине с начальником штаба, — а все же, наверное, придется. Немного. Совсем немного. А дальше действительно некуда, рядом Москва.

Помолчав по обычью, он тихо добавил:

— Спланированное отступление, отход — это не бегство от противника. Обстановка может вынудить нас к отходу на более выгодные позиции. Это один из самых сложных видов боя. К сожалению, не каждый умеет отступать.

Ценой огромных потерь в людях и технике двум моторизованным и армейским корпусам противника удалось 25 октября прорвать главную полосу обороны 16-й армии. И наконец, к исходу 27 октября его танковая колонна появилась на улицах Волоколамска. «Противник силою до четырех п. п. (пехотных полков. — Г. М.) и до ста танков к исходу 27 октября овладел рубежом Ивановск, Волоколамск, Возминское, Жданово», — доносил командир дивизии командующему армией. Сам комдив руководил боем до последнего момента и покинул город с группой штабных офицеров, когда вражеские танки подошли чуть ли не к самому штабу.

— Я тверд в своем убеждении, — говорил Панфилов, — что

* Курсанты Военного училища имени Верховного Совета РСФСР.

потеря Волоколамска — это не результат утраты стойкости у бойцов и командиров. Люди стояли насмерть.

Положение под Москвой еще больше осложнилось.

Гитлеровские генералы потирали руки. Еще бы! Они взяли Волоколамск, а от него, как известно, к советской столице ведет первоклассное шоссе. Еще день, от силы два — и они будут в Истре. Командование поспешило донести Гитлеру, что взят «последний крупный опорный пункт русских» на пути к Москве.

Бесноватый фюрер заявил, что 7 ноября будет принимать в Москве, на Красной площади, парад германских войск. Для участников будущего «парада победителей» были пошиты новенькие мундиры, заготовлены ордена.

Однако вскоре тысячи трупов участников этого несостоявшегося парада остались навеки лежать на заснеженных полях Подмосковья.

Дальнейшие события развернулись снова не так, как хотелось гитлеровцам. Они и на сей раз ошиблись в расчетах. Потеснив несколько части дивизии, фашисты не смогли прорвать ее боевые порядки. Их попытки перехватить шоссе восточнее Волоколамска, идущее на Истру, были сразу же пресечены. Красная Армия внесла в планы гитлеровцев свои коррективы.

Несмотря на потерю важного стратегического пункта, каким был Волоколамск, дивизия не пустила фашистов на шоссе. Сохранив основные силы, она восстановила разорванный фронт в нескольких километрах восточнее города. Части дивизии отошли на линию разъезд Дубосеково — населенные пункты Нелидово—Ченцы—Ефремово.

Противник же к концу октября был изрядно потрепан, ударная сила его танковых клиньев заметно ослабла, и он на время снизил активность. Расчеты гитлеровцев на захват Москвы в октябре были сорваны. Фон Бок записал в своем дневнике: «Мы застряли. А между тем русские выигрывают время... Это очень скверно!»

Дорого заплатил враг за свою наглую попытку ворваться в советскую столицу с ходу. Наступавшие в полосе Панфиловской дивизии 110-ю пехотную, 29-ю моторизованную и 6-ю танковую дивизии немцы были вынуждены отвести в тыл на пополнение. Наступление гитлеровских полчищ на Москву захлебнулось, разбилось о стойкость советских людей.

— Мне докладывали, что командир 6-й немецкой танковой дивизии жалобу самому Гитлеру на вас написал,— говорит Панфилов артиллеристам, заглянув к ним на передовую.

— За что? — не поняли шутки солдаты.

— Как за что? Вы же у него все танки побили, а в Москву не пустили.

— Мы выполняли ваш приказ, товарищ генерал,— нашлись артиллеристы,— так что отвечать вместе придется.

— Ну, если так, благодарю за честную службу, герои,— с удовольствием говорит комдив.

Лица солдат румянятся от счастья.

Своим беспримерным мужеством и массовым героизмом Советская Армия развеяла лживую легенду о непобедимости немецко-фашистской армии. Лучшие дивизии Гитлера, прошагавшие победным маршем пол-Европы, под Москвой оказались разгромленными. Скупые военные сводки говорят: за 6 дней фашисты оккупировали Голландию, за 18 — Бельгию и Польшу, за 44 — Францию. А чтобы дойти до дальних подступов к Москве, гитлеровцам понадобилось более четырех месяцев. Хотя успехов они добились больших, победой эти успехи так и не стали. Москва — первая столица, у стен которой враг был не только остановлен, но его почти миллионная армия с огромным количеством танков и самолетов, протоптившись здесь более двух месяцев, была разгромлена. Москва выстояла, мужественные ее защитники стояли насмерть.

Попав под сокрушительный огонь советских войск, враг растерялся. Такого ожесточенного сопротивления он не ожидал. Это явно противоречило геббельсовской пропаганде, трезвонившей изо дня в день о «скором захвате Москвы» и о «победоносном окончании войны». Угар молниеносной войны, который кружил головы гитлеровским генералам, начал проходить. «Зима нашего несчастья» — так назвал танковый «бог» немецкой армии Гудериан сражение под Москвой. Фашистский генерал Блюментрит в своей книге «Роковые решения» писал: «С удивлением мы обнаружили в октябре и начале ноября, что разгромленные русские войска не перестали существовать как военная сила. В течение последних недель сопротивление противника усилилось, и напряжение боев с каждым днем возрастало... В войсках теперь с возмущением вспоминали напыщенные октябрьские заявления нашего министерства пропаганды». Только звериная злоба Гитлера к Советскому Союзу мешала ему видеть реальную обстановку, сложившуюся на фронте.

Да, многим из гитлеровцев не суждено было вернуться из Подмосковья. «Действительно, нужно быть счастливым, чтобы выбраться отсюда целым», — писал в письме ефрейтор Франц Грубер. Он-то как раз не выбрался.

— Скажите все-таки, товарищ генерал,— в который раз допытывался очередной московский корреспондент у Панфилова,—

в чем «секрет» стойкости вашей дивизии? Разве ваши солдаты какие-то особенные?

— А вам на что? — будучи не чуждым иронии, отшучивался Панфилов.— Уж не собираетесь ли командовать дивизией?

— Что вы, не собираюсь,— смутился корреспондент.— Это нужно для пропаганды боевого опыта.

— Ну, тогда другое дело. Тогда придется сказать.— Лукаво прищурившись, генерал поманил корреспондента пальцем к себе и, когда тот наклонился, прошептал ему на ухо:

— Скажу вам по секрету: не боимся танков! — И его обветренное лицо покрылось сеткой мелких добрых морщинок. В темных, с прищуром глазах лучились веселые искорки. Чувствовалось, что генерал доволен своими бойцами, гордится ими.

«Поистине героический дерутся бойцы командира Панфилова,— писала газета «Известия» 5 ноября 1941 года.— При явном численном перевесе, в дни самых жестоких своих атак враг смог продвигаться вперед только на полтора-два километра в сутки. Эти полтора километра давались ему очень дорогой ценой. Земля буквально сочится кровью фашистских солдат».

Каждый выигранный день становился победой.

Командование 16-й армии и Западного фронта с большой похвалой отзывалось о боевых действиях личного состава 316-й стрелковой дивизии, с честью выдержавшей суровые испытания. Упорно и самоотверженно сражалось соединение за каждую пядь родной земли. Фашистам не удалось прорваться через ее боевые порядки. «Именно в этих кровопролитных боях за Волоколамск и восточнее его,— писал К. К. Рокоссовский,— навеки покрыла себя славой Панфиловская дивизия». Военный Совет фронта наградил генерал-майора И. В. Панфилова третьим орденом Красного Знамени.

— Главный урок октябряских боев,— подводя итоги, говорил Панфилов на партийном активе дивизии,— это то, что пехота выдержала натиск вражеских танков и даже сама научилась уничтожать их. Фашистские танки оказались не такими страшными, какими они представлялись вначале. Их можно с успехом бить. Этому мы должны и дальше учить свои войска. Все эти трудные дни впереди всегда были коммунисты,— закончил он свой доклад.— Коммунистам не надо напоминать об их обязанностях.

В редкие минуты отдыха, оказавшись на КП или в штабе, генерал любил поколдовывать над чайником. Он умел заваривать чай особо, круто, по-своему, любил посидеть за чашкой ароматного чая, а если случались в дивизии гости, то угостить и их.

...А время уже не шло, оно стремительно летело к своему кри-

тическому пределу, и все сильнее сжималась пружина обороны, которой надлежало скоро распрямиться. Все понимали, что наступившее кратковременное затишье долго не продержится. Гитлер не смирялся с провалом своего плана молниеносного овладения Москвой. Прошедшие бои послужили как бы генеральной репетицией перед еще более жестокими сражениями в ноябре — декабре 1941 года. К этим сражениям готовились советские войска, в том числе 316-я стрелковая дивизия. «Москву врагу не сдадим,— писал Панфилов 1 ноября.— Уничтожаем гада тысячами и сотнями — его танки. Дивизия бьется хорошо... дивизия будет гвардейской».

Слова генерала оказались пророческими.

И стоять насмерть, и не умирать

Взбешенный провалом октябрьского наступления, Гитлер бросил все дела и помчался на Восточный фронт, прихватив с собой Муссолини. 13 ноября 1941 года в Орше под сильной охраной эсэсовских частей Гитлер провел секретное совещание командующих армиями группы «Центр». Он потребовал от своих генералов «в ближайшее время любой ценой разделаться со столицей Москвой». (Гитлера не смущало, что к этому времени он в своих приказах «брал» Москву уже трижды.) Простерев вперед свою правую руку, он, как кликуша, истерично выкрикивал: «Там, где стоит сегодня Москва, должно возникнуть огромное море. Я слышу плеск его волн. Оно навсегда скроет от цивилизованного мира столицу русского народа... Но сначала ее нужно разрушить. Это сделаете вы. Город должен быть окружен так, чтобы ни один русский солдат, ни один житель — будь то мужчина, женщина или ребенок — не мог его покинуть. Всякую попытку выхода подавлять силой».

С такой же злобой Гитлер призывал в приказе и своих солдат: «Солдаты! — вопил он.— Перед вами Москва! За два года войны все столицы континента склонились перед вами, вы прошагали по улицам лучших городов. Осталась Москва. Заставьте ее склониться, покажите ей силу вашего оружия, пройдите по ее площадям. Москва — это конец войны. Москва — это отдых. Вперед!»

Приближалась суровая русская зима, а цели плана «Барбаросса» оставались недостигнутыми. Более двух недель гитлеров-

цы перебрасывали в этот район новые дивизии и боевую технику, производили перегруппировку своих войск. Враг спешил.

Для разрушения московского Кремля фашисты создали даже специальную команду опытных саперов, а для массовых казней — «зондеркоманду Москва». Мавзолей Ленина они хотели расстрелять из орудий прямой наводкой. Еще не расставшись с надеждой на успех, они на 148-й день войны — на рассвете 16 ноября — перешли в «генеральное» наступление. Тревожные дни переживала не только советская столица. Миллионы честных людей земного шара с тревогой ожидали исхода этой гигантской смертельной схватки. Старинное русское слово «Москва» не сходило со страниц фронтовых сводок телеграфных агентств всего мира.

На этот раз непосредственно на Москву фашисты бросили 51 дивизию, из них 13 танковых и 7 моторизованных. Удар наносился на широком фронте от Калинина до Тулы. Где-то в районе подмосковного города Ногинска танковые клинья гитлеровцев должны были, по их замыслу, сомкнуться вокруг Москвы. Мороз к тому времени сковал болота, и теперь танковые и моторизованные дивизии врага получили большую свободу действий. Фашистское информационное бюро хвастливо сообщало: «Наконец-то теперь танковые группировки, поддержаные автоматчиками и авиацией, обойдут русских, выйдут им в тыл и скоро, очень скоро пронесут по Красной площади, мимо Мавзолея». События развивались грозно и стремительно. Против немногочисленной 16-й армии К. К. Рокоссовского фашисты бросили 4-ю танковую группу генерал-полковника Гёппнера в составе 3 пехотных, 7 танковых и 3 моторизованных дивизий с сотнями танков и самолетов, тысячу орудий и минометов. Волоколамское шоссе и железная дорога Волоколамск — Москва по-прежнему оставались осью их главного удара. В полосе 316-й дивизии, оборонявшей шоссе, наступали 2, 11, 5 и 10-я танковые дивизии, моторизованная дивизия СС «Рейх» и 252-я пехотная дивизия.

Лучшие асы фашистских воздушных сил рвались к советской столице. Туша Геринга сотрясалась от радости: «Разрушен МГУ», а самое главное — «камня на камне не осталось от зданий Центрального и Московского комитетов большевистской партии». Многие офицеры даже боялись опоздать участвовать в битве под Москвой, каждому хотелось получить специальную медаль за взятие русской столицы. Рядовой Бауэр писал своей жене: «Мы находимся в 100 километрах от Москвы, но это нам стоило огромных жертв. Будут еще жестокие бои, и многие еще погибнут. Русские оказывают очень сильное сопротивление». А

эсэсовец Хельцер цинично хвастался перед своим отцом: «Когда вы получите это письмо, русские будут разбиты, мы будем уже в Москве, промаршируем по Красной площади». Солдаты лихо распевали модную в те дни песенку: «До Москвы осталось только сто километров».

Фактически и того меньше оставалось сделать гитлеровцам, чтобы оказаться на площадях и улицах древней русской столицы. Северо-западнее Москвы они прорвались к каналу Москва—Волга. На юге, обойдя Тулу с востока, приблизились к Кашире. Оставались считанные десятки километров. Но фашисты не сделали, не преодолели этих немногих километров. Не смогли. Они оказались самыми трудными. Дойти до Москвы было совсем не так просто, как думали в фашистских штабах. Решающим фактором оказались не приказы фюрера, а героические действия советских войск, всего советского народа. На пути захватчиков насмерть встали бойцы Панфиловской и многих других дивизий и полков Советской Армии. Расчеты фашистских стратегов по захвату Москвы не оправдались, их наступление захлебнулось в собственной крови. Время легких побед прошло. «Дорога побед стала дорогой могил», — писал представитель гитлеровского ведомства пропаганды В. Пихт.

Если фашист Хельцер хвастался в письме о скором участии в параде на Красной площади, то противоположного мнения были бойцы Красной Армии. Вот, например, что писал будущий вожак 27 героев-панфиловцев коммунист В. Г. Клочков своей матери Анастасии Михайловне на родину, в село Синодское Саратовской области, за четыре дня до своей гибели: «Немецкая свинья ползет на Москву. Но не видать немцам нашей столицы, как свинье — неба...»

Еще определеннее писал генерал К. К. Рокоссовский. На полевой карте корреспондента «Красной звезды» П. И. Трояновского он оставил такую памятную запись: «Воюя под Москвой, надо думать о Берлине. Советские войска обязательно будут в Берлине! Подмосковье, 29 октября 1941 г.».

Фашисты все еще надеялись на свое явное превосходство в живой силе и особенно в технике. По военным расчетам, при таком соотношении сил разгром советских войск должен быть неизбежным. Но тут действовали другие законы. И самым главным из них явился горячий патриотизм советских людей. Здесь совершали подвиги не только отдельные герои. Массовым героизмом и самоотверженностью отмечены подвиги целых частей и соединений. О храбости и мужестве воинов, проявленных у стен Москвы, свидетельствуют действия 316-й стрелковой дивизии.

Панфилов готовился к новым боям сам и готовил к ним свое соединение. Все дни его были заполнены до отказа текущими делами. Он по-прежнему ездил в полки и батальоны, разговаривал с командирами и солдатами, а вернувшись на КП, вызывал к себе помощников и штабных работников, беседовал с разведчиками, уточнял с ними сведения о силах и моральном состоянии противника, торопил работников тыловых подразделений с подвозом боеприпасов, продовольствия, теплого обмунирования, мысленно продолжал анализировать прошедшие бои.

И конечно, генерал думал, размышлял о предстоящих боях, сопоставлял данные, старался разгадать замысел противника. Эту мысль подтверждает в своей книге о И. В. Панфилове Б. Момыш-улы, которому посчастливилось часто общаться с командивом в эти дни. «О чем бы он ни заговаривал,— пишет Момыш-улы,— его мысль возвращалась к предстоящему сражению. Неотступное размышление, вынашивание идеи боя — иных слов не подберешь, чтобы выразить состояние Панфилова».

Советское командование догадывалось о замыслах противника, информировало командиров соединений. 14 ноября Панфилов собрал совещание командного и политического состава соединения. Бросались в глаза изменения во внешнем облике командира дивизии. Он похудел, морщины на его обветренном лице стали резче, нос заострился. На коротко, по-солдатски, остриженной голове прибавилась седина.

— В октябрьских боях наша дивизия основательно потрепала четыре-пять полков противника и уничтожила значительное количество его танков,— тихо, с хрипотцой говорит Панфилов, внимательно всматриваясь в осунувшиеся лица командиров и комиссаров частей.— Немец не достиг своей цели. Как ни трудно было, а все-таки мы остановили его. Сейчас гитлеровское командование набирает силы и готовит новое наступление. Против нас оно сосредоточило две пехотные и две танковые дивизии, усиленные артиллерией и авиацией. Враг снова будет рваться к Волоколамскому шоссе, по которому рассчитывает кратчайшим путем прорваться к Истре, а оттуда к столице. Более 400 его танков с минуты на минуту могут предпринять штурм наших позиций. Мы должны всеми силами сдерживать врага, отнимать у него время.

Нам приказано: как и прежде, упорно обороняться, навязывать противнику затяжные бои, перемалывать его живую силу и технику, срывать его планы. Без приказа — ни шагу назад. Если чье-либо подразделение или часть окажется в окружении, выходить из него организованно.

Осмотрев еще раз сидящих перед ним командиров и политработников, генерал закончил:

— Нам народ не простит, если мы пропустим врага к столице. Или мы остановим его, или поля Подмосковья станут для нас могилой. Драться будем до последнего.

В соответствии с этим командир дивизии издал боевой приказ, который зачитали перед строем рот и батарей. «Мы вступили в полосу самых серьезных и напряженных боев за Москву,— говорилось в нем.— Враг будет пытаться прорвать нашу оборону, для этого он бросает новые силы. Перед нами — бойцами, командирами и политработниками Волоколамского направления, перед всеми воинами, обороныющими подступы к Москве, стоит теперь великая историческая задача — выдержать и этот новый удар гитлеровских полчищ, встретить его стойкостью, мужеством, самоотверженностью.

Враг подбирается к нашему сердцу — Москве! Не щадя своих сил, выйти на борьбу с решимостью — победить или умереть.

Ни шагу назад! Таков приказ Родины нам, защитникам Москвы!»

Части 316-й стрелковой дивизии к этому времени занимали оборону: на правом фланге, в районе Малеевка — Строково — Голубцово оборону держал 1077-й полк майора Шехтмана, Волоколамское шоссе, как и раньше, прикрывал 1073-й полк майора Елина, а левее его, по высоте 251, от деревни Петелино до разъезда Дубосеково, перехватывая железную дорогу, расположился 1075-й полк полковника Капрова.

Накануне сражения комдив еще раз обзвонил командиров полков. Выслушав их короткие доклады, предупредил:

— Есть основания полагать, что завтра, шестнадцатого, противник перейдет в наступление. Еще раз проверьте боевую готовность своих подразделений.

Утро 16 ноября наступало медленно и осторожно. Ночью над позициями войск куражилась и буйствовала метель, покрыв землю тонким белым покрывалом. По полям и перелескам гулял леденящий ветер, вихрилась злая поземка. Мороз бесцеремонно заползал под шинели и обручем охватывал озябшее тело, хватал за уши. Поеживаясь, солдаты напряженно всматривались в сторону врага. Время тянулось томительно, и, как всегда утром, особенно клонило ко сну. Казалось, что все кругом мертвое, неподвижно. Но так только казалось.

И вдруг в 7 часов все ожило. Солнную тишину утра разорвал грохот рвущихся мин и снарядов. Через несколько минут генерал уже вчитывался в коротенькое боевое донесение пол-

ковника Капрова: «В 7.00 противник открыл минометный огонь... По-видимому, противник готовится перейти в наступление». Едва успел генерал подойти к карте и внимательно всмотреться в нее, как от Капрова поступило новое донесение: «Противник возобновил свое активное наступление». Опытный воин, Капров сразу понял, что началось... Слова донесения многое сказали и командиру дивизии.

Вместе с С. И. Егоровым и начальником артиллерии дивизии майором В. И. Марковым Панфилов поспешил на НП. «Юнкеры» девятка за девяткой продолжали пиковать на позиции рот и батальонов. Потом группами, по 20—30 машин, в сопровождении густых цепей автоматчиков в атаку ринулись танки. Их было очень много. На узком участке в три с половиной десятка километров враг бросил в наступление до 400 машин. «Сразу определилось направление главного удара в полосе нашей армии,— пишет в своих воспоминаниях маршал К. К. Рокоссовский.— Это был левый фланг — район Волоколамска, обороняемый 316-й дивизией и курсантским полком». Противник рассчитывал массированным танковым тараном рассечь силы советских войск и вырваться на автостраду. И он лез напролом, не считаясь ни с какими потерями. Наступил решающий момент в битве за столицу.

С первых же минут сражение приняло крайне ожесточенный характер. Особенно сильно противник наседал на флангах. Дивизия дралась, истекая кровью, в неравном бою. Волнуясь по-прежнему за свой левый фланг, Панфилов звонит Капрову.

— В контратаки неходить, обороняться на занимаемых позициях,— спокойно говорит он командиру полка.— Следи внимательно за левым флангом. Выдвини в том направлении несколько ПТР*, у них и обзор будет лучше. Роту автоматчиков я бы на твоем месте попридержал в резерве. Мне кажется, что противник еще не раскрыл все свои карты.

Тут же он просит соединить его с командиром артполка Кургановым:

— Георгий Федорович, хорошо ли замаскированы пушки? Вы сами проверяли? Хорошо. Огонь пока не открывайте. Проявите выдержку. Подпустите эту грабьармию поближе. Опасны прежде всего танки. Когда они подойдут, выкатывайте свои пушечки на открытую позицию, бейте прямой наводкой. Оставьте только мой резерв.

* Противотанковые ружья и автоматы на вооружение дивизии поступили в конце октября — начале ноября 1941 г.

— Так фашисты перебьют все наши орудия,— заволновался Курганов.

— Как это перебьют? Вы не давайте, чтобы их перебили. Маневрируйте. Для этого у них колеса есть. Кое-что, конечно, пострадает, не без этого. Война есть война. Но я надеюсь, что и вы не останетесь в долгу.

Немного помолчав, он уточняет:

— Значит, договорились, подполковник: и стоять насмерть, и не умирать! Вы меня поняли?

Потом генерал дозванивается до командира самого дальнего, расположенного на правом фланге, полка майора Шехтмана. Расспросив его о действиях и намерениях противника, советует ему быть спокойнее и не сразу пускать в дело свой небольшой резерв. Бой-то только начался, и неизвестно, когда кончится. И держаться, вцепиться зубами в землю. Первый бой дивизия должна обязательно выиграть.

Подразделения дивизии дрались на пределе своих сил. Их ряды редели, но бойцы устояли, не пропустили врага. Как увидим ниже, этот день стал днем массового героизма.

Для правильной оценки действий командира дивизии в развернувшемся грандиозном сражении первостепенное значение имеют воспоминания непосредственного свидетеля этих событий, командующего армией К. К. Рокоссовского, опубликованные в книге «Битва за Москву». Первые тревожные минуты Рокоссовский с А. А. Лобачевым провели вместе с Панфиловым на его НП. Они сами пережили и вражеский артобстрел, и бомбёжку, и начало танковых атак, имели возможность увидеть и оценить действия командира дивизии по управлению своими частями в эти чрезвычайно сложные, опасные и ответственные часы.

Оценка эта очень высокая. «В этом бою, — отметил командарм, — я еще лучше узнал Ивана Васильевича Панфилова и его ближайших соратников. Командир дивизии управлял войсками уверенно, твердо, умно».

Противник все насыпал, поля начало заволакивать клубами дыма от горящих вражеских танков. Видимость ухудшилась, и комдив вернулся на КП в деревню Шишкино. Работники штаба ознакомили его с донесениями командиров полков. Опершись на стол, Панфилов низко склонился над развернутой, испещренной различными значками картой, кое-где сделал карандашом пометки. Густые, круто изломанные брови сдвинулись еще больше. «Картина проясняется, — размышляет он. — Противник собрался прорвать наш центр и левый фланг. Такого натиска еще не было. Враг атакует по всему фронту».

Не отрываясь от карты, генерал незаметно для себя начинает тихо рассуждать вслух:

— Сюда немец вряд ли пойдет... или все же надумает? Хорошо бы и здесь преградить ему дорогу. Стойкому да умелому условия местности всегда на руку. Силенок бы вот побольше. Да где их взять?

Панфилов медленно прошелся по комнате, снова склонился над столом, до боли в глазах всматриваясь в карту и значки на ней. Генерал был рассудительным человеком, умевшим в трудных условиях сохранять хладнокровие, но он понимал: всего, что может случиться в бою, заранее не предугадаешь. И это обстоятельство тревожило, заставляло думать и думать. Он вчитывался в боевые донесения, сопоставлял факты, анализировал их, уточнял данные о противнике, старался разгадать его дальнейшие действия. Мысленно даже ставил себя на место командиров полков, батальонов, принимал за них решения.

Потом он позвонил майору Елину, выслушал его доклад о том, как идут бои возле Волоколамского шоссе, куда противник сегодня рвался еще отчаяннее. Приказал усилить оборону села Яdroво, потребовал чаще докладывать обстановку. С полком Шехтмана соединиться не удалось, связь оборвалаась.

Слава тех не умирает, кто за Отечество умрет

Связавшись с Капровым по телефону, Панфилов долго разговаривал с ним, подробно расспросил о противнике.

— Илья Васильевич, — допытывался он у командира полка, — кто у тебя на левом фланге, у Дубосекова?

— Взвод 4-й роты, товарищ генерал, — подумав, ответил тот. — Там идет сильный бой. Связи вот с ними нет, — вздыхает Капров.

— Ты присмотри за ними, — советует Панфилов. — Это наш самый левый фланг, и немцы будут рваться к Дубосекову изо всех сил, не считаясь с потерями.

В памяти командира дивизии всплыл этот небольшой, вконец разбитый вражеской авиацией пустынный разъезд в семи километрах юго-восточнее Волоколамска и в 118 километрах от Москвы. Развалины кирпичных домов и битая черепица напоминали о том, что здесь недавно полыхал огонь войны. Кажется,

ся, всего несколько дней прошло с тех пор, как он был там, проверял готовность подразделения. Здесь, на стыке с кавалерийским корпусом Л. М. Доватора, оборону держал взвод Джуры Ширматова из роты Павла Гундиловича. Вокруг расстипалось ровное снежное поле. Слева, за небольшой рощицей, тянулась железнодорожная линия, справа — редкие ели.

Когда генерал Панфилов приехал на разъезд, солдаты рыли на небольшой высоте длинный окоп.

— Вы же здесь у противника как на ладони, ему все видно, — заметил Панфилов и приказал отнести позиции ближе к разъезду. — Окопайтесь и замаскируйтесь хорошенько, — сказал он на прощание и уже строго добавил: — Да приказ помните: за нами Москва, рубеж держать, хотя бы вся немецкая армия пошла на вас.

За два дня до перехода гитлеровцев в наступление Ширматов был ранен и выбыл в госпиталь. Взвод остался без командира.

Позади взвода, за разъездом, стояла замаскированная 2-я батарея 76-миллиметровых орудий лейтенанта Сорокопуда, заменившего погибшего Бабаяна*.

Рано утром 16 ноября позиции взвода подверглись сильной бомбардировке. Стая «юнкерсов» повисла над разъездом. Взрывы, как удары грома, следовали один за другим. На поле, сверкнув пламенем, вскидывались земляные столбы. С ревом кружились самолеты со свастикой. Вой, свист и грохот долго не затихали над головами бойцов. Не успел рассеяться дым от разрывов бомб, как на разъезд обрушился град снарядов, вздымая десятки черных смерчей. А затем ринулась рота автоматчиков. Гитлеровцы бежали во весь рост, как бы грозя растоптать советских бойцов своими тяжелыми коваными сапогами. Бойцы затаились, залегли, над окопом повисла тревожная тишина.

Когда противник приблизился совсем близко, помощник командира взвода заложил два пальца в рот, и внезапно раздался резкий свист. Это был сигнал. Сразу же по набегавшему врагу ударили из винтовок и ручных пулеметов. Меткий огонь опустошил ряды наглых вояк, спешивших посмотреть советскую столицу. Более 70 трупов осталось лежать на изрытом снегу.

Обозленный противник бросил на позиции взвода 20 танков, подошедших из деревни Красиково.

* Одним из орудий батареи командовал знакомый нам по боям под Болычево старший сержант А. А. Ушаков. В бою под Дубосеково ему удалось подбить еще один танк противника.

Под их огнем в окопы к бойцам пробрался политрук роты Василий Клочков, земляк генерала *.

— Привет, герои! — услышали бойцы его бодрый и веселый голос. Спрятав в окоп и поправив съехавшую набок ушанку, он крикнул:

— Ну что же, друзья, приготовьте гранаты. Двадцать танков. Меньше, чем по одному на брата. Это не так уж много!

Спокойный голос и улыбка в эту страшную минуту сразу ободрили солдат. Все высунулись из траншеи, увидели, как из ближайшего перелеска, надрывно гудя моторами, медленно выползли и направились к разъезду приземистые, тупорылые чудовища. Вслед за головной тяжелой машиной с длинноствольной пушкой, чуть поодаль, беспорядочно стреляя, шло несколько средних танков. Бойцы заволновались.

Политрук обошел бойцов, повторил почти каждому:

— Ты, друг, подпусти их поближе, и главное — не волнуйся...

Разгорелся невиданный бой. Только люди, беспредельно любящие свою Родину, могли отважиться вступить в неравный поединок. Стальные машины шли в атаку развернутым строем. Осколочные снаряды начали рваться впереди и сзади окопов. Напряжение нарастало. Рокот моторов, лязг гусениц, вой снарядов — все смешалось в общий гул.

Клочков с побледневшим лицом высунулся из окопа, махнул рукой. И в тот же миг раздался залп из противотанковых ружей. Один танк сразу неуклюже повернулся на пол-оборота и встал боком. После второго выстрела из него сперва небольшой струйкой, затем шлейфом повалил дым. А тем временем остальные машины успели подойти почти к брустверу окопа.

— Гранатами, — кричит сквозь грохот боя Клочков, и два десятка гранат летят в урчащие машины. Ослепительно сверкнуло пламя, и одна из них завертелась на месте, разматывая на снегу гусеницу. За ней встал второй танк. Еще три вспыхнули зеленоватым пламенем. Слышны стоны раненых, предсмертные крики, то тут, то там на почерневшем снегу алеют яркие пятна крови, но поединок не ослабевает. Один из танков, грузно пере-

* Василий Георгиевич Клочков родился в 1911 г. в селе Синодском, недалеко от Саратова. С 1931 г. работал в селе Воскресенском, затем бухгалтером в краевом управлении связи в Саратове. С сентября 1935 г. трудился бухгалтером в Вольске на машиностроительном заводе «Металлист» и в горторге управляющим отделом общественного питания. В 1940 г. переехал в Алма-Ату, где работал в Наркомторге республики.

Имя политрука В. Г. Клочкова стало для советских людей символом мужества и геройства.

валившись через траншею, подмял под себя бойца. Его сосед, выскочив из окопа, бесстрашно метнулся с бутылкой к урчащей машине. Остальные, оторвавшись на секунду от поля сражения, с трепетом следили за смельчаком. Танк запыпал.

Несли потери и советские бойцы. Убиты Петр Емцов, Григорий Безродный, Николай Трофимов, Григорий Петренко.

Более трех часов над окопами храбрецов бушевал огненный ураган. На вскопанном снарядами и бомбами поле застыли 14 подбитых и сгоревших машин врага.

Такая встреча сразу сбила спесь с фашистов. В их рядах произошло замешательство. Оставшиеся невредимыми, отстреливаясь, начали отходить. Слышалось только удаляющееся лязганье гусениц.

Ноябрьский день короток. Холодное осенне солнце повернуло к закату. Небо начали затягивать низкие темные тучи, в воздухе закружились пушистые снежинки. Пользуясь наступившей передышкой, бойцы приводили себя в порядок, делали перевязки, подбирали оружие, поправляли обвалившиеся местами брустверы.

В морозной дымке до бойцов неожиданно донеслись приглушенные звуки танковых моторов. Это из леса вытягивалась, принимая боевой порядок, новая колонна танков: на советских бойцов шел второй эшелон вражеских машин. Обходя подбитые и сгоревшие, они мчались на разъезд.

— Смотри, братва, у нас как в хорошем театре, — говорит сосед политрука. — Не успел кончиться антракт, как начинается второе отделение.

Клочков воспаленными глазами всмотрелся в мчавшуюся на них стальную лавину, потом перевел взгляд на поредевшие ряды своих солдат. Соотношение сил было явно в пользу врага.

— Тридцать танков, друзья! — воскликнул он. — Придется всем нам умереть, наверное. Велика Росия, а отступать некуда: позади Москва!

Замедлив железный бег, шесть стальных громадин зашли слева и встали вдоль окопа, четыре пошли вправо. И все разом открыли огонь, простреливая окоп вдоль.

— Ребята, не тушеваться! — перекрывая шум боя, воскликнул Клочков. — Ведь мы с вами красноармейцы.

Какую необыкновенную силу духа должны были иметь эти советские солдаты, чтобы не склонить свои головы перед огнем и железом! Что делало их мысли острее, глаз зорче, а руку тверже? Ненависть к врагу, святое чувство долга.

Поединок продолжался. На исходе боеприпасы, большинство бойцов убиты. В неравной борьбе сложили свои головы Яков

Бондаренко, Гавриил Митин, под гусеницами танка гибнет Николай Москаленко, пробитый осколками снаряда, умирает Алиаскар Кожебергенов. Оставшиеся в живых продолжают героически сражаться. Они бросают последние гранаты, падают, умирают молча. Один за другим вышли из строя и застыли на месте три танка. Остальные развернулись и начали пятиться назад. Только один танк с низко опущенной пушкой, скрежеща траками и оглушительно ревя перегретым мотором, упорно лез вперед. Он не стрелял, он хотел проутюжить окоп, раздавить оставшихся защитников. Вот он уже почти совсем рядом, у бруствера. Его левая гусеница подмяла под себя раненого Дуйшенкула Шапокова. Какая-то огромная, неодолимая сила инстинкта самосохранения пытается придавить тяжело раненного политрука ко дну окопа. С трудом поднявшись на бруствер, он делает несколько шагов и, размахнувшись, бросает в наползающий танк последнюю связку гранат. Стальная машина вздрогнула и остановилась, но и герой сражен: он упал лицом к врагам, чуть ли не под самую гусеницу поверженного им танка.

— Помираю, брат... Когда-нибудь вспомнят о нас, — шепчет он последние предсмертные слова.

Так умирали простые советские люди, ставшие героями великого народа. Ценой собственной жизни храбрецы отстояли рубеж, так и не пропустив через него танки врага. Только пятеро из них, будучи тяжело раненными, остались в живых.

В начале весны 1942 года, когда растаял снег, местные жители перенесли из окопа останки погибших героев и похоронили их в братской могиле на окраине деревни Нелидово *.

Подвиг 28 панфиловцев бессмертен **, он символизирует мужество и отвагу советских бойцов, стоявших насмерть у ворот столицы. Великое не умирает. Память о них неподвластна времени. Разъезд Дубосеково навсегда вошел в героическую летопись Отечественной войны.

Продвижение гитлеровцев было на много часов задержано. Это дало возможность другим нашим частям своевременно подтянуться и занять оборону.

Неподалеку от Дубосекова, в районе деревни Петелино, атаки другой колонны вражеских танков и роты автоматчиков отразило отделение (14 человек) бойцов того же 1075-го стрелко-

* Всем 28 панфиловцам было присвоено звание Героя Советского Союза. До наших дней дожил один герой-панфиловец — Иван Демидович Шадрин.

** 28 ноября 1941 г. об их подвиге рассказал на страницах «Красной Звезды» журналист А. Кривицкий. Впоследствии он написал о панфиловцах несколько книг.

вого полка под командованием политрука Петра Вихрева. Когда вражеские машины прорвались к окопам панфиловцев, бойцы забросали их противотанковыми гранатами и бутылками с горючей смесью. Им удалось поджечь пять танков и уничтожить до взвода автоматчиков.

На смену подбитым машинам подошли новые. Маневрируя на поле боя и стреляя из орудий и пулеметов, фашисты двинулись на смелчаков. Они шли нагло, без прикрытия пехоты. Отражать их натиск было почти некому: в живых осталось всего четыре раненых бойца. Один за другим и они погибли в неравной борьбе. Политрук остался один, но боевого рубежа не покинул.

Подпустив танки как можно ближе, Вихрев вступил с ними в единоборство: меткими бросками гранат ему удалось подбить еще два танка. И тут кончились боеприпасы.

Гитлеровцы ринулись вперед. Подоспевшие вражеские автоматчики окружили тяжело раненного советского политработника, хотели захватить его живым. Отважный патриот отстреливался до последнего патрона. Когда враги подошли на 15—20 метров и начали кричать, чтобы он сдавался, Вихрев предпочел смерть фашистскому плена: последнюю пулю он пустил в себя.

П. Б. Вихреву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Еще одну колонну вражеских бронированных машин правее Волоколамского шоссе остановили 17 бесстрашных истребителей танков 1073-го полка под командованием комсомольца лейтенанта Василия Угрюмова и политрука Андрея Георгиева. Самообладание, мужество и воинское мастерство позволили им выйти победителями в неравном бою.

Когда танки противника прорвались на одном из участков полка и попытались взять в кольцо подразделения дивизии, им преградила дорогу на окраине деревни Мыканино горсточка храбрецов.

Бойцы едва успели отрыть окопы, как увидели, что на них с шумом и грохотом развернутым строем устремилось до двух десятков танков и самоходных орудий. За машинами бежала пехота.

Будучи от природы молчаливым и тихим, даже по-мальчишески застенчивым, командир истребителей стеснялся своего небольшого роста. Но в бою он преображался.

— У нас с тобой по связке гранат, — смотря снизу вверх, говорит Угрюмов рослому политруку. — Они ведь, черти, тяжелые, их далеко не бросишь. Давай подождем. Когда танки по-

дойдут прямо к окопу, тогда и швырнем их под брюхо. Так будет надежнее. Только ты, Андрей, не волнуйся.

— Давай, Петя! — тихо отвечает Георгиев. — Ты командуй справа, а я слева.

Задымив толстыми самокрутками, они разошлись, зорко всматриваясь в приближающиеся машины. Приготовив связки гранат, бойцы затаились, ничем не выдавая своего присутствия. Танки шли медленно, ведя беспорядочный огонь с коротких остановок. Один из них, вырвавшись вперед, с урчанием и лязгом подошел прямо к брустверу окопа. Стремительно привстав, Георгиев бросил гранаты прямо под брюхо наползающего танка. Один из бойцов метнул в него бутылку с горючей смесью. Сверкнуло пламя, воздух поколебал сильный глухой взрыв. По инерции стальная громадина успела перевалиться через окоп и там, по другую его сторону, вспыхнула, затормозила и, охваченная пламенем, всталла.

Лейтенант Угрюмов успел бросить гранаты еще в один — в крайний справа танк и, смертельно раненный в голову, обливаясь кровью, упал на дно окопа.

Два часа длился поединок людей и стали. Победителями из него вышли советские патриоты. Над окопами горели две машины. Еще две стояли с разбитыми гусеницами. Остальные отступили.

На полсуток был задержан враг у Мыканино. Этим воспользовались батальоны и организованно отошли на новый рубеж обороны.

Только через много часов немцы возобновили наступление. Когда их танки подошли к притихшему окопу, политрук Георгиев вновь первым бросился к ним со связкой гранат. Сделав неоколько шагов, он пал сраженный. Осколок вражеского снаряда попал ему прямо в сердце.

Жаркий бой разгорелся и на участке 1077-го полка. Здесь отличилась четверка саперов во главе с командиром взвода Г. Абрамовым. Когда они начали минировать подходы к высотке, находившейся в центре обороны полка, на них выскочило шесть танков и три самоходных орудия. Саперы не дрогнули, не отошли. Они приняли бой. Два передних танка они сожгли сразу же, два подбили артиллеристы. Последние два танка прорвались на шоссейную дорогу, но их там снова встретили прятавшиеся в бетонной трубе под шоссе Абрамов с бойцами и сожгли бутылками с горючей смесью. Танки и на этом участке не прошли.

Так закончился этот полный страшного напряжения день, первый день немецкого «генерального» наступления. Он принес

тяжелые испытания дивизии. Враг лез напролом, пробивал себе дорогу стальной лавиной. Только к вечеру сражение постепенно начало затихать. Продвижение противника было задержано еще на один день, и гитлеровцы были вынуждены приводить свои сильно поредевшие ряды в порядок.

— Устояли, — говорит Панфилов уставшим и хриплым голосом находящимся с ним рядом офицерам штаба. — Как — еще точно не знаю, но устояли, выдержали удар страшной силы. Наши бойцы и командиры превзошли сами себя. А те, что погибли, — погибли осмысленно, самоотверженно. Вечная им слава. Наш народ никогда их не забудет.

Лицо генерала посерело, резче обозначились борозды около рта, глаза полузакрылись. Он ощущал слабость. Словно рассуждая сам с собой, генерал тихо сказал:

— Нет, не видать, не видать немцам Москвы!

На другой день рассвет только начал пробиваться сквозь мутную пелену падающего снега, как по всему фронту дивизии возобновились жаркие бои. Теперь вражеские танки шли не только по дорогам, но и по замерзшим полям. Большая подвижность позволяла противнику создавать ударные группировки и наносить по нашим немногочисленным и бескровленным частям сильные удары. Его танковая разведка появилась даже на окраине деревни Шишкино, где размещался КП и штаб дивизии. Значительно превосходя силы обороняющихся здесь частей, гитлеровцы потеснили правофланговые части левого соседа — 5-й армии. Введя дополнительно свежие силы, они продвинулись в образовавшуюся брешь на стыке армий и устремились к Волоколамскому шоссе, угрожая перерезать его. Возникла прямая угроза выхода фашистов на левый фланг и в тыл 316-й дивизии. Панфилов знал: если фашисты прорвутся к переднему краю, отражать их натиск будет нечем. Свои опасения генерал доложил К. К. Рокоссовскому.

В этот критический момент командарм ввел в бой свежую, прибывшую из Сибири 78-ю стрелковую дивизию полковника А. П. Белобородова. Она с ходу нанесла по прорвавшемуся врагу мощный удар. Охваченные боевым порывом, сибиряки атаковали дружно. Ошеломленный противник был смят и отброшен. Хотя за три дня непрерывных боев части 16-й армии местами и отошли на 5—8 километров, прорвать оборону на главном — Волоколамском направлении врагу и на этот раз не удалось. Враг оставил на заснеженных полях Подмосковья новые десятки тысяч трупов, много разбитой военной техники.

— Положение критическое, — докладывал командующий группой армий «Центр» фон Бок главнокомандующему сухопут-

ными войсками вермахта Браухичу.— Я бросаю в бой все, что у меня есть, но у меня нет войск, чтобы окружить Москву.

— Фюрер уверен, что русские находятся на грани краха... Когда же этот крах станет реальностью? — зло спрашивает его Браухич.

— Что вы спрашиваете! Неужели вы не знаете, что здесь творится? — оправдывался Бок.

Слова командующего о накале боев подтвердили несколько дней спустя солдат А. Фортгеймер. Вот что писал он своей жене: «Дорогая жена! Здесь ад. Русские не хотят уходить из Москвы. Они начали наступать. Каждый час приносит страшные для нас вести. Холодно так, что стынет душа. Вечером нельзя выйти на улицу — убьют. Умоляю тебя — перестань писать мне о шелке и резиновых ботиках, которые я должен был привезти тебе из Москвы. Пойми — я погибаю».

Ни отреза шелка, ни резиновых бот этот завоеватель не привез своей фрау. Он и сам не добрался до дома, оставшись навечно лежать в подмосковной земле.

Все эти страшно напряженные дни, пока враг очумело рвался к Москве, генерал много работал, недосыпал, часто звонил в части, расспрашивал подробно о противнике, его силах. Его спокойный, простуженный, с хрипотцой голос сразу узнавали командиры полков и батальонов.

В середине дня 17 ноября немец начал сильно нажимать и на полк Шехтмана. Генерал поехал в Строково помочь организовать оборону. Приказал побывать там и начальнику артиллерии дивизии Маркову.

Опыт октябрьских боев подсказывал, что фашисты снова и снова будут рваться к Волоколамскому шоссе. Предвидя это, Панфилов заранее, еще до перехода немцев в наступление, позади своих стрелковых полков еще раз перекрыл шоссе и железную дорогу в районе села Горюны и станции Матренино. Здесь в оборону генерал поставил свой последний резерв — батальон Б. Момыш-улы.

— Ваша задача, — сказал генерал командиру резерва, — задержать противника, если он прорвется через первую линию обороны, пока части дивизии не отойдут организованно и не приведут себя в порядок. Сплошной обороны не создавайте, у вас на это не хватит сил. Займите лишь узловые пункты: одну роту оставьте в Горюнах, вторую — в Матренино, третью, — генерал всмотрелся в карту, подумал и закончил мысль, — третья пусть займет отметку «151». Вот видите? Так вы перекроете все дороги, ведущие в Горюны. Вы меня поняли? Задача очень ответственная. Вам будет тяжело. Очень тяжело. Но я надеюсь на вас.

Панфилов проводил комбата до дверей и, положив руку ему на плечо, доверительно сказал:

— Как говорится, ни пуха ни пера! Держитесь, комбат. Предстоят трудные дни. Держаться вам надо до двадцатого.

— Есть держаться до двадцатого, товарищ генерал. Благодаря за доверие, — ответил командир батальона.

Принятые генералом меры не только усилили оборону, они помогли частям дивизии организованно отойти на следующий оборонительный рубеж, предупредили опасность прорыва противника.

О том, как батальон выполнил последний боевой приказ генерала, подробно рассказал впоследствии сам Момыш-улы. Уже на второй день немецкого наступления Панфилов позвонил в Горюны.

— Противник, как и предполагалось, первые удары нанес снова по Капрову, — информировал он старшего лейтенанта. Пока атаки его отбиты, но враг вводит в бой резервы. Думаю, сейчас он направит свой удар на Елина, на Яdroво. А там и к вам пожалует. Приготовьтесь к встрече.

Выслушав соображения комбата, генерал добавил:

— Посылаю вам из своего резерва на усиление батарею противотанковых орудий и «Марию Ивановну» (так генерал условно назвал батарею реактивных минометов — «катюш»). Цели для нее я укажу сам.

Сначала артиллерия противника досаждала бойцам батальона, потом навалились танки и автоматы. Батальон их отбил:

— Помогай вам бог, товарищ Момыш-улы, — одобрил Панфилов действия комбата, когда тот доложил о начавшемся бое.

Ночью 18 ноября, воспользовавшись некоторым затишьем, генерал вывел 1073-й и 1075-й полки из боя, заминировав пути отхода. На рассвете полковник Капров со своими смертельно уставшими бойцами, с большими обозами с ранеными появился в Горюнах. Отдохнув часа два, батальоны направились занимать новый рубеж обороны. Полк Елина, оставил Ядрево, отходил чуть севернее — через Рождественское и Шишкино.

Командир резерва доложил обстановку Панфилову.

— Рассчитывайте только на себя, товарищ Момыш-улы, — распорядился комдив. — Только на свои силы. У меня больше ничего нет. Держитесь, как договорились!

— Есть держаться, товарищ генерал! — ответил комбат.

Резерв генерала самоотверженно дрался на шоссе еще двое суток. Более 300 трупов, пушки, минометы, девять танков оставил враг на поле боя. И только полностью выполнив приказ Панфилова, Момыш-улы отошел на соединение со своим полком.

Хотя противник и вклинился глубоко в боевые порядки дивизии, его попытки окружить и уничтожить ее и на этот раз успеха ему не принесли.

Массовый героизм панфиловских воинов стал символом стойкости всех защитников Москвы. История войн еще не знала такого героизма и самоотверженности, храбрости и отваги. «Я думаю, скоро моя дивизия должна быть гвардейской», — уверенно высказывал генерал свои мысли в одном из писем.

Оценивая вклад дивизии в героическую оборону советской столицы, «Правда» в своей передовой писала 18 ноября: «Отстаивая Москву от немецких захватчиков, 8-я гвардейская дивизия проявила то мужество и стойкость, ту великую преданность советскому народу, нашему отечеству, которая рождает героев».

Под Москвой произошло то, что и должно было случиться.

Сковывая несколько вражеских дивизий в один из самых тяжелых периодов войны, панфиловцы сорвали расчеты злобного врага. Противник потерял в темпах, понес огромные потери *. Благодаря жесткой обороне Советское Верховное командование выиграло необходимое время для подтягивания новых частей и соединений и подготовки к переходу в контрнаступление по всему фронту.

Представляя И. В. Панфилова к званию Героя Советского Союза, Военный Совет 16-й армии отметил: «Ведя беспрерывные бои на подступах к Москве в течение месяца, части дивизии не только удерживали свои позиции, но стремительными контратаками разгромили 2-ю танковую, 29-ю моторизованную, 11-ю и 110-ю пехотные дивизии, уничтожив: 9000 немецких солдат и офицеров, более 80 танков и много орудий, минометов и другого оружия **. А вместе с придаными частями дивизия за 33 дня уничтожила 153 танка и до 30 тысяч солдат и офицеров противника.

День 18 ноября на командном пункте дивизии начался, как обычно, рано. Погода стояла плохая — валил сухой снег. Панфилов побрился, почистил одежду, сапоги. Воспаленными от недосыпания глазами пробежал боевые донесения из полков. Работники штаба, как всегда, четко и добросовестно выполняли свои обязанности. Можно даже было услышать веселую шутку, несмотря на огромное нервное напряжение. Все шло своим чередом, и ничто не предвещало близкой беды.

* За время боев на подступах к столице около полумиллиона гитлеровцев нашли себе могилу на полях Подмосковья.

** За первые три дня «генерального» наступления фашистов (16—18 ноября 1941 г.) бойцы дивизии уничтожили еще около 50 танков.

Третий день, не затихая, продолжалось кровопролитное сражение. Яростными контратаками дивизия отражала написк противника, прорвавшегося в район деревни Шишкино. С рассвета дотемна его артиллерия и минометы били по переднему краю, совершили огневые налеты на деревню Гусенево, на окраину которой несколько часов назад перебрался КП и дивизионный штаб.

Почти всю ночь командир дивизии не сомкнул глаз, помогая своими указаниями одному из полков выбираться из окружения.

Когда накануне ценою огромных потерь противнику удалось потеснить обороняющихся, дивизия стала отходить на новые рубежи обороны. 1077-му стрелковому полку майора Шехтмана комдив приказал продолжать сдерживать врага. Через несколько часов стало известно: полк отрезан немцами, связь с ним прервалась. Гитлеровцы на бронетранспортерах и автомашинах обошли ослабленные боями и растянутые фланги, и полк оказался отрезанным в районе Строково — Веригино. Только в три часа ночи его радиостанции удалось связаться с личной радиостанцией командира дивизии. Майор Шехтман доложил ему свои соображения по прорыву из вражеского кольца.

Опыт прошедших боев подсказал Панфилову и командиру полка Шехтману, как выйти из критического положения с наименьшими потерями. Враг, как правило, воевал только в светлое время суток. Ночью же он воевать боялся. Посему комдив приказал командиру полка пробиваться из окружения, не ожидая распоряжения. Указав место встречи, генерал пояснил Шехтману, что полку надо не просто выбираться из окружения, не спасаться, а пробиваться с боем, с шумом, смело и организованно, уничтожать врага и впереди себя, и сзади.

— А мы отсюда вам поможем, — добавил комдив. — Передайте всем бойцам, что я верю в их боеспособность и отвагу.

Разведка уточнила, что на пути полка, в рядом расположенных селах Воронино и Ситниково, на ночь расположилось до двух полков вражеской пехоты. Подойдя скрытно, батальоны Шехтмана внезапно атаковали гитлеровцев. В ночном бою они разгромили штаб одного из полков, уничтожили не менее половины вражеских солдат и офицеров. Кольцо было прорвано. Генерал помог им артиллерией, а потом лично встретил полк на опушке леса, объявил всему личному составу благодарность.

Избежать преследования полку помогли саперы.

Утром того же 18 ноября 27 вражеских танков прорвались у деревни Ченцы и устремились к деревне Строково, чтобы обойти полк с фланга и отрезать ему пути отхода. Полк мог снова ока-

ваться в большой опасности. Танки необходимо было остановить любой ценой. Но у командира полка уже не было никаких резервов, кроме небольшой группы саперов.

Прикрыть единственную дорогу, ведущую из Строково, не дать возможности вражеским танкам перерезать ее начальник штаба полка капитан Блинов приказал младшему лейтенанту Петру Фирстову и политруку Алексею Павлову с отделением саперов (девять человек).

Едва они успели вырыть окопы на западной окраине Строково, как, сотрясая все в окружности и натужно ревя моторами, показалась вражеская танковая колонна. Сперва она обстреляла здание школы, затем снаряды начали рваться рядом с окопами.

— Подпустить эту шпану на бросок гранаты,— приказал Фирстов, зорко всматриваясь в приближающиеся стальные громады. Головная машина, громко лязгая гусеницами, шла прямо на окоп, где находился Павлов с шестью бойцами. Подпустив его поближе, политрук приподнялся и, сильно размахнувшись, бросил связку гранат прямо под гусеницу. Раздался взрыв. Танк вздрогнул и, повернувшись боком, встал с разорванной гусеницей.

Второй танк наехал на окоп, пытался раздавить его защитников. Но в тот же миг о его броню разбилась метко брошенная бутылка с горючей жидкостью, и он запыпал. А третий, зайдя с фланга, открыл вдоль окопа пулеметный огонь. От него погибли политрук Павлов, бойцы Калужный, Синеговский, Юдин.

Горстка саперов, находившаяся в соседнем окопе, попыталась помочь товарищам. Забросав машины гранатами, они одну из них уничтижили. Когда дым от взрыва рассеялся, вместо боевого танка стояла искореженная стальная коробка. Куски разорванной гусеницы валялись в разных местах перед окопом.

Подошли новые машины, и бой продолжался. Новая атака — и снова два танка, объятые пламенем, встали. Оставшийся в живых младший лейтенант Фирстов с последней связкой гранат выскочил из окопа и метнул ее в ближайший танк, подорвав его. Герой был тяжело ранен в ноги и погиб мучительной смертью от рук палачей. Еще живого, гитлеровцы притащили его в деревню, задушили и бросили на дорогу, пустив по нему автомашины *.

* Петр Иванович Фирстов — наш земляк. Он родился в 1912 г. в селе Базарный Карабулак Саратовской области, жил в Вольске, где окончил среднюю школу № 1, затем три года работал разнорабочим на цементном заводе «Большевик». Окончив Московский автомобильный институт, до начала Отечественной войны работал в Средней Азии.

Трупы остальных погибших саперов фашисты погрузили на повозку и куда-то увезли. (В июне 1942 года, когда эти места были освобождены частями Красной Армии, трупы саперов были обнаружены жителями деревни в полу затопленном блинда-же в километре северо-восточнее Строково. Они были перезахоронены с почестями в братской могиле. На месте совершенного ими подвига поставлен обелиск.)

С 10 до 15 часов продолжался этот поединок. До последнего патрона, до последней гранаты сражались советские бойцы. Ни один из них не дрогнул, ни один не отступил. Все пали в неравном бою, честно выполнив до конца воинский долг. Ценой своей жизни они остановили врага, дав возможность полку соединиться с основными силами дивизии.

Так двумя днями позже подвига, совершенного 28 героями-панфиловцами у Дубосекова, не зная о нем, в 16 километрах севернее памятного разъезда группа саперов другого полка повторила его. Орденами Ленина отметила Родина подвиг 11 бесстрашных своих сыновей.

Гибель генерала

В это тревожное утро неспокойно было и в районе расположения штаба дивизии. Разрывы мин и снарядов то и дело сотрясали помещение штаба.

— Уж больно близко к немцам мы разместились, Иван Васильевич,— как бы с укоризной проговорил начальник штаба полковник И. И. Серебряков.— Не положено так.

— Ничего, Иван Иванович,— успокоил его Панфилов.— Где-жарче бой, туда и мы с тобой, чем ближе к немцу, тем большему перцу.

Вскоре в дивизию приехали фотокорреспондент «Правды» М. Калашников и работники политотдела армии. Они привезли с собой свежие газеты. Поздоровавшись с командиром и комиссаром, прибывшие многозначительно переглянулись, затем один из них вынул из сумки газету, развернул ее, начал торжественно, громко читать: «Приказ Народного Комиссара Обороны Союза ССР. За проявленную отвагу в боях, за стойкость, мужество и героизм личного состава переименовать 316-ю стрелковую дивизию в 8-ю гвардейскую стрелковую дивизию (командир дивизии генерал-майор Панфилов И. В.).

В соответствии с Постановлением Президиума Верховного Совета СССР указанной дивизии вручить гвардейское знамя».

А днем раньше за образцовое выполнение заданий Командования в борьбе с немецкими захватчиками дивизия была награждена орденом Красного Знамени.

Панфилов внимательно слушал, как читали эти документы, вспомнил, что еще вчера ему сообщили о присвоении дивизии гвардейского звания. Но в этот момент на одном из важных участков прорвались немцы чуть ли не к штабу дивизии, пришлось спешно под носом у врага перебираться в другое место. Он надел очки, молча взял протянутый ему номер газеты и еще раз прочитал сам.

8-я гвардейская... Дивизия была одним из самых молодых соединений Советской Армии. Всего четыре месяца прошло со дня ее создания, а она уже стала гвардейской и орденоносной. Выдержав труднейший экзамен под стенами столицы, дивизия упрочила за собой репутацию одной из самых боевых и стойких частей. Она стала одним из тех воинских соединений, которые круто оборвали расчеты врага на взятие Москвы *.

В эти минуты прибыл нарочный из штаба 16-й армии. Он привез пакет. Военный Совет армии сердечно поздравлял комдива и весь личный состав с присвоением дивизии почетного звания.

Генерал был глубоко взволнован, на его глазах показались слезы. Ему было радостно сознавать, что его труды увенчались замечательным итогом, высоко оценены партией и народом. Посмотрев на комиссара Егорова, Панфилов проговорил:

— Не стыжусь. Большое дело. Это наша партия всем нам крепко руку пожала — и живым, и мертвым. Пойдите и скажите об этом бойцам.

Подойдя к висевшему на стене зеркалу, Иван Васильевич расправил спину, аккуратно разгладил подстриженные квадратики усов, произнес:

— Думаю, что это не только награда за прошлое. Гвардейское знамя нам дали авансом. Значит, сражаться теперь мы должны так, чтобы оправдать это доверие.

Взяв телефонную трубку, Панфилов позвонил начальнику политотдела дивизии батальонному комиссару А. Ф. Голушки, сообщил ему радостную весть.

— Александр Фомич, — сказал он торжественно, чеканя каждое слово, — передайте, что я горячо поздравляю всех, каждому жму руку, каждому говорю великое спасибо.

* К концу войны она стала 8-й гвардейской мотострелковой, Режицкой, ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова, имени Героя Советского Союза гвардии генерала-майора И. В. Панфилова дивизией.

То и дело звонили телефоны — это поздравляли командиры соседних частей и соединений. Раскрыв коробку «Казбека», Панфилов угостил приезжих, с удовольствием закурил и сам.

Калашников попросил разрешения и сфотографировал Панфилова вместе с комиссаром и начальником штаба на фоне дома, в котором размещался КП. Тепло попрощавшись, он уехал.

Возбуждение на КП понемногу начало спадать, война не хотела, чтобы о ней забывали. И как бы в подтверждение этого за окном грохнул взрыв, взметнув столб земли и снега. Начался очередной обстрел деревни. Мини ложились то ближе, то удалялись, то разрывы их вновь приближались к штабу.

— Что там такое? Узнайте, — распорядился обеспокоенный Панфилов, обращаясь к одному из офицеров, и по привычке посмотрел на часы — было около четырех часов дня.

Один за другим рядом с домом ахнули новые взрывы. Изба вздрогнула, закачалась, из оконных рам с неприятным звоном посыпались разбитые стекла.

— Даже немец с праздником нас поздравляет, салют отдает, — усмехнулся генерал. — Надо сходить на НП, посмотреть, что там!

Надев свой долгополый полушибок и повесив на шею бинокль, вышел из штаба. За ним последовал начальник артиллерии майор Марков. Они немного постояли возле дома. Мимо прошла строем рота саперов. Выслушав рапорт командира роты, генерал приказал вести ее дальше в расчененном строю. Кругом гремели взрывы. Марков направился на наблюдательный пункт. Едва он отошел шагов 15—20, как позади него, там, где стоял Панфилов, с грохотом разорвалась мина. Осколки ее со свистом разлетелись во все стороны. Генерал сделал два-три неровных шага, схватился рукой за грудь, упал. На смуглом его лице появилась бледность. Подбежавшие к нему офицеры начали лихорадочно расстегивать полушибок, приподнимать голову.

— Я буду жить... — с трудом втягивая воздух, прошептал генерал. Мутнеющие глаза его медленно закрылись.

Наступила тишина. Еще не веря в происшедшее, прибежавшие из штаба офицеры бережно подняли обмякшее тело раненого и положили в подъехавшую машину. По дороге в Истру, в медсанбат, Иван Васильевич, не приходя в сознание, скончался. У него оказались перебитыми крупные сердечные сосуды.

Так погиб на боевом посту командир одной из прославленных дивизий Советской Армии.

Похоронили его в Москве, на Ново-Девичьем кладбище, рядом с могилой Героя Советского Союза летчика-истребителя, са-

раторца Виктора Васильевича Талалихина, также погибшего при защите столицы. Всего несколько офицеров и солдат — соратников генерала (дивизия продолжала героически сражаться с врагом) — провожало Панфилова в последний путь. Склонив обнаженные головы, молча прощались они со своим любимым командиром и другом, клялись отомстить за него жестокому врагу. «Светлая память о Иване Васильевиче,— писал Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский,— отдавшего свою жизнь за счастье и будущее советского народа и нашей Родины, будет вечно жить в наших сердцах и сердцах его соратников — бойцов, командиров и политработников дивизии, которая под его руководством заслужила звание гвардейской».

В некрологе, опубликованном во фронтовой газете, группа генералов Советской Армии писала о И. В. Панфилове как о генерале-новаторе, творце нового военного искусства, новой тактики современного оборонительного боя. В газете «Красная Звезда» говорилось: «Смертью героя погиб генерал-майор Панфилов. Гвардейская дивизия потеряла своего славного командира. Красная Армия лишилась опытного и храброго военачальника. В боях с немецкими оккупантами его воинский талант и умение сослужили немалую службу Отечеству.

Имя Панфилова неотделимо от боевой части дивизии, которой он командовал. Она бесстрашно дралась с врагом, вписав блестящие страницы в еще не законченную летопись Отечественной войны против гитлеровской Германии...

Всюду, где появлялась дивизия, она наводила ужас на немцев. Генерал Панфилов быстро изучил вражескую тактику и нашел меры противодействия ей. Он понимал всю ответственность перед Родиной и делал все, чтобы оказаться на высоте своего воинского долга... Дивизия генерала Панфилова была одной из тех наших дивизий, которые с наибольшей мощью сорвали расчеты злобного врага на «молниеносную» войну против Советского Союза».

Смерть любимого командира была тяжелой утратой для воинов выпестованного им соединения. По ходатайству личного состава, а также Военных советов 16-й армии и Западного фронта, постановлением Государственного Комитета Обороны от 23 ноября 1941 года 8-й гвардейской стрелковой дивизии было присвоено имя ее создателя и первого командира гвардии генерал-майора И. В. Панфилова. Имя «панфиловец» стало символом чести, воинской доблести и геройства, беззаветного служения своему народу.

Советское правительство высоко оценило героический подвиг И. В. Панфилова при защите столицы, присвоив ему посмертно

звание Героя Советского Союза. Сражение под Москвой привело его в бессмертие *.

Все дальше в глубь истории уходят от нас суровые годы Великой Отечественной войны. Время отодвинуло, но не затмило их, не выветрило из памяти дорогое для нас имя И. В. Панфилова. О славном комдиве, как о былинном витязе, пишут стихи и повести, народ слагает песни.

Родина никогда не забудет своего сына, горячего патриота. Именем Ивана Васильевича Панфилова названы города и села, школы и клубы, улицы и площади. По ходатайству трудящихся Казахской ССР город Джаркент Талды-Курганской области переименован в город Панфилов, а в Илийском районе его именем назван поселок городского типа. В городе Алма-Ате имя командира 8-й гвардейской стрелковой дивизии носит одна из центральных улиц, в зеленом сквере на ней установлен бронзовый бюст героя.

Помнят своего военного комиссара и трудящиеся Киргизии. Районный центр Старо-Николаевку Фрунзенской области они переименовали в Панфиловское. В столице республики городе Фрунзе прославленному генералу сооружен памятник:

В Киргизии,
В городе Фрунзе,
Я памятник видел такой:
Стоит генерал наш Панфилов
С простертой на запад рукой.

С. В. Смирнов

Памятник И. В. Панфилову установлен и в деревне Гусенево Волоколамского района Московской области, на месте его безвременной гибели. В самой Москве есть улицы, названные в честь славного военачальника и героев-бойцов его дивизии: Панфилова, Клочкива, Героев-панфиловцев и Дубосековская.

На родине героя, в городе Петровске Саратовской области, его имя присвоено школе № 3, в которой он когда-то учился, а в Саратове — 64-й средней школе и одной из улиц.

На мирном поле у Дубосекова, там, где в памятном сорок первом стояли насмерть панфиловцы, сооружен величественный мемориал: по гребню высится многометровые железобетонные

* Направляя М. И. Панфиловой грамоту о присвоении И. В. Панфилову звания Героя, М. И. Калинин писал: «...посылаю Вам грамоту Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Вашему мужу звания Героя Советского Союза для хранения как память о муже-герое, подвиг которого никогда не забудется нашим народом».

фигуры воинов с политруком впереди, восстановлены окопы, а в зелени елок — большая мраморная плита. К ней ведет аллея из 28 молодых лип. На плите золотом выбиты простые и волнующие слова: «Высота «251». Здесь 16 ноября 1941 года, защищая Москву, сражались 28 героев-панфиловцев. Славные сыны нашего народа преградили дорогу 50 фашистским танкам.

«От имени сердца, от имени жизни повторяем:
Вечная слава героям!»

В полутора километрах отсюда, на окраине деревни Нелидово, на братской могиле героев поставлен строгий гранитный обелиск. На нем выбит Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении 28 панфиловцам звания Героя Советского Союза.

У прошлого свой счет времени. Оно ревниво отбирает все ценное, очищает его от случайного и невесомого.

Генерал Панфилов, политрук Клочков! Отблеск легенды лежит на их именах. Трудно представить нашу сегодняшнюю жизнь без этих имен. Это им и их боевым друзьям и товарищам мы обязаны всем тем, что имеем сейчас и что будем иметь в будущем. Они отдали себя тому делу, которое поручила им советская Родина.

Мы рассказали тебе, читатель, об одном из героев Великой Отечественной войны для того, чтобы ты знал, какой дорогой ценой оплачена твоя счастливая жизнь.

И для тебя и для меня
Он сделал все, что мог:
Себя в бою не пожалел,
А Родину сберег.

M. Исаковский

Жизнь неодолима. По-прежнему зеленеют в лесу ели и берескы, все так же в голубом небе светит солнце и во дворах беззаботно играют дети. На родной земле продолжается мирная, радостная жизнь. И в биении сердец оставшихся в живых и спокойно работающих в поле или у станка бьются сердца и тех, кто не дожил с нами до светлого Дня Победы, кто пал со славой на поле боя, кто своей смертью обеспечил своему народу мир и счастье на земле. Они всегда с нами. Они будут вечно жить в нас, в наших сердцах, в нашей памяти. Все, что они не успели совершить, что нужно было сделать вчера, сегодня и даже завтра, они завещали сделать нам, живым.

Содержание

Предисловие	3
От автора	6
Встреча с командармом	7
В Саратове	9
В 25-й Чапаевской	18
От Уральских предгорий до Сальских степей	23
Даешь Варшаву!	31
В Средней Азии	36
Командир дивизии	45
На дальних подступах к столице	51
Волоколамское шоссе	70
И стоять насмерть, и не умирать	86
Слава тех не умирает, кто за Отечество умрет	93
Гибель генерала	106

Георгий Александрович Малинин

ГЕНЕРАЛ ПАНФИЛОВ

Редактор *Л. А. Розанова*

Художник *А. Б. Бобров*

Художественный редактор *В. К. Бутенко*

Технический редактор *Л. В. Андронова*

Корректор *В. Н. Антошина*

ИБ 634

Сдано в набор 24.09.1980 г. Подписано в печать 2.03.1981 г. НГ01427. Формат 60×84 $\frac{1}{8}$.
Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л.
6,51+0,465 л. вклейки. Уч.-изд. л. 6,889+0,361 л. вклейки. Тираж 10 000. Цена 40 коп.
Заказ 2647.

Приволжское книжное издательство. Саратов, пл. Революции, 15.

Производственное объединение «Полиграфист» Управления издательств, полиграфии
и книжной торговли Саратовского облисполкома. Саратов, пр. Кирова, 27.

4016